

Волгоградский государственный медицинский университет

На правах рукописи

Харинин Артем Игоревич

**«НЕПРИКАСАЕМЫЕ» ЭТНОКАСТОВЫЕ СООБЩЕСТВА ИНДИИ:
МОДЕРНИЗАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ**

24.00.01. – теория и история культуры

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:

д.и. н. Беспрозванных Е.Л.

д. филос. н. Черёмушникова И. К.

Волгоград - 2017

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Этнокастовая структура как культурная доминанта цивилизационного развития Индии	28
1.1. Историография проблемы генезиса и развития «неприкасаемых» этнокастовых сообществ Индии	28
1.2. Историко-культурные и идеолого-мировоззренческие условия формирования кастовой системы Индии	44
1.3. Сценарии генезиса «неприкасаемых» и формирование их социокультурного пространства	65
1.4. Основные механизмы социальной эволюции низших каст в системе традиционных общественных отношений	82
Глава 2. «Зарегистрированные» касты и племена в контексте комплексной модернизации Индии (вторая половина XIX – начало XXI вв.)	103
2.1. Формирование социальных элит неприкасаемых сообществ как способ их модернизации и социокультурной интеграции во второй половине XIX – первой половине XX вв.	104
2.2. Далитские движения как субъективный фактор становления социокультурной идентичности «зарегистрированных» каст и племен во второй половине XX в.	128
2.3. Влияние локального контекста на современный социокультурный статус основных далитских каст	148
2.4. Новейшие тенденции социокультурного развития «зарегистрированных» каст и племен в XXI в.	178
Заключение	202
Источники и литература	208
Приложения	242

Введение

Актуальность исследования. Индийская кастовая система продемонстрировала очень высокую устойчивость и способность адаптироваться к изменяющимся социальным, экономическим и политическим реалиям. Это сделало ее одной из ключевых особенностей исторического пути Индии как государства и общества в целом. Существенной деталью, актуализирующейся при более глубоком анализе оснований кастовой системы, оказывается укоренение дискриминирующих норм, обуславливающих социальное отчуждение и формирование жестких иерархичных эндогамных этнокастовых сообществ. Крайним проявлением подобной социокультурной специфики является наличие маргинальных групп, находящихся на дне социального пространства Индии и называемых «неприкасаемыми» или «далитами».

В современной социокультурной ситуации изучение трансформаций «неприкасаемых» каст и возможностей их интеграции в социокультурное целое приобретает особенную остроту по ряду причин.

Во-первых, феномен «неприкасаемости» как явления, характерного для кастовой системы Индии, выходит за рамки локальной истории и приобретает глобальное значение, поскольку современная мировая экономика основывается на высокой степени разделения труда и специализации отдельных регионов мира. Уже сейчас такая ситуация приводит к закреплению за различными сообществами и регионами четко выраженных позиций в мировом социальном пространстве. Отстающие регионы, выпадающие из глобальных связей, превращаются в аналог «неприкасаемых» каст в глазах мирового сообщества. Изучение социальных, экономических, культурных, этнопсихологических оснований дискриминации подобных сообществ способно стать теоретическим фундаментом при решении проблем их интеграции и развития.

Во-вторых, в настоящее время Индия, осуществляет стремительную модернизацию всех сфер своего бытия. Наличие у нее подобных пережитков традиционного социального устройства является серьезным препятствием на пути построения общества нового типа. Практика показала, что политический и юридический путь решения этой проблемы, который последовательно претворялся в жизнь во второй половине XX в., не имел успеха. Интеграция далитских сообществ, была успешной только в тех случаях, когда она основывалась на кардинальной трансформации социально-экономических и социокультурных контуров их существования, а последние могут быть видоизменены только при учете особенностей исторического пути каждой конкретной «неприкасаемой» касты и характера ее связей, интегрирующих ее как в локальное социальное пространство, так и в культурное целое.

Кроме того, в современной Индии ряд далитских каст встал на путь комплексного социокультурного развития, их верхушка активно интегрируется в общенациональную элиту, стремится играть все возрастающую роль в жизни страны, формирует новый тип собственной социальной идентичности. Активно идущий процесс интеграции далитских общин в социальное пространство сформировал социальный заказ на создание истории «неприкасаемых» каст, что также актуализирует исследуемую проблему в культурологическом дискурсе.

Таким образом, тема диссертации представляется актуальной для изучения в рамках теории и истории культуры.

Степень разработанности проблемы. Интерес к проблеме появления и развития «неприкасаемых» этнокастовых сообществ стал формироваться только во второй половине XIX в. вместе с установлением прямого британского колониального управления Индией. С этого периода мы можем говорить о появлении первых исторических сочинений, посвященных проблеме «неприкасаемых» каст. В целом всю историографию

рассматриваемой нами проблемы можно разделить на несколько групп в соответствии с той или иной исследовательской школой.

Первым сложившимся направлением в историографии проблемы далитских общин стали труды британских историков периода колониальной зависимости Индии. Необходимо отметить, что они носили достаточно утилитарный характер и были направлены на сбор и систематизацию эмпирических данных, которые бы помогали администрации Вице-королевства. Среди них значительный вклад внес этнограф Е.А. Блант, чьи труды содержат в себе уникальную информацию более чем тысячи этнокастовых сообществ Индии конца XIX в., в том числе о «неприкасаемых». О каждой из них автор сообщает краткую информацию справочного типа, содержащую данные об истории (если возможно и о возникновении), месте и роли в локальной социальной иерархии, основных занятиях, специфических обычаях и нормах. Для нашей работы этот труд был крайне важен еще и по той причине, что благодаря системному описанию сообществ мы получили возможность выявить изменения в культуре, быте и когнитивном развитии ряда «неприкасаемых» каст, произошедшие в течение XX в.¹

Кроме этнографического направления среди британских трудов этого периода можно выделить ряд работ Г.М. Элиота, М. Эльфинстона и других авторов, в которых рассматривались проблемы мусульманского периода в истории Индии. Очевидно, что основной целью их написания было обобщение и анализ предшествующего опыта иностранного управления Индией. Для нашей тематики эти труды полезны тем, что в них приводятся данные из источников исламского происхождения, характеризующие ряд

---

¹ Blunt, E.A. Nomads in India / E.A. Blunt. – Delhi: Anthropological survey of India, 1982. – 332 p.; Blunt, E.A. The Caste System of Northern India with Special Reference to the United Provinces of Agra and Oudh / E.A. Blunt. – London: Oxford Univ. Press, 1931. – 286 p.

изменений в отношении «неприкасаемых» каст, вызванных дискурсом внутренней политики мусульманских элит Индии².

В рамках британской историографии сформировалась концепция происхождения «неприкасаемых» каст, выдержанная в логике популярной в то время «теории завоевания». Ее наиболее ярким выразителем стал Н. Датт, который доказывал автохтонный характер происхождения низших каст, подвергнувшихся экспансии со стороны племен индоариев³.

В развитие «теории завоевания» применительно к индийским реалиям внес свой вклад Р. Колдвелл, указавший на дравидийский характер диалектов ряда низших каст Северной и Центральной Индии⁴.

Прочие работы британской индологии конца XIX в. – начала XX в. в меньшей степени затрагивали проблему «неприкасаемых» этнокастовых сообществ, обращаясь к ней в каких-либо частных аспектах. Однако важные данные об эволюции социального диалога между «неприкасаемыми» и другими группами населения тех или иных регионов можно почерпнуть из работ А. Форбса и А. Роуза⁵.

Близкими к британской исторической школе по методологии исследования и стилю изложения материала были работы некоторых индийских историков колониального периода. Так, Дж. Бхаттачарайи и О. Верма, опираясь на обширный эмпирический материал, продемонстрировали степень и значение ритуальных норм индуизма в формировании «неприкасаемых» сообществ. Особый интерес для нас представляет их тезис о начале формирования кастовой системы не в рамках

---

² Eliot, H.M. *The History of India, as told by its own historians. The Muhammad period* / H.M. Eliot. – London: Trubner and Co., 1869. – 575 p.; Elphinstone, M. *The History of India: the Hindu and Mahometan periods* / M. Elphinstone. – London: John Murray, 1866. – 716 p.

³ Dutt, N.K. *Origin and growth of caste in India* / N.K. Dutt. – London: K. Paul, Trench, Trubner & Company, Limited, 1931. – 328 p.

⁴ Caldwell, R. *A Comparative Grammar of the Dravidian or South-Indian Family of Languages* / R. Caldwell. – London: Harrison and Sons, 1856. – 528 p.

⁵ Forbes, A.K., Mala R. *Hindoo annals of the province of Goozerat in Western India* / A.K. Forbes. – Vol. 2. – London: Richardson Brothers, 23, Cornhill, 1856. – 461 p.; Rose A. *The Khokhars and Gakhars in Panjab history* / A. Rose // *Indian antiquary*. – Vol. 36. – London: John Murray, 1907. – P. 4-86.

архаичного ведического общества, а значительно позднее, во II в. до н.э., в контексте реакции брахманизма на буддистский период культурной жизни Индии⁶.

Следующий заметный вклад в изучение проблем эволюции далитов внесли индийские историки 1940-х - 1960-х гг., чьи работы были выдержаны в русле социалистической направленности.

Особого упоминания заслуживает Б.Р. Амбедкар, видный политик, юрист и историк, автор Конституции независимой Индии, сам происходивший из «неприкасаемой» касты, но сумевший добиться высокого положения в обществе своим трудом и личными достижениями. Он предложил принципиально новый взгляд на далитов, как на несправедливо дискриминируемую культурно-историческую общность. Ключевым аспектом его концепция являлся тезис об общности всех «неприкасаемых». Поднимая такие острые вопросы, как происхождение «неприкасаемых» каст, их роль в экономической и социальной истории Индии, Б.Р. Амбедкар развивал тезис Вермы об особой роли индуистских элит в формировании негативно ангажированного социального пространства вокруг далитов⁷.

Заложенную Б.Р. Амбедкаром историографическую традицию продолжили такие видные историки как М. Шринивас и Р. Мукхерджи. Первый из них ставил особые акценты в своих исследованиях на изучении принципов социокультурных изменений и трансформаций «неприкасаемых» общин. Именно ему принадлежит введение в оборот термина

---

⁶ Bhattacharya, J.N. Hindu Castes and Sects / J.N. Bhattacharya. – Calcutta: Thacker, Spink and Company, 1896. – 522 p.; Verma, O.P. Yadavas and their Times / O.P. Verma. – Nagpur: Vidarbha Samshodhana Mandal, 1938. – 404 p.

⁷ Ambedkar, B.R. Castes in India: Their Mechanism, Genesis and Development / B.R. Ambedkar // Paper presented at an Anthropology Seminar taught by Dr. A. A. Goldenweizer. Columbia University, 9th May 1916. [Режим доступа]: // http://www.columbia.edu/itc/mealac/pritchett/00ambedkar/txt_ambedkar_castes.html; Ambedkar, B.R. The Annihilation of Caste / B.R. Ambedkar. – Mumbai: Critical Quest, 2007. – 135 p.; Ambedkar, B.R. The Buddha and His Dhamma: Critical Edition / B.R. Ambedkar. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 325 p.; Ambedkar, B.R. Who were Shudras?: How They Came to be the Fourth Varna in the Indo-Aryan Society / B.R. Ambedkar. – Delhi: Thackers Pub., 1970. – 268 p. и др.

«санскритизация», характеризующего особый тип социальной мобильности в индийской кастовой системе, выражающийся в копировании низшими кастами культурных и поведенческих норм повседневной жизни вышестоящих каст и изменении, с течением времени, господствующих в социальном пространстве региона оценок их места в социальной иерархии⁸.

Р. Мукхерджи, изучая те же проблемы, что и Шринивас, скорректировал ряд его выводов, указав на высокое значение уровня культурной зрелости самих каст как фактора их позитивного развития. Кроме того, он первый систематизировал все пространство «неприкасаемых» этнокастовых сообществ, выделив три основных кластера: 1) сельские общины, 2) отсталые племена и 3) малые маргинальные группы, ведущие асоциальный образ жизни. Предложенная им схема легла в основу внутренней социальной политики Индии и в настоящее время учитывается при разработке государственных программ, направленных на стимулирование саморазвития далитов⁹.

В 1960-х - 1970-х гг. в мировой индологии началась широкая дискуссия по проблеме значения тех или иных факторов в формировании феномена кастовой дискриминации. Примат экономических связей и специфики традиционного производства отстаивал видный немецкий исследователь А. Гаус. Он исследовал феномен возникновения кастовой иерархии у мусульман, проникших на территорию Индостана, и выявил основные причины этого. В качестве основного фактора, обусловившего заимствование кастовой системы, им был выделен специфический характер традиционного производства, успешность которого зависела от высочайшего уровня специализации отдельных общин и развития отношений патронно-клиентского типа, обозначенных еще М. Шринивасом как система

---

⁸ Srinavas, M.N. A Note on Sanscritization and Westernization / M.N. Srinivas // Far Eastern Quarterly. – 1956. – No. 15. – P. 481-196; Srinivas, M.N. Social Change in Modern India / M.N. Srinivas. – Los Angeles: University of California Press, 1966. – 200 p.

⁹ Mukherjee, R. The Dynamics of a Rural Society / R. Mukherjee. – Delhi: Popular Prakashan, 1957. – 134 p.

«джаджмани». Суть данного типа связей выражалась в установлении жестко детерминированного ритуальными нормами контакта между производителем товаров или услуг и потребителем, что совершенно исключало любые возможности построения посреднических институтов и модернизацию традиционных занятий¹⁰.

Противоположную точку зрения по данному вопросу отстаивали пакистанский историк А. Имтиаз, а также англичане Н. Гист и Р. Райт¹¹. Их труды затрагивали феномен «неприкасаемости» у мусульман и христиан Индии. В отличие от Гауса они доказывали, что дискриминация в кастовом обществе может носить неявный характер и обусловлена не разделением труда, а социокультурной отчужденностью общин, борющихся за лучшие социальные позиции и роли в каждом конкретном замкнутом регионе.

Интересная позиция в исследовании проблем феномена «неприкасаемости» была представлена Ч. Дрекмеером и Дж. Сильвербергом. Они привели ряд достаточно оригинальных критических положений в адрес устоявшихся представлений о жесткости кастовой системы Индии. В частности, ими был отмечен факт как негативных, так и позитивных перемен при переселении тех или иных этнокастовых сообществ из одного исторически сложившегося региона в другой. Таким образом, они продемонстрировали, что все касты являются локальными культурными конструктами, не имеющими универсального статуса в масштабе страны¹².

Отдельного внимания заслуживает отечественная индология, появление проблематики «неприкасаемых» каст в которой пришлось на 1950-е - 1960-е гг. Советскую научную школу отличало следование марксистской

---

¹⁰ Ghaus, A. Muslim Caste in Uttar Pradesh: A Study of Culture Contact / A. Ghaus // *Eastern Anthropologist*. – 1960. – No. 13. – P. 66-80.

¹¹ Gist, N.P., Wright, R.D. Marginality and Identity: Anglo-Indians as a Racially-Mixed Minority in India / N.P. Gist, R.D. Wright. – Leiden: E.J. Brill. Publ., 1973. – 161 p; Imtiaz, A. Caste and social stratification among the Muslims / A. Imtiaz. – Delhi: Manohar Book Service, 1973. – 256 p.

¹² Drekmeier, C. Kingship and community in early India / C. Drekmeier. – Stanford: Stanford university press, 1962. – 369 p; Silverberg, J. Social Mobility in the Caste System in India: An Interdisciplinary Symposium / J. Silverberg // *The American Journal of Sociology*. – 1969. – No. 3. – P. 438-446.

методологии и определенная политическая ангажированность. Особенно явно это проявлялось в ранних исследованиях.

Так, в работах И.М. Рейснера, Н.Н. Сосниной и Г.Ф. Ильина «неприкасаемые» касты рассматривались в качестве эксплуатируемого класса, обладающего политическим самосознанием. Кроме того, практически игнорировались позитивные перемены, происходившие в отношениях между далитами и прочими этнокастовыми сообществами Индии, далитами при переходе политического управления к мусульманам или англичанам¹³.

Существенное развитие изучения проблемы «неприкасаемых» в отечественной индологии получило с публикацией статей Г.Г. Котовского и Е.М. Медведева. Обе работы отличало выделение экономических отношений как главного фактора социального развития. Тем не менее, они содержали ряд оригинальных выводов и взглядов относительно генезиса этих социальных групп и их роли в индийском обществе. Довольно любопытной деталью, отмеченной Е.М. Медведевым, является замечание о том, что «ритуальная чистота» каст в индуизме имеет прямое отношение к физической гигиене и «неприкасаемость», как культурный феномен, объясняется естественным стремлением обеспеченных слоев населения оградить себя от инфекционно опасных контактов с маргинальными группами. Заметим, что эта оригинальная идея подтверждается массой эмпирических данных, свидетельствующих об особенностях быта далитов, как древности, так и наших дней¹⁴.

---

¹³ Ильин, Г.Ф. Основные проблемы рабства в древней Индии / Г.Ф. Ильин // История и культура древней Индии. – М.: Наука, 1963. С. 120-147; Рейснер, И.М. Восстания джатов в области Агра - Дели в конце XVII – начале XVIII в. / И.М. Рейснер // Ученые записки Института Востоковедения АН СССР. – Т. XVIII. – М.: Восточная литература, 1957. – С. 3-25; Соснина, Н.Н. Использование английскими колонизаторами кастовой системы / Н.Н. Соснина // Касты в Индии. – М.: Наука, 1965. – С. 296-321.

¹⁴ Котовский, Г.Г. Социально-экономическое содержание проблемы «неприкасаемых» / Г.Г. Котовский // Ученые записки Института Востоковедения АН СССР. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. – Т. V. – С. 75-152; Медведев, Е.М. Karmakara и Bhrtaka. К проблеме формирования низших каст / Е.М. Медведев // Касты в Индии. – М.: Наука, 1965. – С. 133-150.

Первым исследователем, оспорившим формационный подход к изучению кастовой системы Индии, стал И.М. Дьяконов. Формально оставаясь в дискурсе советской школы, он в своих исследованиях земледельческих общин древнего Востока поставил под сомнение адекватность экстраполяции на индийские общественные отношения теоретических выводов, полученных на материале Европы и Средиземноморья¹⁵.

Непосредственное развитие идеи И.М. Дьяконова получили в трудах Г.М. Бонгард-Левина, который обосновал специфические особенности социокультурного диалога и жесткую эндогамность кастовой системы Индии ее многоукладностью и колоссальной разницей в развитии различных регионов и сообществ. По этой причине феномен «неприкасаемых», на его взгляд, стал, своего рода, проявлением растерянности общества и неготовности выстраивать продуктивные схемы взаимодействия между основной массой общинников и маргиналами, появляющимися в результате имущественного расслоения¹⁶.

Значительный вклад в понимание принципов функционирования кастовой системы Индии внесли А.А. Куценков и М.К. Кудрявцев. Первый из них затронул проблему эволюции кастовой системы, крайне редко поднимавшуюся до этого отечественными исследователями. Автору удалось выделить основные этапы ее развития, указать на важнейшие факторы, повлиявшие на нее, и даже предложить свой прогноз ее дальнейшего существования. Примечательно, что Куценков избежал крайне часто встречавшегося обобщения основных тенденций исторического пути далитов. Он указывал на различные источники формирования «неприкасаемых» и на разницу в их социокультурном развитии. М.К. Кудрявцев сделал основным предметом своего анализа базовые

---

¹⁵ Дьяконов, И.М. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей / И.М. Дьяконов // ВДИ. – 1963. – №1. – С. 16-34.

¹⁶ Бонгард - Левин, Г.М., Ильин, Г.Ф. Индия в древности / Г.М. Бонгард – Левин, Г.Ф. Ильин. – М.: Наука, 1985. – 756 с.

социальные характеристики индийской касты XX в. К сожалению, он не рассматривал их в исторической динамике. С другой стороны, детальный анализ структуры и функционирования отдельных каст, а также особенностей их взаимодействия друг с другом позволил ему сделать множество интересных выводов о повседневном бытии «неприкасаемых», а также о некоторых культурных инновациях, являющихся проявлением общего процесса модернизации индийского общества¹⁷.

Отдельного упоминания заслуживает подход, продемонстрированный Н.Р. Гусевой. Ее монография, выполненная в стиле западных эмпирических исследований, примечательна для нас тем, что рисует законченную картину отношений в отдельно взятом традиционном локальном социальном пространстве. Учитывая, что в Раджастхане проживает значительное количество «неприкасаемых», которые по своему происхождению относятся ко всем основным типам, выделенным М. Шринивасом, работа оказывается крайне полезной для нашей тематики, т.к. детально описывает особенности межкастового взаимодействия и основные пути осуществления социальной мобильности в современной Индии¹⁸.

Из современных отечественных работ, затрагивающих проблему «неприкасаемых», можно выделить монографию Е.Н. Успенской. В целом, автор продолжил логику исследований М.К. Кудрявцева, дополнив его анализом влияния индуизма как социокультурной технологии элит на формирование норм общественной жизни Индии. Кроме того, автор обратила внимание на ряд наметившихся смысловых искажений некоторых терминов в индологии, которые таят в себе риски потери адекватного восприятия специфики и принципов функционирования социокультурного пространства страны¹⁹.

---

¹⁷ Кудрявцев, М.К. Кастовая система в Индии / М.К. Кудрявцев. – М.: Наука, 1992. – 264 с; Куценков, А.А. Эволюция индийской касты / А.А. Куценков. – М.: Наука, 1983. – 325 с.

¹⁸ Гусева, Н.Р. Раджастханцы. Народ и проблемы / Н.Р. Гусева. – М.: Наука, 1989. – 230 с.

¹⁹ Успенская, Е.Н. Антропология индийской касты / Е.Н. Успенская. – СПб.: Наука, 2010. – 557 с.

В современной отечественной исследовательской литературе проблема адаптации традиционных форм организации социокультурного пространства общества к инновациям, порождаемым вовлечением обществ в систему глобальных связей и зависимостей, находит отражение в самом широком спектре социально-гуманитарных работ. Среди них заслуживают внимания труды И.А. Петровой, т.к. в них содержится тезис о внешних трансформациях традиций, происходящих под воздействием модернизации, но сохранении внутренних психологических и ментальных аспектов, выступающих в качестве основы социальной идентичности²⁰.

Актуальность проблемы «зарегистрированных» каст и необходимость их эмансипации в рамках модернизации страны сформировали социальный заказ на соответствующие исследования в современной Индии.

Индийская историография конца XX – начала XXI вв. отличается особым вниманием к вопросам особенностей социокультурного бытия отдельных каст, а также их саморазвитию, проявляющемуся в деятельности.

Среди сочинений современных индийских историков, посвященных проблеме «неприкасаемых», значительную часть представляют работы, являющиеся своеобразными справочниками, в которых приводятся и анализируются обширные эмпирические данные. Так, например, Р. Кширасагар систематизировал и описал в хронологическом порядке основные проявления социального протеста со стороны далитов после сипайского восстания и до смерти Б.Р. Амбедкара²¹. К.С. Сингх проделал огромную работу по классификации современных далитских этнокастовых сообществ. Особенный интерес в его работе представляет указание автором на генетические связи между различными общинами, доказывающие

---

²⁰ Петрова И.А. Культурные революции XX века: Разрыв с традиционной культурой или ее продолжение? / И.А. Петрова // Вестник ВолГУ. Серия 7, Философские науки и культурология. – 2014. № 1 (21). – С. 13-20. и др.

²¹ Kshirasagara R.K. Dalit Movement in India and its Leaders, 1857–1956 / R.K. Kshirasagara. – New Delhi: M.D. Publications Pvt. Ltd., 1994. – 459 p.

единство их происхождения и позволяющие отчасти проследить основные направления внутренней миграции низших слоев индийского населения²².

Колоссальным вкладом в дело сбора эмпирических данных стала серия «Энциклопедия далитов» С. Пасвана и П. Джадейвы. В ее рамках были выпущены тома, посвященные проблематике прав человека, общественных и политических движений, лидеров, а также анализу основных социально-экономических проблем далитов и перспектив их решения. Каждый из томов отличается огромный объем и скрупулезная подача материала²³.

Развитием данного подхода стал ряд работ современных индийских исследователей. Так, М.Л. Матура является автором обширного труда, посвященного «отстающим кастам» или шудрам, Р.Кумар – исторического экскурса в раннюю историю далитов и компаративного анализа с современным состоянием, а К. Дас – этнографического описания «неприкасаемых» западных штатов Индии. Все эти работы отличает огромный объем текстов и множество данных статистического характера. В то же время, они редко содержат в себе оригинальный анализ или авторские концепции и, скорее, выполняют функцию подготовки эмпирической базы для нового осмысления данной проблематики²⁴.

В современной индийской историографии особенную популярность приобретают также работы, в которых изучаются правовые аспекты повседневной жизни далитов. К ним относятся монографии У. Чакраборти,

---

²² Singh, K.S. People of India: The Scheduled Castes / K.S. Singh. – Vol. 2. – New Delhi: Anthropological Survey of India, 1993. – 256 p.

²³ Paswan, S., Jaideva, P. Encyclopaedia of Dalits in India: Human Rights / S. Paswan, P. Jaideva. – Delhi: Kalpaz Publications, 2003. – 372 p.; Paswan, S., Jaideva, P. Encyclopaedia of Dalits in India: Leaders / S. Paswan, P. Jaideva. – Delhi: Kalpaz Publications, 2005. – 456 p.; Paswan, S., Jaideva, P. Encyclopaedia of Dalits in India: Movements / S. Paswan, P. Jaideva. – Delhi: Kalpaz Publications, 2002. – 332 p.; Paswan, S., Jaideva, P. Encyclopaedia of Dalits in India: Problems and Perspectives / S. Paswan, P. Jaideva. – Delhi: Kalpaz Publications, 2003. – 448 p.

²⁴ Mathur, M.L. Encyclopedia of Backward Castes: Comissions / M.L. Mathur. – Vol. 2. – Delhi: Kalpaz Publications, 2004. – 309 p; Kumar, R. Encyclopedia of Untouchables Ancient, Medieval and Modern / R. Kumar. – Delhi: Kalpaz Publications, 2008. – 505 p.; Das, K.C. Global Encyclopedia of West India Dalit's Ethnography / K.C. Das. – New Delhi: Global Vision Publishing House, 2008. – 392 p.; Das, K.C. Indian Dalits: Voices, Visions and Politics / K.C. Das. – Delhi: Global Vision Publishing House, 2004. – 295 p.

Н. Моханадаса и М.Д. Намишрея, С. Нарулы, П.К. Шинде и др. Для контекста нашего исследования они полезны как источник о современном характере межкастового диалога и сопровождающих его трудностях и рисках²⁵.

Завершая анализ работ индийских исследователей, необходимо упомянуть еще один пласт историографии, формирующийся вокруг исследования аспектов взаимодействия далитов с другими слоями населения, а также степени их интегрированности в правовой и социокультурный проекты построения новой Индии. Нюансам межкастового диалога уделено достаточно много внимания в трудах А., С. Бхатта и Г. Бхарагвы, А. Канджамалы, С. Мохана и др. Они представляют интерес, прежде всего, как комплексные междисциплинарные исследования, использующие методологию, построенную на синтезе культурологии, истории, социологии, политологии и права. В результате, авторы, даже не выдвигая оригинальных концепций и положений, формируют достаточно целостное восприятие объекта исследования²⁶.

Отдельного упоминания заслуживает работа Р. Чандры и С. Миттры, в которой подробно рассматривается проблема построения новой социальной идентичности «зарегистрированных» каст, способствующей их эмансипации и адаптации к обществу постмодерна²⁷.

---

²⁵ Chakraborti, U. *Gendering Caste: Through a Feminist Lens* / U. Chakraborti. – Calcutta: Bhakti and Sen, 2003. – 183 p.; Mohanadasa, N., Namishray, M.D. *Dalit freedom fighters* / N. Mohanadasa, M.D. Namishray. – New Delhi: Gyan Publishing House, 2010. – 252 p.; Narula S. *Broken People: Violence Against India's "Untouchables"* / S. Narula. – New York: Human Rights Watch, 1999. – 291 p.; Shinde, P. K. *Dalits and Human Rights: Dalits and Racial Justice* / P.K. Shinde. – Delhi: Isha Books, 2005. – 298 p.

²⁶ Ghosh, A. *Dalits and peasants: the emerging caste-class dynamics* / A. Ghosh. – Delhi: Gyan Sagar publications, 1999. – 373 p.; Bhatt, S.C., Bharagva G.K. *Land and People of Indian States and Union Territories: In 36 Volumes* / S.C. Bhatt. – Kerala. – Vol. 14. Delhi: Kalpaz Publications, 2006. – 438 p.; Kanjamala, A. *Social Analysis of Migration in India* / A. Kanjamala // *Migration and Mission in India*. – P. 1-27.; Mohan, S. *Dalit Discourse and the Evolving self: Contest and Strategies* / S. Mohan. – Madras: Mahatma Gandhi University Press, 1999. – 254 p.

²⁷ Chandra, R., Mittra, S. *Dalit Identity in the new millennium: Jagjivan Ram and His Times* / R. Chandra, S. Mittra. – Vol. 5. – New Delhi: Commonwealth Publ., 2003. – 313 p.

Современные западные исследователи проблемы «неприкасаемых» этнокастовых сообществ в меньшей степени могут быть отнесены к какому-либо определенному научному направлению или школе, т.к. используют в своих трудах методологию, основанную на интеграции отдельных аспектов различных исследовательских подходов. Тем не менее, мы можем выделить некоторую регионоведческую направленность в работах Х. Горринджа, предметом анализа которого выступают преимущественно далиты южных штатов Индии. Автор подчеркивает тесную связь природных, социальных и культурных условий развития маргинальных этнокастовых сообществ и, в целом, рассматривает их движения за сохранение традиционной идентичности как локальное проявление антиглобализма ²⁸. Во многом аналогичны выводы, полученные Дж. Лерчем, на основании анализа жизненного уклада сельскохозяйственных рабочих Уттар-Прадеша ²⁹. Большой акцент в сторону психосоциальных и ментальных оснований традиционных форм идентичности мы встречаем в статьях М.Т. Джозефа и О.М. Линча ³⁰.

Проблеме эмансипации «неприкасаемых» групп и поиска места в модернизирующемся социуме, вписанном в международную систему связей, посвящены работы О. Мендельсона и М. Вицзиани Н.Р. Левина. Примечательны эти работы тем, что в них доказывается неизбежность скорой деструкции классических форм кастовой системы индийским обществом и появления новых форм социальной иерархии, адаптированной к

---

²⁸ Gorringe, H. *Becoming a Dalit Panther: Caste-Based Activism in South India* / H. Gorringe // *Ethnic Activism and Civil Society in South Asia*. – New Delhi: SAGE Publications, 2009. – P. 145-174; Gorringe, H. *Untouchables Citizens: Dalit Movements and Democratisation in Tamil Nadu* / H. Gorringe. – New Delhi: SAGE Publications, 2005. – 397 p.

²⁹ Lerche, J. *Politics of the Poor: Agricultural Labourers and Political Transformations in Uttar Pradesh* / J. Lerche // *Rural Labour Relation in India*. – New York: Routledge, 1999. – P. 182-242.

³⁰ Joseph, M.T. *Migration and Identity Formation: A Case Study of Dalit Assertion in Aurangbad, Maharashtra* / M.T. Joseph // *Migration and Mission in India*. – Delhi: Ishvani Kedra, 2007. – P. 95-124; Lynch, O.M. *The Politics of Untouchability: A Case from Agra* / O.M. Lynch // *Structure and Change of Indian Society*. – Chicago: Aldine Pub. Co., 2007. – P. 209-242.

потребностям глобального социума. В то же время, авторы отмечают, что оригинальный культурно-исторический характер индийского социума, выражающийся в замкнутости отчуждении социальных групп друг от друга, сохранится и, скорее всего, найдет для себя новые основания³¹.

Подводя итог краткому описанию основных историографических подходов и позиций, необходимо подчеркнуть, что проблеме трансформации «неприкасаемых» этнокастовых сообществ посвящено значительное количество трудов, особенно зарубежных авторов. Однако недостаточно проработанной остается проблема управляемого изменения традиционных форм их бытия в условиях существования постиндустриального, информационного мира. Эта тема только начинает прорабатываться современными исследователями. Кроме того, крайне незначительное количество работ из числа касающихся этих вопросов, обращается к проблематике генезиса и обнаружения основных механизмов эволюции «неприкасаемых» каст Индии в традиционном обществе и обществе модерна. Таким образом, из множества работ лишь незначительное число являются исследованиями, включающими как анализ статического состояния проблемы, так и исследование особенностей динамики ее развития.

Объектом данного диссертационного исследования являются «неприкасаемые» этнокастовые сообщества Индии.

Предметом исследования стал процесс интеграции «неприкасаемых» в условиях модернизирующегося социума, а также способы формирования их новой культурной идентичности, проявляющейся в трансформации структуры, изменении функций и качества взаимодействия с другими группами населения.

---

³¹ Levin, N.R. The Changing Social Structure in Contemporary India / N.R. Levin // Contemporary India: Economy, Society, Politics. – New Delhi: Dorling Kindersley (India) Pvt., Ltd., 2009. – P. 107-120; Mendelsohn, O., Vicziany, M. The Untouchables: Subordination, Poverty and the State in Modern India / O. Mendelsohn, M. Vicziany. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 289 p.

Целью работы является выявление особенностей трансформации «неприкасаемых» этнокастовых сообществ в условиях модернизации общества, а также роли социокультурных факторов в этих процессах.

Для поставленной цели необходимо было решить следующие **задачи**:

- дать характеристику историографии проблем «неприкасаемых», обозначить наиболее актуальные дискуссионные вопросы;
- уточнить понятие «каста», прояснить соотношение понятий «неприкасаемые» и «далиты», определить комплекс объективных историко-культурных факторов, обуславливающих устойчивое существование кастового строя;
- исследовать проблему генезиса ранних «неприкасаемых» сообществ, охарактеризовать основные концепции их происхождения;
- выявить основные механизмы эволюции, обусловившие особенности развития далитских каст в рамках традиционного этапа существования индийского суперэтноса;
- охарактеризовать процесс формирования социальных элит у «неприкасаемых» в контексте комплексной модернизации и вестернизации страны в период британского правления;
- осветить особенности становления далитских движений как субъективного фактора в развитии социальной, экономической и политической сфер жизни индийского общества во второй половине XX в.;
- дать оценку влиянию локального контекста на современное социокультурное состояние далитских каст.
- выявить современные критерии, определяющие место «зарегистрированных» каст в социальной иерархии, установить их связь с трансформациями, происходящими в модернизирующемся обществе.

Хронологические рамки исследования охватывают обширный период: с эпохи экспансии индоариев, формирования ведической цивилизации и варновой системы во II тыс. до н.э. до современного состояния проблемы на начало XXI в. Столь широкие рамки обусловлены медленным характером социокультурных трансформаций «неприкасаемых» этнокастовых сообществ, которые они претерпели в древности, средневековье и в период Нового времени, что вынуждает обращаться к указанным периодам социальной истории далитов.

Территориальные рамки работы охватывают пространство современной Индии, а также некоторые юго-восточные районы Пакистана, что обусловлено границами распространения индуистской кастовой системы или заимствования некоторых ее аспектов общностями, находящимися в тесном контакте с ней. Большая часть эмпирического материала, использованного автором, относится к штатам северной и центральной Индии, что обусловлено большей зрелостью и социокультурным многообразием «неприкасаемых» общин этих регионов. На основании доступного фактического материала также были изучены далиты юга и проведен компаративный анализ «зарегистрированных» каст разных частей Индии.

Методологической базой исследования стал социокультурный подход, в рамках которого культура понимается как интегрированная совокупность социальных явлений, являющихся продуктами взаимодействия различных сфер жизни общества и его развития.

В основу исследования положены принципы всесторонности, системности, историзма и объективности. Применение *всесторонности* позволило нам рассматривать процесс эволюции «неприкасаемых» каст как комплексное интегрированное историческое явление. *Системный* взгляд на объект исследования обеспечил возможность изучения эволюции «неприкасаемых», их качественного усложнения, а также трансформацию связей с другими кастами в рамках иерархически организованного

социального пространства. Принцип *историзма* использован при анализе изменений, далитских общин в контексте социального, экономического, культурного или политического взаимодействия. Следуя принципу *объективности*, мы стремились избежать ангажированных оценок или интерпретаций описываемых событий.

В работе также были использованы специальные методы исторической науки: *историко-генетический* метод позволил установить особенности происхождения «неприкасаемых» каст, а также историю их существования и накопления социального опыта подобных эндогамных общностей; *историко-системный* метод предоставил нам необходимый инструментарий для анализа совокупности «неприкасаемых» каст как социальной системы, характеризующейся наличием генетических, структурных и функциональных связей, определяющих позиции конкретных каст и их роли в жизни индийского общества; использование *историко-сравнительного* метода позволило сделать ряд качественных оценок при сопоставлении социальных позиций идентичных каст в различных регионах страны, а также при изучении изменений, происходивших с теми или иными общинами с течением времени. *Историко-типологический* метод обеспечил возможность разделения большой и достаточно разнородной массы далитских общин на несколько принципиально различающихся между собой групп, что было необходимо при оценке потенциала саморазвития каст в современной Индии.

Источниковая база исследования включает в себя следующие виды источников:

1. *Законодательные, подзаконные и нормативные акты.*

Особенного внимания среди этой группы источников заслуживают «Законы Ману» и «Конституция Индии»³², т.к. они являются фундаментальными документами, определяющими модель правового, экономического,

---

³² Законы Ману / Пер. С.Д. Эльманович. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1960. – 359 с.; Конституция Индии // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония, Индия. – М.: Изд-во Волтерс Клувер, 2006. С. 422–574.

политического и иных форм межкастового взаимодействия с «неприкасаемыми» слоями населения в традиционной и современной Индии. Сюда можно отнести материалы Пунского Пакта³³ и заключение комиссии Саймона³⁴, а также многочисленные национальные Акты о защите гражданских прав³⁵.

2. *Делопроизводственные документы* различных государственных и неправительственных организаций, занимавшихся проблемами «зарегистрированных» каст. К числу первых можно отнести отчеты Национальной Комиссии «зарегистрированных» каст и племен³⁶, доклады комиссий, отвечающих за планирование в сфере внутренней политики³⁷, а также серию сборников «Люди Индии», являющуюся комплексным описанием условий жизни различных этнокастовых общностей тех или иных штатов страны³⁸. Материалы работы неправительственных организаций представляют собой либо разнообразные доклады международных инстанций, занимающихся контролем над соблюдением прав человека³⁹, либо отчеты политических организаций самих далитов⁴⁰.

---

³³ Poona Pact // A Dalit Media. – Dr. Babasaheb Ambedkar and his People site [Режим доступа]: // <http://www.ambedkar.org/impdocs/poonapact.htm>

³⁴ Simon Commission Report on India. – Delhi: Swati Publications, 1930. – 301 p.

³⁵ The Protection of Civil Rights Act, 1955 // Constitutional Safeguards for Weaker Sections and the Minorities in India. – New York: Concept Publishing Company, 1999. – P. 123-140. и т.д.

³⁶ Report of the Commissioner for Scheduled Castes and Tribes // Commission for Scheduled Castes and Scheduled Tribes. – Part 2. – Government of India Press, 1962. – 84 p.; Report of the Commission for Scheduled Castes and Scheduled Tribes // Commission for Scheduled Castes and Scheduled Tribes. Government of India Press, 1986. – 448 p. и т.д.

³⁷ См. например: Planning Commission. Government of India. Geographical and Historical Features // Kerala Development Report. – New Delhi: Academic Foundations, 2008. – 476 p.

³⁸ См. например: People of India: Bihar. – Vol. XVI. – Part 2. – Mumbai: Popular Prakashan Pvt., Ltd., 2005. – 1624 p.; People of India: Haryana. – Vol. XXIII. – Mumbai: Manohar Publishers & Distributors, 2005. – 1542 p.; People of India: Maharashtra. – Vol. XXX. – Part 1. – Mumbai: Popular Press, 2004. – 2130 p.; People of India: Rajasthan. – Vol. XXXVIII. – Part 2. – Mumbai: Manohar Publishers & Distributors, 2005. – 1068 p.; People of India: Tamil Nadu. – Vol. XXVI. – Part 2. – New Delhi: Anthropological Survey of India, 1997. – 1348 p. и т.д.

³⁹ См. например: Hidden Apartheid: Caste Discrimination against India's "Untouchables". – Human Rights Watch short reports, Asia. – Shadow Report to the UN Committee on the Elimination of Racial Discrimination. – Vol. 19. – No. 3. – New York: Center for Human Rights and Global Justice, 2007. – 118 p.

⁴⁰ People list belonging to Namasudrasamaj community // Namassej (Namasudra) Samaj. [Режим доступа]: // http://namasudra.com/index.php?id=5&no_cache=1; Dalit Freedom Fund

3. *Статистические сборники.* В подавляющем большинстве они имеют государственное происхождение, что отражает одну из любопытных особенностей индийской внутренней политики – высокую степень открытости. В этом случае сборники обычно являются статистическими приложениями к результатам переписи населения, проводимой каждые десять лет ⁴¹. В противном случае, статистические сборники создаются международными неправительственными организациями, занимающимися оценкой степени успешности модернизации индийского общества и его инвестиционной привлекательности ⁴².

4. *Статьи в периодической печати.* Как правило, в ней находят отражение какие-либо сенсационные сообщения ⁴³ и потому они представляются нам недостаточно продуктивными и достоверными. Тем не менее, этот вид источников нельзя игнорировать в силу соображений оценки социальной значимости или политической актуальности изучаемой нами проблематики.

5. *Мемуары* исторических деятелей, непосредственно сталкивавшихся с проблемами «неприкасаемых» каст, таких как Дж. Неру, М. Ганди и Б.Р. Амбедкар ⁴⁴. В этом ряду заслуживают внимания

---

d/b/a Dalit Freedom Network Financial Statements. December 31, 2012 // Dalit Freedom Network. [Режим доступа]: // chrome-extension://oemmndcblldboiebfnladdacbfmadadm/http://www.dalitnetwork.org/eeimages/uploads/Dalit_Freedom_Network_FS_2012.pdf и т.д.

⁴¹ См. например: Assam. Data highlights: The Scheduled Castes // Census of India 2001. – Government of India. [Режим доступа]: chrome-extension://oemmndcblldboiebfnladdacbfmadadm/http://censusindia.gov.in/Tables_Published/S_CST/dh_sc_assam.pdf; TamilNadu. Data Highlights: The Scheduled Castes // Census of India 2001. Government of India. [Режим доступа]: // chrome-extension://oemmndcblldboiebfnladdacbfmadadm/http://censusindia.gov.in/Tables_Published/S_CST/dh_sc_tamilnadu.pdf и т.д.

⁴² См. например: Urban India 2011: Evidence. – New Delhi: Indian Institute for Human Settlements, 2011. – 59 p.

⁴³ См. например: Cohen, N. The secret scandal of Britain's caste system / N. Cohen // The guardian. 26.06.2011. [Режим доступа]: // http://www.theguardian.com/commentisfree/2011/jun/26/nick-cohen-trevor-phillips-caste-discrimination и т.д.

⁴⁴ Неру, Дж. Автобиография / Дж. Неру. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 653 с.; Ambedkar, B.R. WaitingforaVisa / B.R. Ambedkar // site of Columbia University.

воспоминания Говинда Нараяна, после издания которых жизнь «неприкасаемых» Мумбая сформировала архетипичное представление об этой группе населения у международного сообщества и послужила основой для популяризации тематики в средствах массовой информации, литературе и киноиндустрии⁴⁵.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в отечественной индологии проблема «неприкасаемых» этнокастовых сообществ была рассмотрена в исторической перспективе, а также в дискурсе проблематики модернизационных процессов в обществе и адаптации к ним маргинальных социокультурных общностей, придерживающихся традиционного уклада повседневного бытия. При этом, в отличие от работ других авторов:

- феномен «неприкасаемости» в работе был исследован, прежде всего, как результат социокультурной эволюции индийского общества на всех этапах его существования;
- предложена периодизация процесса эволюции «неприкасаемых» этнокастовых сообществ, простирающегося от периода генезиса кастовой системы до современного состояния проблемы;
- совокупность «неприкасаемых» каст исследована с позиции их мультигенности, т.е. разницы в происхождении, детерминирующей собой как место и роль каждой конкретной «неприкасаемой» касты, так и ее способность к социокультурному саморазвитию и эмансипации;
- показано значение интеллектуального развития далитов для процесса их эмансипации. На всем пространстве страны данный тезис подтверждается особенностями появления и развития общегосударственного политического движения, борющегося за права «неприкасаемых», на уровне

[Режим доступа]: // http://www.columbia.edu/itc/mealac/pritchett/00ambedkar/txt_ambedkar_waiting.html; Gandhi, M. Hind Swaraj and Other Writings / M. Gandhi. – New York: Cambridge University Press, 1997. – 208 p.

⁴⁵ Narayana, G. Govind Narayan's Mumbai: An Urban Biography from 1863 / G. Narayana. – New York: Anthem Press, 2009. – 385 p.

отдельных регионов установлена прямая зависимость экономической успешности и положительной социальной мобильности каст от их интеллектуальной зрелости;

- выявлен искусственный характер происхождения множества маргинальных этнокастовых сообществ;

- указан ряд черт, являющихся в современной урбанизированной части индийского общества основанием для формирования нового витка кастового отчуждения и дискриминации, тормозящих процесс полной модернизации социума.

Научная новизна работы раскрывается в **положениях, выносимых на защиту:**

1. Историография проблем «неприкасаемых» на настоящий момент остается слабо проработанной. Низшие касты как объект исследования остаются периферийной темой в русле кастовой системы Индии. По этой причине культурологический подход способен обеспечить комплексное исследование феномена «неприкасаемых», поскольку нацелен на исследование данного феномена в контексте историко-культурных трансформаций и сосредоточен на выявлении детерминирующих факторов и способов интеграции в культурное целое.
2. Индийская кастовая система продемонстрировала исключительную устойчивость и высокий адаптивный потенциал к изменяющемуся историко-культурному контексту. Эти качества обусловлены рядом экономических и мировоззренчески-идеологических факторов, характерных для индуистской цивилизации. Узкая хозяйственная специализация каст является ключевым условием экономического выживания. Среди мировоззренческих оснований кастовой системы особую роль играет концепция ритуальной чистоты, производной которой являются представления о «неприкасаемости», не теряющие

актуальности для индийских реалий в любом историческом контексте.

3. Генезис «неприкасаемых» каст происходил в рамках нескольких различных сценариев. Мы можем выделить три основные группы причин их формирования. К первой относится внешнее завоевание и систематическая эксплуатация покоренных общин. Ко второй – социально-экономическое расслоение и маргинализация обедневших слоев с их последующим вытеснением в особые дискриминируемые слои. К третьей – вовлечение в орбиту индуистской цивилизации племен, находившихся на более низких стадиях общественно-экономического развития. Все три типа причин объединяет ведущая роль религиозно-мировоззренческих представлений об общественном устройстве в процессе кастовой институционализации.
4. На традиционном этапе развития «неприкасаемые» не имели социальных лифтов. Эволюция данных сообществ протекала крайне медленно. Тем не менее, в их развитии можно выделить три этапа. Первый относится к периоду становления классического индуизма и гонений на буддизм. Его ключевой новацией стало оформление кастового формата существования «неприкасаемых» групп населения и формирование локальных социокультурных идентичностей. Второй, средневековый этап, выразился в дроблении крупных каст на более мелкие по принципу хозяйственной специализации и углублении социокультурной изолированности отдельных общин. Третий этап пришелся на процесс колонизации Индии и отличался генезисом наиболее ранних форм социальной мобильности, среди которых особое распространение получила «санскритизация».
5. С началом реализации британского проекта модернизации Индии «неприкасаемые» подверглись существенной трансформации. Она выразилось в доступе к образованию, появлении рабочих мест в системе колониальной администрации и армии. Таким образом,

сложился ряд объективных предпосылок к появлению у «неприкасаемых» собственных социальных элит, которые приступили к формированию идентичности, реконструкции исторической памяти, а позднее начали политическую борьбу за свои права.

6. Важнейшим достижением далитских элит в независимой Индии стал выбор легальных способов борьбы, благодаря которым к концу XX в. был приобретен позитивный опыт межкастового диалога, уменьшен уровень насилия, совершаемого на почве кастовой дискриминации, сконструировано единое коммуникативное пространство низших каст и обеспечено их политическое представительство.
7. В современной Индии кастовая система продолжает испытывать на себе значительное влияние локального контекста. На материалах таких штатов как Уттар-Прадеш, Ассам и Тамилнад нами было установлено, что историко-культурные условия формирования отдельных каст продолжают играть решающую роль в их современном состоянии, а также в значительной мере детерминируют собой возможные перспективы дальнейшего развития. Исходя из этого очевидна необходимость учета этой социокультурной специфики при осуществлении государственной социальной политики и решении проблем расконсервации архаичных сообществ.
8. В начале XXI в. кастовая система Индии успешно адаптируется к реалиям общества модерна, трансформируя ряд внешних проявлений, но сохраняя свои сущностные, культурно обусловленные черты. Принципиальной новацией стало изменение факторов, определяющих место касты в иерархии. На смену архаичным представлениям о «ритуальной чистоте» приходят такие качества, как: рентабельность производства, урбанизированность, уровень зрелости элиты, интеллектуальное развитие. Ключевой технологией, обеспечивающей социальную мобильность, остается социокультурный вектор,

поскольку все перечисленные новации ни что иное как современные формы санскритизации в новых условиях модернизации и вестернизации.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Основные положения и выводы способствуют обогащению представлений об особенностях социокультурной трансформации далитских каст, роли их происхождения и места в социальной иерархии региона как важных условий успешной модернизации и эмансипации. Автором были выделены некоторые социальные технологии саморазвития «неприкасаемых», которые появились еще на традиционном этапе их существования, но сохранили свою эффективность и в настоящее время.

Представленные материалы могут быть полезными при разработке государственных программ развития отстающих этнокультурных общностей и оптимизации их взаимоотношений с остальными группами населения в рамках комплексной модернизации страны. Обобщения фактического и эмпирического материала могут быть использованы при подготовке работ, посвященных проблемам «неприкасаемых» этнокастовых сообществ Индии, а также при написании спецкурсов, выпускных квалификационных работ.

Структура диссертации состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы, приложений.

Глава 1. Этнокастовая структура как культурная доминанта цивилизационного развития Индии

Предметом исследования данной части работы являются наиболее общие вопросы, характеризующие сущность кастовой системы Индии в целом, а также «неприкасаемых» этнокастовых сообществ, занимающих самые низшие дискриминируемые позиции на этапе доминирования традиционных отношений в обществе.

Автор характеризует современное состояние историографии проблемы «неприкасаемых», выявляет исторические и культурные основания кастовой системы, выделяет основные сценарии генезиса собственно «неприкасаемых», а также анализирует эволюцию данных сообществ от древнейших времен до начала модернизации Индии в середине XIX в.

1.1. Историография проблемы генезиса и развития «неприкасаемых» этнокастовых сообществ Индии.

Историография проблемы генезиса и развития «неприкасаемых» этнокастовых сообществ начала формироваться только во второй половине XIX в. вместе с установлением прямого британского управления Индией. В целом всю совокупность исторических работ, посвященных данной тематике, можно разделить на несколько групп в соответствии с той или иной исследовательской школой.

Первым сложившимся направлением в историографии стали труды британских историков периода колониальной зависимости Индии. Их отличал утилитарный, практически ориентированный характер, т.к. они были направлены, в первую очередь, на сбор и систематизацию эмпирических данных, необходимых для администрирования Вице-королевства. Среди наиболее ранних авторов необходимо отметить этнографа Е.А. Бланта, чьи труды содержат в себе уникальную информацию об этнокастовых сообществах Индии конца XIX в., в том числе, о «неприкасаемых». О каждой

касте автор сообщает краткую информацию справочного типа, содержащую данные о генезисе, истории, позиции в социальной иерархии по месту локализации, основных занятиях, обычаях и морально-этических нормах. Для нашей работы этот труд представляется крайне ценным потому, что благодаря системному описанию сообществ мы можем проследить изменения **в культуре, быте и интеллектуальном развитии** ряда «неприкасаемых» каст, произошедшие в течение XX в.⁴⁶

Кроме трудов, выдержанных в логике этнографических исследований, можно выделить чисто исторические работы Г.М. Элиота, М. Эльфинстона. Основной акцент их интереса был смещен в сторону мусульманского периода в истории Индии. При этом ключевая цель их исследований носила достаточно утилитарный характер и была направлена на обобщение и анализ предшествующего опыта иностранного управления Индией. Для нашей тематики эти труды полезны тем, что в них приводятся данные из источников исламского происхождения, характеризующие ряд изменений в отношении «неприкасаемых» каст, вызванных дискурсом внутренней политики мусульманских элит Индии⁴⁷.

В рамках британской историографии сформировалась концепция происхождения «неприкасаемых» каст, выдержанная в логике популярной в то время «теории завоевания». Ее наиболее ярким выразителем стал Н. Датт, который доказывал, что низшие касты являются потомками автохтонного населения Индии, подвергшегося индоарийскому завоеванию и низведенному до статуса эксплуатируемых и дискриминируемых социальных групп⁴⁸.

---

⁴⁶ Blunt, E.A. Nomads in India / E.A. Blunt. – Delhi: Anthropological survey of India, 1982. – 332 p.; Blunt, E.A. The Caste System of Northern India with Special Reference to the United Provinces of Agra and Oudh / E.A. Blunt. – London: Oxford Univ. Press, 1931. – 286 p.

⁴⁷ Eliot, H.M. The History of India, as told by its own historians. The Muhammad period / H.M. Eliot. – London: Trubner and Co., 1869. – 575 p.; Elphinstone, M. The History of India: the Hindu and Mahometan periods / M. Elphinstone. – London: John Murray, 1866. – 716 p.

⁴⁸ Dutt, N.K. Origin and growth of caste in India / N.K. Dutt. – London: K. Paul, Trench, Trubner & Company, Limited, 1931. – 328 p.

Дальнейшее развитие «теории завоевания» связано с исследовательской деятельностью британского историка Р. Колдвелла, приведшего ряд убедительных лингвистических свидетельств в пользу данной гипотезы. В частности им был доказан дравидийский характер диалектов ряда низших каст Северной и Центральной Индии⁴⁹.

Прочие работы британской индологии конца XIX в. – начала XX в. в меньшей степени затрагивали проблему «неприкасаемых» этнокастовых сообществ, касаясь ее лишь в каких-либо частных аспектах. Однако некоторые сведения о развитии социокультурной коммуникации между «неприкасаемыми» и другими группами населения тех или иных регионов можно почерпнуть из работ А. Форбса и А. Роуза⁵⁰.

Близкими к британской исторической школе по методологии исследования и стилю изложения материала были работы некоторых индийских историков колониального периода. Так, Дж. Бхаттачарайи и О. Верма, опираясь на обширный эмпирический материал, они продемонстрировали степень и значение ритуальных норм индуизма в формировании «неприкасаемых» сообществ. Особый интерес для нас представляет их тезис о начале формирования кастовой системы не в рамках архаичного ведического общества, а значительно позднее, во II в. до н.э., в контексте реакции брахманизма на буддистский период культурной жизни Индии⁵¹.

Следующий заметный вклад в изучение проблем эволюции далитов внесли индийские историки 1940-х - 1960-х гг., чьи работы были выдержаны в русле социалистической направленности.

---

⁴⁹ Caldwell, R. A Comparative Grammar of the Dravidian or South-Indian Family of Languages / R. Caldwell. – London: Harrison and Sons, 1856. – 528 p.

⁵⁰ Forbes, A.K., Mala R. Hindoo annals of the province of Goozerat in Western India / A.K. Forbes. – Vol. 2. – London: Richardson Brothers, 23, Cornhill, 1856. – 461 p.; Rose A. The Khokhars and Gakhars in Panjab history / A. Rose // Indian antiquary. – Vol. 36. – London: John Murray, 1907. – P. 4-86.

⁵¹ Bhattacharya, J.N. Hindu Castes and Sects / J.N. Bhattacharya. – Calcutta: Thacker, Spinkand Company, 1896. – 522 p.; Verma, O.P. Yadavas and their Times / O.P. Verma. – Nagpur: Vidarbha Samshodhana Mandal, 1938. – 404 p.

Особого упоминания заслуживает Б.Р. Амбедкар, видный политик, юрист и историк, автор Конституции независимой Индии, сам происходивший из «неприкасаемой» касты, но сумевший добиться высокого положения в обществе своим трудом и личными достижениями. Он предложил принципиально новый взгляд на далитов, как на несправедливо дискриминируемую культурно-историческую общность. Ключевым аспектом его концепция являлся тезис об общности всех «неприкасаемых». Поднимая такие острые вопросы, как происхождение «неприкасаемых» каст, их роль в экономической и социальной истории Индии, Б.Р. Амбедкар развивал тезис О. Вермы об особой роли индуистских элит в формировании негативно ангажированного социального пространства вокруг далитов ⁵².

Заложенную Б.Р. Амбедкаром историографическую традицию продолжили такие видные индийские историки как М. Шринивас и Р. Мукхерджи. Первый из них ставил особые акценты в своих исследованиях на изучении принципов социокультурных изменений и трансформаций «неприкасаемых» общин. Именно ему принадлежит введение в оборот термина «санскритизация», характеризующего особый тип социальной мобильности в индийской кастовой системе, выражающийся в копировании низшими кастами культурных и поведенческих норм повседневной жизни вышестоящих каст и изменении, с течением времени, господствующих в социальном пространстве региона оценок их места в социальной иерархии ⁵³. Работы М. Шриниваса имеют особое методологическое значение для нашего

---

⁵² Ambedkar, B.R. *Castes in India: Their Mechanism, Genesis and Development* / B.R. Ambedkar // Paper presented at an Anthropology Seminar taught by Dr. A. A. Goldenweizer. Columbia University, 9th May 1916. [Режим доступа]: // http://www.columbia.edu/itc/mealac/pritchett/00ambedkar/txt_ambedkar_castes.html; Ambedkar, B.R. *The Annihilation of Caste* / B.R. Ambedkar. – Mumbai: Critical Quest, 2007. – 135 p.; Ambedkar, B.R. *The Buddha and His Dhamma: Critical Edition* / B.R. Ambedkar. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 325 p.; Ambedkar, B.R. *Who were Shudras?: How They Came to be the Fourth Varna in the Indo-Aryan Society* / B.R. Ambedkar. – Delhi: Thackers Pub., 1970. – 268 p. и др.

⁵³ Srinivas, M.N. *A Note on Sanscritization and Westernization* / M.N. Srinivas // *Far Eastern Quarterly*. – 1956. – No. 15. – P. 481-196; Srinivas, M.N. *Social Change in Modern India* / M.N. Srinivas. – Los Angeles: University of California Press, 1966. – 200 p.

исследования, т.к. в них содержится ряд ключевых теоретических конструкций, необходимых для понимания процесса «санскритизации» – основной социокультурной технологии по преодолению дискриминирующих норм кастеизма.

Р. Мукхерджи, изучая те же проблемы, что и М. Шринивас, скорректировал ряд его выводов, указав на большое значение уровня культурной зрелости самих каст как фактора их позитивного развития. Кроме того, он первый систематизировал все пространство «неприкасаемых» этнокастовых сообществ, выделив три основных кластера: 1) сельские общины, 2) отсталые племена и 3) малые маргинальные группы, ведущие асоциальный образ жизни. Предложенная им схема легла в основу внутренней социальной политики Индии и в настоящее время учитывается при разработке государственных программ, направленных на стимулирование саморазвития далитов⁵⁴.

В 1960-х - 1970-х гг. в мировой индологии началась широкая дискуссия по проблеме значения тех или иных факторов в формировании феномена кастовой дискриминации. Примат экономических связей и специфики традиционного производства отстаивал видный немецкий исследователь А. Гаус. Он исследовал феномен возникновения кастовой иерархии у мусульман, проникших на территорию Индостана, и выявил основные причины этого. В качестве основного фактора, обусловившего заимствование кастовой системы, им был выделен специфический характер традиционного производства, успешность которого зависела от высочайшего уровня специализации отдельных общин и развития отношений патронно-клиентского типа, обозначенных еще М. Шринивасом как система «джаджмани». Суть данного типа связей выражалась в установлении жестко детерминированного ритуальными нормами контакта между производителем товаров или услуг и потребителем, что совершенно исключало любые

---

⁵⁴ Mukherjee, R. The Dynamics of a Rural Society / R. Mukherjee. – Delhi: Popular Prakashan, 1957. – 134 p.

возможности построения посреднических институтов и модернизацию традиционных занятий ⁵⁵. Экономическая гипотеза А. Гауса представляется нам весьма важной с методологической точки зрения, т.к. позволяет адекватно и непротиворечиво поместить в рамки единой теоретической схемы значительное многообразие эмпирических данных, свидетельствующих об уникальности каждого конкретного локального социального пространства в индийском обществе.

Противоположную точку зрения по данному вопросу отстаивали пакистанский историк А. Имтиаз, а также англичане Н. Гист и Р. Райт ⁵⁶. Их труды затрагивали феномен «неприкасаемости» у мусульман и христиан Индии. В отличие от А. Гауса, они доказывали, что дискриминация в кастовом обществе может носить неявный характер, и обусловлена не разделением труда, а социокультурной отчужденностью общин, борющихся за лучшие социальные позиции и роли в каждом конкретном замкнутом регионе.

Оригинальный подход в исследовании феномена «неприкасаемости» был представлен Ч. Дрекмеером и Дж. Сильвербергом. Они привели ряд важных критических замечаний в адрес устоявшихся представлений о жесткости кастовой системы Индии. В частности, ими был отмечен факт как негативных, так и позитивных перемен при переселении тех или иных этнокастовых сообществ из одного исторически сложившегося региона в другой. Таким образом, они продемонстрировали, что все касты являются локальными культурными конструктами, не имеющими универсального статуса в масштабе страны ⁵⁷.

---

⁵⁵ Ghaus, A. Muslim Caste in Uttar Pradesh: A Study of Culture Contact / A. Ghaus // *Eastern Anthropologist*. – 1960. – No. 13. – P. 66-80.

⁵⁶ Gist, N.P., Wright, R.D. *Marginality and Identity: Anglo-Indians as a Racially-Mixed Minority in India* / N.P. Gist, R.D. Wright. – Leiden: E.J. Brill. Publ., 1973. – 161 p; Imtiaz, A. *Caste and social stratification among the Muslims* / A. Imtiaz. – Delhi: Manohar Book Service, 1973. – 256 p.

⁵⁷ Drekmeier, C. *Kingship and community in early India* / C. Drekmeier. – Stanford: Stanford university press, 1962. – 369 p; Silverberg, J. *Social Mobility in the Caste System in India: An*

Отдельного внимания заслуживает отечественная индология, появление проблематики «неприкасаемых» каст, в которой пришлось на 1950-е - 1960-е гг. Советскую научную школу отличало следование марксистской методологии и определенная политическая ангажированность. Особенно явно это проявлялось в ранних исследованиях.

Так, в работах И.М. Рейснера, Н.Н. Сосниной и Г.Ф. Ильина «неприкасаемые» касты рассматривались в качестве эксплуатируемого класса, обладающего политическим самосознанием. Кроме того, ими в значительной степени игнорировались позитивные перемены, происходившие в отношениях между далитами и прочими кастами Индии при переходе политического управления к мусульманам или англичанам⁵⁸.

Существенное развитие изучение «неприкасаемых» в отечественной индологии получило с публикацией статей Г.Г. Котовского и Е.М. Медведева⁵⁹. Обе работы отличало выделение экономических отношений как главного фактора социального развития. Тем не менее, они содержали ряд оригинальных выводов и взглядов относительно генезиса этих социальных групп и их роли в индийском обществе. Довольно любопытной деталью, отмеченной Е.М. Медведевым, является замечание о том, что «ритуальная чистота» каст в индуизме имеет прямое отношение к физической гигиене и «неприкасаемость», как культурный феномен, объясняется естественным стремлением обеспеченных слоев населения оградить себя от инфекционно опасных контактов с маргинальными

Interdisciplinary Symposium / J. Silverberg // *The American Journal of Sociology*. – 1969. – No. 3. – P. 438-446.

⁵⁸ Ильин, Г.Ф. Основные проблемы рабства в древней Индии / Г.Ф. Ильин // *История и культура древней Индии*. – М.: Наука, 1963. С. 120-147; Рейснер, И.М. Восстания джатов в области Агра - Дели в конце XVII – начале XVIII в. / И.М. Рейснер // *Ученые записки Института Востоковедения АН СССР*. – Т. XVIII. – М.: Восточная литература, 1957. – С. 3-25; Соснина, Н.Н. Использование английскими колонизаторами кастовой системы / Н.Н. Соснина // *Касты в Индии*. – М.: Наука, 1965. – С. 296-321.

⁵⁹ Котовский, Г.Г. Социально-экономическое содержание проблемы «неприкасаемых» / Г.Г. Котовский // *Ученые записки Института Востоковедения АН СССР*. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. – Т. V. – С. 75-152; Медведев, Е.М. Karmakara и Bhrtaka. К проблеме формирования низших каст / Е.М. Медведев // *Касты в Индии*. – М.: Наука, 1965. – С. 133-150.

группами. Заметим, что эта идея подтверждается массой эмпирических данных, свидетельствующих об особенностях быта далитов, как древности, так и наших дней.

Первым исследователем, оспорившим формационный подход к изучению кастовой системы Индии, стал И.М. Дьяконов. Формально оставаясь в дискурсе советской школы, он в своих исследованиях земледельческих общин древнего Востока, поставил под сомнение адекватность экстраполяции теоретических выводов, полученных на материале Европы и Средиземноморья, на индийские общественные отношения⁶⁰.

Совершенно новым этапом в отечественной индологии, характеризующимся разрывом с идеологическими догмами, стали труды Г.М. Бонгард-Левина, который обосновал специфические особенности социокультурного диалога и жесткую эндогамность кастовой системы Индии ее многоукладностью и колоссальной разницей в развитии различных регионов и сообществ. По этой причине феномен «неприкасаемых», на его взгляд, стал, своего рода, проявлением растерянности общества и неготовности выстраивать продуктивные схемы взаимодействия между основной массой общинников и маргиналами, появляющимися в результате имущественного расслоения⁶¹.

Значительный вклад в понимание принципов функционирования кастовой системы Индии внесли А.А. Куценков и М.К. Кудрявцев. Первый из них затронул проблему эволюции кастовой системы, крайне редко поднимавшуюся до этого отечественными исследователями. Автору удалось выделить основные этапы ее развития, указать на важнейшие факторы, повлиявшие на нее, и даже предложить свой прогноз ее дальнейшего существования. Примечательно, что Куценков избежал крайне часто

---

⁶⁰ Дьяконов, И.М. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей / И.М. Дьяконов // ВДИ. – 1963. – №1. – С. 16-34.

⁶¹ Бонгард - Левин, Г.М., Ильин, Г.Ф. Индия в древности / Г.М. Бонгард – Левин, Г.Ф. Ильин. – М.: Наука, 1985. – 756 с.

встречавшегося обобщения основных тенденций исторического пути далитов. Он указывал на различные источники формирования «неприкасаемых» и на разницу в их социокультурном развитии. М.К. Кудрявцев сделал основным предметом своего анализа базовые социальные характеристики индийской касты XX в. К сожалению, он не рассматривал их в исторической динамике. С другой стороны, детальный анализ структуры и функционирования отдельных каст, а также особенностей их взаимодействия друг с другом позволил ему сделать множество интересных выводов о повседневном бытии «неприкасаемых», а также о некоторых культурных инновациях, являющихся проявлением общего процесса модернизации индийского общества⁶².

Отдельного упоминания заслуживает подход, продемонстрированный Н.Р. Гусевой. Ее монография, выполненная в стиле западных эмпирических исследований, примечательна для нас тем, что рисует законченную картину отношений в отдельно взятом традиционном локальном социальном пространстве. Учитывая, что в Раджастхане проживает значительное количество «неприкасаемых», которые по своему происхождению относятся ко всем основным типам, выделенным М. Шринивасом, работа оказывается крайне полезной для разработки нашей тематики, т.к. детально описывает особенности межкастового взаимодействия и основные пути осуществления социальной мобильности в современной Индии⁶³.

Из современных отечественных работ, затрагивающих проблему «неприкасаемых», можно выделить монографию Е.Н. Успенской. В целом, она продолжила логику исследований М.К. Кудрявцева, дополнив его анализом влияния индуизма как социокультурной технологии элит на формирование норм общественной жизни Индии. Кроме того, автор обратила внимание на ряд наметившихся смысловых искажений некоторых терминов в индологии, которые таят в себе риски потери адекватного

---

⁶² Кудрявцев, М.К. Кастовая система в Индии / М.К. Кудрявцев. – М.: Наука, 1992. – 264 с; Куценков, А.А. Эволюция индийской касты / А.А. Куценков. – М.: Наука, 1983. – 325 с.

⁶³ Гусева, Н.Р. Раджастханцы. Народ и проблемы / Н.Р. Гусева. – М.: Наука, 1989. – 230 с.

восприятия специфики и принципов функционирования социокультурного пространства страны ⁶⁴.

Особенную ценность для изучения отечественной историографии проблемы имеют работы А.В. Балаболиной, характеризующиеся четкой систематизацией ряда определений научных понятий и терминов, предложенных ранее в отечественной индологии. Основной акцент автор делает на исследовании проблем становления и развития отечественной историографии кастовой системы Индии. В работах выделяются основные этапы и точно очерчивается проблемное поле, актуальное для каждого из них ⁶⁵.

Несомненный интерес для нашего исследования представляют исследования И.П. Глушковой, касающиеся феномена индийского религиозно-философского паломничества в частности и феномена экстерриториальных социокультурных связей в целом. Особенно интересным в контексте изучения специфики кастовой системы Индии представляется вывод автора об особом значении подобных связей, как одной из ключевых технологий поддержания единства многоукладного и пестрого социокультурного пространства страны, а также источника развития общественной мысли и общественных отношений ⁶⁶.

Заслуживают упоминания работы А.М. Шустовой, посвященные проблеме философского обновления индуизма, происходившего в начале XX в. Особенно ценным для нашей тематики является исследование А.М. Шустовой общественно-политической деятельности и философских

---

⁶⁴ Успенская, Е.Н. Антропология индийской касты / Е.Н. Успенская. – СПб.: Наука, 2010. – 557 с.

⁶⁵ Балаболина А.В. Проблемы кастового строя Индии в освещении отечественной историографии XIX-XX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань. Изд-во Казанского государственного университета культуры и искусств, 2006. – 333 с.; Балаболина А.В. Соотношение понятий варна и каста (джати) в отечественной науке // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2010. № 1. – С. 57-61.

⁶⁶ Глушкова И.П. Индийское паломничество. Метафора движения и движение метафоры. М.: Научный мир, 2000. – 264 с.; Глушкова И.П. Подвижность и подвижничество. М.: Наталис, 2008. – 512 с.

исканий Ауробиндо Гхоша – одного из видных гуру индуизма, выступавших за модернизацию архаичных систем общественного сознания и развитие общедоступной сети образовательных учреждений ⁶⁷.

Кроме того, некоторые политологические и социологические работы современных отечественных исследователей представляют для нас несомненный интерес, т.к. в них затрагиваются отдельные социокультурные аспекты процесса модернизации традиционного индийского общества ⁶⁸.

В современной отечественной исследовательской литературе проблема адаптации традиционных форм организации социокультурного пространства общества к инновациям, порождаемым вовлечением обществ в систему глобальных связей и зависимостей, находит отражение в достаточно широком спектре социально-гуманитарных работ. Среди них отдельного упоминания заслуживают те, в которых на теоретическом уровне обсуждаются вопросы соотношения этнического и социального. Применительно к теме нашего исследования особенно полезными были работы исследователей волгоградской научной школы И.А. Петровой, Г.П. Кибасовой и Н.Н. Седовой, выдержанные в дискурсе этнотемпоральной концепции И.А. Петровой. Данная концепция выступает в качестве методологического основания для ряда теоретических схем и моделей, постулируемых в нашем исследовании. Суть этой концепции заключается в выделении четырех волн глобального этногенеза и анализу этносиальной темпоральности через призму стадияльной принадлежности рассматриваемого общества к определенному историческому типу идентичности ⁶⁹. В рамках данной логики кастовая система Индии может

---

⁶⁷ Шустова А.М. Философско-религиозная антропология Ауробиндо Гхоша: дисс... на соискание ученой степени кандидата философских наук. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2000. – 186 с.

⁶⁸ Степанянц М.Т. Социокультурные основания модернизации Индии // Полис. Политические исследования. – 2012. № 1. – С. 26-42; Калущкий А.А. Социокультурный анализ мировоззренческих оснований традиционной культуры Индии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. – 2014. № 6. – С. 114-119.

⁶⁹ Петрова И.А. Особенности цивилизационного развития России в этническом времени: дисс... на соискание ученой степени доктора философских наук. - Волгоград: ВолГУ,

трактоваться как один из немногих прецедентов, иллюстрирующих способность древнейших этносов к сохранению и адаптации к меняющимся условиям. Принципиальным положением данной концепции, подтверждаемым эмпирическим материалом нашей работы, является тезис об особой устойчивости подобных систем, обусловливаемой длительным периодом существования архаичных культурных норм, детерминирующих общественное сознание. В результате, в процессе модернизации ряд традиций подвергается неизбежной трансформации или вовсе исчезает, но сохраняются внутренние психологические и ментальные аспекты, выступающие в качестве основы социальной идентичности ⁷⁰. Этот тезис перекликается полученными нами выводами относительно специфики процесса «санскритизации», происходящей в современной Индии и являющейся одной из важнейших и актуальнейших социальных технологий эмансипации «неприкасаемых».

Актуальность проблемы «зарегистрированных» каст и необходимость их эмансипации в рамках модернизации страны сформировали социальный заказ на соответствующие исследования в современной Индии. Индийская историография конца XX – начала XXI вв. отличается особым вниманием к вопросам особенностей социокультурного бытия отдельных каст, а также их саморазвитию, проявляющемуся в деятельности.

Среди сочинений современных индийских историков, посвященных проблеме «неприкасаемых» значительную часть представляют работы, являющиеся своеобразными справочниками, в которых приводятся и анализируются обширные эмпирические данные. Так, например,

---

2000. - С. 287-290. Петрова И.А., Комиссарова Е.В. «Этническое время» в контексте категории «время» в истории философии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2012. № 11 (75). – С. 167-170; Петрова И.А., Седова Н.Н. Этносоциальная темпоральность России: постановка проблемы. – 2000. № 2. – С. 78.

⁷⁰ Петрова И.А., Кибасова Г.П., Жура В.В. Этногенез и социогенез: проблемы взаимодействия. // Вестник ВолГУ. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. – 2012. № 2. – С. 11-16; Петрова И.А. Культурные революции XX века: Разрыв с традиционной культурой или ее продолжение? / И.А. Петрова // Вестник ВолГУ. Серия 7, Философские науки и культурология. – 2014. № 1 (21). – С. 13-20.

Р. Кширасагар систематизировал и описал в хронологическом порядке основные проявления социального протеста со стороны далитов с момента сипайского восстания и до смерти Б.Р. Амбедкара ⁷¹. К.С. Сингх проделал огромную работу по классификации современных далитских этнокастовых сообществ. Особенный интерес в его работе представляет указание автором на генетические связи между различными общинами, доказывающие единство их происхождения и позволяющие отчасти проследить основные направления внутренней миграции низших слоев индийского населения ⁷².

Колоссальным вкладом в сбор эмпирических данных стала серия «Энциклопедия далитов» С. Пасвана и П. Джадейвы. В ее рамках были выпущены тома, посвященные проблематике прав человека, общественных и политических движений, лидеров, а также анализу основных социально-экономических проблем далитов и перспектив их решения. Каждый из томов отличается огромный объем и скрупулезная подача материала ⁷³.

Развитием данного подхода стал ряд работ современных индийских исследователей. Так, М.Л. Матура является автором обширного труда, посвященного «отстающим кастам» или шудрам, Р. Кумар – исторического экскурса в раннюю историю далитов и компаративного анализа с современным состоянием, а К. Дас – этнографического описания «неприкасаемых» западных штатов Индии. Все эти работы отличаются огромный объем текстов и множество данных статистического характера. В то же время, они редко содержат в себе оригинальный анализ или авторские

---

⁷¹ Kshirasagara R.K. *Dalit Movement in India and its Leaders, 1857–1956* / R.K. Kshirasagara. – New Delhi: M.D. Publications Pvt. Ltd., 1994. – 459 p.

⁷² Singh, K.S. *People of India: The Scheduled Castes* / K.S. Singh. – Vol. 2. – New Delhi: Anthropological Survey of India, 1993. – 256 p.

⁷³ Paswan, S., Jaideva, P. *Encyclopaedia of Dalits in India: Human Rights* / S. Paswan, P. Jaideva. – Delhi: Kalpaz Publications, 2003. – 372 p.; Paswan, S., Jaideva, P. *Encyclopaedia of Dalits in India: Leaders* / S. Paswan, P. Jaideva. – Delhi: Kalpaz Publications, 2005. – 456 p.; Paswan, S., Jaideva, P. *Encyclopaedia of Dalits in India: Movements* / S. Paswan, P. Jaideva. – Delhi: Kalpaz Publications, 2002. – 332 p.; Paswan, S., Jaideva, P. *Encyclopaedia of Dalits in India: Problems and Perspectives* / S. Paswan, P. Jaideva. – Delhi: Kalpaz Publications, 2003. – 448 p.

концепции и, скорее, выполняют функцию подготовки эмпирической базы для нового осмысления данной проблематики ⁷⁴.

В современной индийской историографии особенную популярность приобретают также работы, в которых изучаются правовые аспекты повседневной жизни далитов. К ним относятся монографии У. Чакраборти, Н. Моханадаса и М.Д. Намишрея, С. Нарулы, П.К. Шинде и др. Для контекста нашего исследования они полезны как источник о современном характере межкастового диалога и сопровождающих его трудностей и рисков ⁷⁵.

Завершая анализ работ индийских исследователей, необходимо упомянуть еще один пласт историографии, формирующийся вокруг исследования аспектов взаимодействия далитов с другими слоями населения, а также степени их интегрированности в правовой и социокультурный проекты построения новой Индии. Нюансам межкастового диалога уделено достаточно много внимания в трудах А., С. Бхатта и Г. Бхарагвы, А. Канджамалы, С. Мохана и др. Они представляют интерес, прежде всего, как комплексные междисциплинарные исследования, использующие методологию, построенную на синтезе культурологии, истории, социологии, политологии и права. В результате, авторы, даже не выдвигая оригинальных концепций и положений, формируют достаточно целостное восприятие объекта исследования ⁷⁶.

---

⁷⁴ Mathur, M.L. *Encyclopedia of Backward Castes: Comissions* / M.L. Mathur. – Vol. 2. – Delhi: Kalpaz Publications, 2004. – 309 p; Kumar, R. *Encyclopedia of Untouchables Ancient, Medieval and Modern* / R. Kumar. – Delhi: Kalpaz Publications, 2008. – 505 p.; Das, K.C. *Global Encyclopedia of West India Dalit's Ethnography* / K.C. Das. – New Delhi: Global Vision Publishing House, 2008. – 392 p.; Das, K.C. *Indian Dalits: Voices, Visions and Politics* / K.C. Das. – Delhi: Global Vision Publishing House, 2004. – 295 p.

⁷⁵ Chakraborti, U. *Gendering Caste: Through a Feminist Lens* / U. Chakraborti. – Calcutta: Bhakti and Sen, 2003. – 183 p.; Mohanadasa, N., Namishray, M.D. *Dalit freedom fighters* / N. Mohanadasa, M.D. Namishray. – New Delhi: Gyan Publishing House, 2010. – 252 p.; Narula S. *Broken People: Violence Against India's "Untouchables"* / S. Narula. – New York: Human Rights Watch, 1999. – 291 p.; Shinde, P. K. *Dalits and Human Rights: Dalits and Racial Justice* / P.K. Shinde. – Delhi: Isha Books, 2005. – 298 p.

⁷⁶ Ghosh, A. *Dalits and peasants: the emerging caste-class dynamics* / A. Ghosh. – Delhi: Gyan Sagar publications, 1999. – 373 p.; Bhatt, S.C., Bharagva G.K. *Land and People of Indian States*

Отдельного упоминания заслуживает работа Р. Чандры и С. Миттры, в которой подробно рассматривается проблема построения новой социальной идентичности «зарегистрированных» каст, способствующей их эмансипации и адаптации к обществу постмодерна⁷⁷.

Современные западные исследователи проблемы «неприкасаемых» этнокастовых сообществ в меньшей степени могут быть отнесены к какому-либо определенному научному направлению или школе, т.к. используют в своих трудах методологию, основанную на интеграции отдельных аспектов различных исследовательских подходов. Тем не менее, мы можем выделить некоторую регионоведческую направленность в работах Х. Горринджа, предметом анализа которого выступают преимущественно далиты южных штатов Индии. Автор подчеркивает тесную связь природных, социальных и культурных условий развития маргинальных этнокастовых сообществ и, в целом, рассматривает их движения за сохранение традиционной идентичности как локальное проявление антиглобализма⁷⁸. Во многом аналогичны выводы, полученные Дж. Лерчем, на основании анализа жизненного уклада сельскохозяйственных рабочих Уттар-Прадеша⁷⁹. Большой акцент в сторону психосоциальных и ментальных оснований традиционных форм идентичности мы встречаем в статьях М.Т. Джозефа и О.М. Линча⁸⁰.

---

and Union Territories: In 36 Volumes / S.C. Bhatt. – Kerala. – Vol. 14. Delhi: Kalpaz Publications, 2006. – 438 p.; Kanjamala, A. Social Analysis of Migration in India / A. Kanjamala // Migration and Mission in India. – Delhi: Ishvani Kedra, 2007. – P. 1-27.; Mohan, S. Dalit Discourse and the Evolving self: Contest and Strategies / S. Mohan. – Madras: Mahatma Gandhi University Press, 1999. – 254 p.

⁷⁷ Chandra, R., Mittra, S. Dalit Identity in the new millennium: Jagjivan Ram and His Times / R. Chandra, S. Mittra. – Vol. 5. – New Delhi: Commonwealth Publ., 2003. – 313 p.

⁷⁸ Gorringe, H. Becoming a Dalit Panther: Caste-Based Activism in South India / H. Gorringe // Ethnic Activism and Civil Society in South Asia. – New Delhi: SAGE Publications, 2009. – P. 145-174; Gorringe, H. Untouchables Citizens: Dalit Movements and Democratisation in Tamil Nadu / H. Gorringe. – New Delhi: SAGE Publications, 2005. – 397 p.

⁷⁹ Lerche, J. Politics of the Poor: Agricultural Labourers and Political Transformations in Uttar Pradesh / J. Lerche // Rural Labour Relation in India. – New York: Routledge, 1999. – P. 182-242.

⁸⁰ Joseph, M.T. Migration and Identity Formation: A Case Study of Dalit Assertion in Aurangbad, Maharashtra / M.T. Joseph // Migration and Mission in India. – Delhi: Ishvani

Проблеме эмансипации «неприкасаемых» групп и поиска места в модернизирующемся социуме, вписанном в международную систему связей, посвящены работы О. Мендельсона и М. Вицзиани, Н.Р. Левина. Примечательны эти работы тем, что в них доказывается неизбежность скорой деструкции классических форм кастовой системы индийским обществом и появления новых форм социальной иерархии, адаптированной к потребностям глобального социума. В то же время, авторы отмечают, что оригинальный культурно-исторический характер индийского социума, выражающийся в замкнутости отчуждении социальных групп друг от друга, сохранится и, скорее всего, найдет для себя новые основания⁸¹.

Подводя итог краткому описанию основных историографических подходов и позиций, необходимо подчеркнуть, что проблеме индийской кастовой системы в целом посвящено значительное количество трудов, особенно зарубежных авторов. Вся историография может быть разделена на четыре основные группы: 1) британские исследователи периода колониальной зависимости Индии, 2) советские и российские индологи, 3) представители индийской исторической науки, генезис которой был обусловлен обретением страной независимости, и 4) современные западные востоковеды, характеризующиеся междисциплинарным подходом к изучению проблем кастовой системы.

Тем не менее, несмотря на достаточно обширную историографию проблем кастовой системы, непосредственное отношение к проблеме развития «неприкасаемых» каст в рамках комплексной модернизации общества имеет очень небольшое количество работ. Дискурс большинства трудов ограничивается поверхностным упоминанием низших каст в

Kedra, 2007. – P. 95-124; Lynch, O.M. The Politics of Untouchability: A Case from Agra / O.M. Lynch // Structure and Change of Indian Society. – Chicago: Aldine Pub. Co., 2007. – P. 209-242.

⁸¹ Levin, N.R. The Changing Social Structure in Contemporary India / N.R. Levin // Contemporary India: Economy, Society, Politics. – New Delhi: Dorling Kindersley (India) Pvt., Ltd., 2009. – P. 107-120; Mendelsohn, O., Vicziany, M. The Untouchables: Subordination, Poverty and the State in Modern India / O. Mendelsohn, M. Vicziany. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 289 p.

контексте своего повествования. По этой причине перед любым индологом, акцентировавшим свое внимание на феномене «неприкасаемых», лежит достаточно обширное, но разрозненное проблемное поле. Так, недостаточно проработанной остается проблема генезиса и обнаружения основных механизмов эволюции «неприкасаемых» каст Индии в традиционном обществе и обществе модерна. Кроме того, один из самых актуальных аспектов социокультурного бытия «неприкасаемых» на их современном этапе существования – изменения традиционных форм существования замкнутых эндогенных групп в условиях формирования постиндустриального, информационного мира только начинает прорабатываться современными исследователями. Таким образом, несмотря на обширность и методологическое разнообразие подходов к изучению кастовой системы Индии, проблема модернизации «неприкасаемых» этнокастовых сообществ остается актуальной научной проблемой.

1.2. Историко-культурные и идеолого-мировоззренческие условия формирования кастовой системы Индии

Социальная структура Индии отличалась и продолжает отличаться значительным своеобразием и наличием огромного количества феноменов, не укладывающихся в теоретические схемы. Для ее продуктивного исследования, необходимо придерживаться строго очерченной терминологии и определиться со смысловым наполнением понятий «варна», «джати» и «каста», а также с соотношением центральных понятий «неприкасаемые» и «далиты», поскольку в литературе существуют разные подходы к их трактовке.

Под «варной» мы будем понимать крупное социальное объединение, представляющее собой архаичное сословие, являющееся наследием трансформации родового уклада в контексте становления ранних форм государственности. В Индии выделялись следующие виды варн: 1)

интеллектуальная интеллигенция и духовенство (брахманы), 2) управленцы и воины (кшатрии), 3) торговцы и ремесленники, а также полноправные члены индоарийских общин (вайшьи) и 4) прочие слои населения (шудры). Важной особенностью варн является их универсальный характер, не подразумевающий двойственности восприятия в самых различных штатах Индии.

«Джати» на хинди означает высокоспециализированную в своей хозяйственной деятельности эндогамную общину, как правило, существующую в рамках той или иной варны. К тому же, термин «джати» носит ярко выраженный локальный характер и адекватен при описании конкретных общин.

Термин «каста» является до некоторой степени искусственным, привнесенным португальскими колонизаторами и не имеет точного смыслового аналога в Индии. В исследовательской литературе принято его использовать при изучении джати, но в обобщенном виде, взятом вне контекста их локальной специфики, а скорее для анализа позиций в социальной иерархии крупного региона или страны в целом. Поэтому в Индии мы часто можем встретить представителей одной и той же касты, занимающих различные ниши в местной иерархии, в зависимости от места проживания. Кроме того, в Индийской республике термин «каста» является общеупотребительным в делопроизводственной документации, выступая в качестве абсолютного синонима термину «джати».

Поэтому в нашей работе термином «варна» мы будем обозначать крупные сословия, существовавшие в архаичный период, а также определенную группу каст, ведущую свое происхождение от нее. Термины «каста» и «джати» будут преимущественно употребляться для обозначения эндогамных профессионально специализированных сообществ и выступать как синонимы. Термин «джати» мы также будем использовать для анализа конкретной общины, встречающейся в определенном регионе и имеющей свои аналоги в других локациях в рамках одной касты.

Необходимо также остановиться и на проблеме корректности применения тех или иных терминов для обозначения низших маргинальных каст. Наиболее часто встречающимися из них являются: «неприкасаемые», «далиты» и «хариджане».

«Неприкасаемые» – наиболее общий и универсальный термин, поэтому он будет встречаться чаще всего в данной работе. При его написании мы предпочитаем использовать кавычки, т.к. в отечественной литературе встречаются оба варианта (с кавычками и без), а в зарубежной – преимущественно с кавычками, что подчеркивает некоторую метафоричность термина. Дополнительным основанием для использования кавычек является тот факт, что сам смысл термина «неприкасаемые» весьма условно применим к реальной практике общественного диалога в Индии и совершенно не означает, что с данной категорией населения исключены различные физические контакты.

Термин «хариджане», введенный в общественно-политический оборот М. Ганди, дословно переводящийся как «дети бога», является полным синонимом «неприкасаемых». Из-за его избыточной политической смысловой нагрузки нами практически не используется.

В последние десятилетия широко употребляемым стал термин «далиты» (угнетенные), введенный Б.Р. Амбедкаром для обозначения «неприкасаемых». На наш взгляд, он имеет выраженный политический оттенок, поскольку и использовался для решения политических задач, однако закрепился в современной социальной практике Индии и в мировой литературе как рабочий. Мы будем его использовать преимущественно для обозначения «неприкасаемых» XX в., т.к. его использование для более ранних периодов выглядит асинхронным. Кроме того, мы намерены сосредоточиться на анализе социокультурных, а не политических аспектах проблемы.

Происхождение варновой системы большинство исследователей связывают с индоарийским завоеванием Харалпской цивилизации долины

Инда и дальнейшим распространением полученного цивилизационного симбиоза на все пространство полуострова⁸². Серьезным аргументом в пользу такой точки зрения являются генетические исследования. Полученные данные подтвердили приоритет европеоидных генов среди брахманов и кшатриев, а также у большинства вайшьев, в то время как среди шудр и «неприкасаемых» доминируют признаки дравидийской подрасы⁸³.

Необходимо отметить, что появление крупных и жестко замкнутых сословий без легитимных возможностей для социального лифта является характерной чертой всех масштабных завоеваний. Аналогичную ситуацию мы встречаем и при дорийском завоевании Крито-Микенской Греции и даже при более позднем «варварском» завоевании романизированной Европы в эпоху Великого переселения народов. Для всех указанных примеров свойственно выделение трех привилегированных групп населения и одной эксплуатируемой. В качестве первых двух, как правило, фигурируют наследственное жречество и профессиональная дружина народа-завоевателя. Третья представлена общинниками-завоевателями. Покоренное же население насильственно обращается в зависимую группу, находящуюся на более низкой ступени социальной иерархии.

Важной чертой, играющей принципиальную роль при идеологическом обосновании такого социального порядка, является «концепция ритуальной чистоты»⁸⁴. (см. Приложение 1). Т.е., если какая-либо часть населения допустила уничтожение пришельцами своего общества, то ее представители, согласно данным воззрениям, стоят на качественно более низком уровне своего физического и духовного развития. Кроме того, эти качества

---

⁸² См. Например: Kulke H., Rothermund D. A history of India. New York: Routledge, 2004. P. 19-22.; Elst K. Update on the Aryan Invasion Debate. New Delhi: Aditya Prakashan, 1999. P. 66-69; Бонгард-Левин, Г.М., Ильин, Г.Ф. Индия в древности. М.: Наука, 1985. С. 123-125 и т.д.

⁸³ Genetic Evidence on the Origins of Indian Caste Populations // Genome Research. Режим доступа: [<http://genome.cshlp.org/content/11/6/994>]; Separating the post-Glacial coancestry of European and Asian Y chromosomes haplogroup R1a // European Journal of Human Genetics. 2009. No.1. P. 2-4.

⁸⁴ Гараджа В.И. Социология религии. М: ИНФРА, 2005. С. 264-272.

воспринимаются как наследуемые и, что крайне важно, приобретаемые при тесном повседневном контакте. Поэтому для всех родовых обществ-завоевателей характерна минимизация, а в наиболее радикальной форме и запрет на повседневные и тем более брачные контакты с представителями нижестоящих групп населения⁸⁵. Нарушение такого запрета каралось очень жестко – изгнанием за пределы социальной группы, т.е. фактическим низведением до статуса «неприкасаемого».

Не последнюю роль в идеологическом обосновании эндогамности общества сыграл и климатический фактор, чреватый высоким риском инфекционных заболеваний, что накладывало ряд жестких гигиенических требований на социальные контакты⁸⁶. Учитывая, что объективные условия жизни покоренного населения были крайне неблагоприятными, для представителей высших варн это стало дополнительным подтверждением недостаточной «ритуальной чистоты» шудр. Практическим воплощением этой концепции стала разветвленная система бытовых предписаний, утверждающая в частности, обязательность отдельного удовлетворения своих потребностей (включая прием пищи), простое общение и другие кратковременные контакты. Примечательно, что это не отменяло «вертикального» диалога в обществе как такового. Возникла многоступенчатая система посредничества. Так, например, брахманы не могут контактировать, например, с дубильщиками кож, но пользуются продуктами их труда. Для этого те и другие прибегают к посредникам – социальным группам, занимающим промежуточное положение в иерархии.

Обращает на себя внимание и то, что «ритуальная чистота» является характерным феноменом сознания для обществ, находящихся на низких ступенях развития своей культуры. В современном индустриальном социуме

---

⁸⁵ Sabhlok P.K. Glimpses of Vedic Metaphysics. P. 21 [Режим доступа]: <http://www.sabhlokcity.com/metaphysics/metaphysics.pdf>

⁸⁶ Бонгард-Левин, Г.М., Ильин, Г.Ф. Индия в древности. М.: Наука, 1985. С. 135-136.

мы также можем обнаружить такие реликты, например, в уголовной субкультуре⁸⁷.

Концепция «ритуальной чистоты» была не единственным идеологическим обоснованием варновой системы. Специфически переработанная вера в реинкарнацию и полагающееся «божественное воздаяние», реализующееся через понятие кармы создали своего рода конструктивное и, в чем-то, позитивное восприятие социального неравенства массами⁸⁸. Таким образом, индуистское мировоззрение, как религиозно-идеологический конструкт позволяло решить сразу три проблемы: 1) минимизировать недовольство низов своим положением и низким качеством жизни, 2) мотивировать массы на лояльное отношение к имеющейся системе общественных отношений, 3) сформировать внутренне непротиворечивую систему морально-нравственных норм и ценностей⁸⁹.

Однако описанные выше особенности мы можем встретить во множестве ближневосточных и европейских культур. Проанализируем, в чем же заключалась специфика индийского феномена.

Первые признаки варновой системы становятся заметны при расширении пространства ведического ареала на центральную и южную Индию. Уже в I тыс. до н.э. в связи с непрекращающейся экспансией произошло резкое изменение соотношения численности привилегированного (индоарийского) и коренного населения в сторону последнего. Очевидно, что подобная ситуация привела к формированию новых рисков и, прежде всего, угрозы массового недовольства низов своим неполноценным статусом, о чем свидетельствуют священные ведические тексты.

---

⁸⁷ Лозовский В. Понятия, Масти – история возникновения // Как выжить и провести с пользой время в тюрьме. М.: Либрусек, 2010. С. 152-157.

⁸⁸ Jurewicz J. The Rigveda, “small scale” societies and rebirth eschatology // The Oxford Centre for Buddhist Studies. <http://www.ocbs.org/images/documents/rebirth.pdf>

⁸⁹ Hebbar N.H. Caste and Karma. New Delhi: Aditya Prakashan, 2002. P. 12-14; Murrey M.J. Hindu Eschatology and the Indian Caste System: An Example of Structural Reversal // The Journal of Asian Studies, 1993, No. 2. P. 298-315.

Примерно в X в. до н.э. зависимое население, обозначавшееся как шудры, было признано в качестве варны. Заметим, что по логике архаичного традиционного общества, все «чужие» в определенном смысле воспринимаются, как находящиеся вне системы социальных норм и ценностей. Признание шудр стало, в некотором роде, распространением на них позитивной практики общественного взаимодействия. Разумеется, что относительно прочих варн их статус не изменился. Брахманы, кшатрии и вайшьи считались «дважды рожденными», т.е. с точки зрения «ритуальной чистоты» стоящими неизмеримо выше. Тем не менее, легитимация статуса шудр жестко отделила их от основной массы племен, находившихся за пределами ареала индоарийской общности и активно покоряемой ими⁹⁰. Таким образом, феномен шудр стал ключевым аспектом в формировании внутреннего раскола между широкими слоями эксплуатируемого населения, послужив основанием для их разобщенности и устойчивости гегемонии индуистских элит⁹¹.

В VI-V вв. до н.э. в индийском обществе получили значительное распространение буддизм и джайнизм. Их важнейший социальный императив – отрицание сословного неравенства оказался самым мощным вызовом идеологии эндогамности индийского общества. Среди причин появления новых религиозно-философских учений традиционно выделяют широкое недовольство низов замкнутостью и непроницаемостью варн вкупе с ритуально позиционируемой дискриминацией нижестоящих. Распространение джайнизма и буддизма, а также государственное признание последнего вылилось в мощный конфликт между брахманами и кшатриями⁹². Появление института профессиональных писцов, привело к потере брахманами своей функции хранителей общественных знаний и управленцев. Эти полномочия на протяжении I тыс. до н.э. постепенно

---

⁹⁰ Sharma R.S. Sudras in Ancient India: A Social History of the Lower Order Down to Circa A.D. 600. Delhi: Motilal Banarsidass, 1990. P. 44-48.

⁹¹ Ambedkar B.R. Who were the Sudras? Mumbai: Thackers, 1970. P. 128-131.

⁹² Эдвардс М. Древняя Индия. М.: Центрполиграф, 2005. С. 70-71.

переходят к кшатриям, из которых уже более половины не принимают участия в развитии военного дела ⁹³. Подтверждением этой гипотезы является такой любопытный факт, что и Сиддхартха Гаутама ⁹⁴ и Джина Махавира ⁹⁵ (основатель джайнизма) были выходцами из варны кшатриев.

Весь указанный выше комплекс причин привел к череде конфликтов между элитами севера Индии за право возглавить процесс консолидации различных локальных государственных образований в единую империю. Особенный интерес для изучения условий формирования варно-кастовой системы представляет династия Нанда (ок. 424 - ок 321 гг. до н.э.), лидировавшая на первом этапе процесса централизации. Ее правители открыто признавали свое происхождение от шудр. Известно, что они проводили политику уничтожения древних царских родов, относящихся к кшатриям, и фактически упразднили варновую систему на подконтрольной им территории ⁹⁶. Кроме того, все древние индийские и греческие авторы отмечают, что администрирование в этом царстве находилось на высоком уровне, а ее армии были массовыми и по-настоящему общенародными. Но, несмотря на успешность реализации Нандами объективно необходимой программы по централизации страны и расширению ее пространства, конфликт с кшатриями predetermined потерю ими авторитета среди элит ⁹⁷. Однако данная империя оказалась крайне непрочным образованием. Первый же конфликт с новым царством Маурьев положил конец столь интересному древнему социальному эксперименту.

Таким образом, первый проект по уничтожению замкнутой сословной системы в индийском обществе потерпел поражение ввиду попытки опереться на шудр, которые представляли пестрый конгломерат

---

⁹³ Kapur K. Portraits of a Nation: History of Ancient India. New Delhi: Sterling Publishers Private Limited, 2010. P. 191.

⁹⁴ Андросов В.П. Будда Шакьямуни и индийский буддизм. М.: Восточная литература, 2001. С. 34.

⁹⁵ Jain K.C. Lord Mahavira and his times. Delhi: Motilal Banarsidass, 1991. P. 44.

⁹⁶ Sethna K.D. Problems of ancient India. New Delhi: Aditya Prakashan, 2000. P. 87.

⁹⁷ Radha K.M. Chandragupta Maurya and His Times. Delhi: Motilal Banarsidass, 1988. P. 28–33.

разнокачественных общин, зачастую отличавшихся не только в этническом отношении, но и в стадильном развитии ⁹⁸.

Новая династия также вела свое происхождение от шудр, но в интересах стабилизации государственной идеологии была официально причислена к кшатриям ⁹⁹. Тем не менее, ее цари проводили откровенно пробуддистскую религиозную политику, направленную на постепенное эволюционное размывание варновой системы отношений. Период правления Маурьев (317 - 180 гг. до н.э.) вскрыл множество социокультурных и экономических рисков, ставящих под сомнение возможность сотрудничества столь различающихся между собой регионов в рамках единого государства вне рамок жесткой социальной иерархии.

Обширные завоевания Маурьев породили проблему интеграции местных, неведических элит ¹⁰⁰. По канонам традиционного общества они должны были пополнять варну шудр или становится изгоями, не принадлежащими к какой-либо варне, но признание их элитарного статуса местным населением не позволяло игнорировать интересы этих социальных групп и требовало иного подхода. Для упрочения положения страны у политических элит Индии имелось два варианта – распространить нормы ведического общества на все пространство государства, тем самым интегрировав их в систему варн, или принять некую новую единую религиозно-философскую парадигму, способную стать универсальной идеологией централизованной державы. Как мы видим, обе эти попытки были последовательно предприняты и сделанный из этого вывод определил социальную структуру Индии вплоть до XX в.

Первоначально, Маурьи поддерживали буддизм, а наиболее видный представитель династии – Ашока (273 – 232 гг. до н.э.) – даже признал его в

---

⁹⁸ Бонгард-Левин Г.М. Индия эпохи Маурьев. М.: Наука, 1973. С. 56.

⁹⁹ Thapar R. Early India: From the Origins to Ad 1300. Los Angeles: University of California Press, 2004. P. 177.

¹⁰⁰ Boesche R. The First Great Political Realist: Kautilya and his Arthashastra. Lanham: Lexington Books. P. 17-18.

качестве государственной религии, но вскоре такая политика обозначила свои пределы ¹⁰¹. Выяснилось, что одна из важнейших содержательных черт этого религиозного учения очень резко ограничивала возможности использования ее в качестве идеологического основания для мощного централизованного государства, т.к. буддизм не мотивировал массы верующих на какую-либо активную деятельность. Поэтому сразу после смерти Ашоки империя распалась на два государственных образования, и индийское общество вступило в полосу хаоса и неопределенности.

Период стабилизации начался с разработки брахманами новой религиозно-идеологической программы, позволявшей обосновать причины социального неравенства. Ее основой стали законы Ману (II в. до н.э.) ¹⁰², которые позднее неоднократно дорабатывали в средние века, адаптируя однажды выбранный путь исторического развития индийской цивилизации к постоянно меняющимся условиям ¹⁰³.

Важнейшей чертой законов Ману стало распространение варновой системы на все социокультурное пространство индийского макрорегиона. Необходимо отметить, что на этом пути лежало как минимум три мощных комплекса социальных противоречий.

Первый был связан с крайней неоднородностью регионов и наличием в рамках одного пространства обществ, находящихся на различных стадиях социально-экономического развития.

Второй комплекс противоречий заключался в смешении крупных социальных групп за продолжительный период буддийско-джайнистского религиозного господства. Многочисленные межварновые браки и сожительства привели к формированию широких слоев маргиналов, которые

---

¹⁰¹ Drekeimer C. Kingship and community in early India. Stanford: Stanford university press, 1962. P. 173; Joshi L.M. Studies in the Buddhistic Culture of India. Delhi: Motilal Banarsidass, 1967. P. 19.

¹⁰² Законы Ману / Пер. С.Д. Эльманович. М.: Изд-во Восточной литературы, 1960. – 359 с.

¹⁰³ Muller F.M. The Laws of Manu. Richmond: Curzon Press Ltd., 2001. P. I xvi-l xxiv.

ко II в. до н.э. представляли большинство среди представителей «дважды рожденных».

Третья проблема была обусловлена углублением процесса разложения родового общества и развития хозяйственной специализации. Большинство общин, составлявших варны, нашли свою область занятости, что вызывало естественное дробление прежних четырех варн на более мелкие подразделения внутри них, своего рода, субварны, каждая из которых имела тенденцию к последующей еще более узкой специализации.

Позитивное разрешение указанных трудностей обеспечивал текст законов Ману, в котором ведущее место занимало теологическое обоснование социальной структуры. Там мы встречаем классическую для древних рабовладельческих обществ концепцию антропоморфного функционализма, которая впервые была упомянута еще в «Бхагавадгите». Различные варны уподобляются тем или иным частям тела Брахмы. Причем, наличие строго определенных функций, скажем у «ног», с которыми соотносятся шудры, позволяет последним считать, что занимая более низкое положение, чем прочие варны, они, тем не менее, являются основой существования общества, пьедесталом, на котором оно стоит¹⁰⁴. Такой подход к интерпретации социальных ролей стал, несомненно, инновационным для того времени и обеспечил на долгие века основание для формирования кастовой гордости и солидарности даже у непривилегированных слоев.

Далее, аккуратной вставкой в свод предписаний для представителей тех или иных варн были упомянуты различные касты¹⁰⁵. Причем последние, отождествлялись с конкретными общинами и интерпретировались в тексте двойственно. С одной стороны, как носители той или иной профессиональной специализации, а с другой – как варианты, получаемые

---

¹⁰⁴ Muller F.M. The Laws of Manu. Richmond: Curzon Press Ltd., 2001. P. 1-25.

¹⁰⁵ Ibid. P. 419-429.

при смешении представителей разных варн¹⁰⁶. Таким образом, решались два указанных выше комплекса противоречий.

Характерной особенностью этих текстов стал поиск источника легитимности существующих элит. Заметим, что концепция «ритуальной чистоты» не отрицалась, но под нее подводилось деятельностное основание. Иначе говоря, старая идея кармы позиционировалась как определяющая социальной практики¹⁰⁷. Из этого следовало, что каждой варне и каждой касте надлежит строго придерживаться своей специализации и стремиться к максимально эффективной деятельности в заданном направлении. Таким образом, достигалась не только консервация каст, но и легитимация положения элит. Так, особенно строгие предписания накладывались на брахманские общины, которые должны были выступать в качестве эталонов социального поведения.

Таким образом, законы Ману стали ключевой идеолого-правовой инновацией, позволившей минимизировать социальное напряжение в неравномерно развитой индуистской цивилизации. Они закрепили особый способ организации социального пространства, основанный на сочетании реформированных архаичных религиозных догм и экономически успешных высокоспециализированных формах общинного хозяйствования.

Основной ячейкой общества стала «джати» – традиционная эндогамная община, ведущая уникальное для своего микрорегиона высоко специализированное производство (см. Приложение 2). Залогом экономической устойчивости общин, неспособных обеспечить себе полный спектр продуктов натурального хозяйства являлась система «даджмани - камин» – ритуально закрепленный обмен товарами и услугами между различными джати, в котором обе стороны обязаны были участвовать.

В период раннего средневековья индийская кастовая система подверглась определенной трансформации под воздействием развития

---

¹⁰⁶ Ibid. P. 401-418.

¹⁰⁷ Ibid. P. 29-32.

средств производства и углубления хозяйственной специализации традиционного общества. В результате выработался особый социокультурный механизм реакции на потребность в выделении новых профессиональных корпораций. В его основе лежала невидимая, на первый взгляд, многокомпонентность касты. Каждая джати представляла собой совокупность родов или кланов, обозначаемых на хинди как «готра», которые стремились находиться на одном и том же уровне экономического благосостояния и всячески подавляли возникавшую внутри джати конкуренцию¹⁰⁸. Однако в случае появления хозяйственной необходимости в выделении новой группы, несколько отличающейся в специализации своего труда, в качестве таковой отпочковывалась конкретная готра, которая по существу уже была джати «в миниатюре»¹⁰⁹. Отделившиеся роды стремились сохранять связи и экзогамию с представителями своей прежней общины¹¹⁰.

Так, в раннее средневековье мы встречаем любопытный пример подобных изменений. Примерно к VI в. относится упоминание об образовании касты *чамар*, чье происхождение в современной исторической науке связывают с процессом разложения сельскохозяйственных общин северной Индии и деградации социальных позиций некоторых из них, а сами *чамары* связывают с искусственным понижением кастового статуса правителей царства Чамунда. Так или иначе, появившаяся каста не ограничилась локальным ареалом проживания и уже к XII в. расселилась по территориям современных штатов Химачал-Прадеш, Пенджаб и Харьяна. При этом позиции различных общин *чамаров* в местных системах общественных отношений, которые выстраивались в образовавшихся

---

¹⁰⁸ Успенская Е.Н. Антропология индийской касты. СПб.: Наука, 2010. С. 229- 231; Ruegg D.S. The Meaning of the Term “Gotra” and the Textual History of the ‘Ratnagotravibhaga’ // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London: University of London, 1976. Vol. 39. No. 2. P. 341-363.

¹⁰⁹ Silverberg J. Social Mobility in the Caste System in India: An Interdisciplinary Symposium // The American Journal of Sociology, 1969. No. 3. P. 442-443.

¹¹⁰ Куценков А.А. Эволюция индийской касты. М.: Наука, 1983. С. 124-128.

царствах, могли существенно различаться, но сами *чамары* не прекращали поддерживать тесные взаимоотношения, вступать в браки и собираться на религиозные праздники ¹¹¹.

Сохранение и поддержание родственных отношений между различными общинами в рамках одной касты стало одной из ключевых причин сохранения высокой устойчивости всей кастовой системы в целом, т.к. позволял ей игнорировать рост социального напряжения, вызываемого разложением родовых отношений и расслоением.

Таким образом, сконструированная в период крушения древних империй Индии система замкнутых региональных общин оказалась действенной и поддерживала социально-экономическую стабильность Индии на протяжении древности и Средних веков. Кастовая система не только легитимировала властные полномочия и приоритетное положение военно-религиозных элит, но и гарантировала необходимый минимум материальных ресурсов прочим членам общества, устраняя межкорпоративную конкуренцию.

Следующий период формирования кастовой системы связан с исламским завоеванием Индии.

Первые вторжения мусульман в Индию относятся еще к VII в., однако они носили спорадический набеговый характер и не оказали никакого влияния на внутреннюю жизнь макрорегиона. Ситуация меняется в конце X в. При исламском завоевании северо-запада Индии проявилась одна из важнейших черт кастовой системы – индифферентность основной массы населения к происходящим политическим изменениям. Многочисленные касты вайшьев и шудр спокойно отнеслись к появлению мусульманской элиты. Представители брахманских каст, пользуясь относительно универсальными позициями и, несомненно, устойчивыми трансрегиональными связями жречества в разных частях северной Индии,

---

¹¹¹ Sahay G.R. Hierarchy, difference and the caste system: A study of rural Bihar // Caste in Question: Identity or Hierarchy? New Delhi: SAGE Publications Pvt., Ltd., 2004. P. 113-136.

смогли мигрировать в другие области. Трагичнее всех сложилась судьба пенджабских кшатриев. Они, как представители военного сословия, были вынуждены давать отпор завоевателям, но в силу социальной разобщенности, оказались одиноки перед лицом врага. В результате, большая часть их каст была либо полностью уничтожена, либо подверглась маргинализации, что означало переход в «неприкасаемые»¹¹². По этой причине одна из наиболее мощных военных каст – *раджпуты* – оказала в высшей степени фанатичное сопротивление распространению ареала исламской государственности в Индии¹¹³.

Проповедь ислама, развернувшаяся в Пенджабе в X-XI вв. оказалась очень успешной среди социальных низов. Касты шудр и «неприкасаемых» лояльно восприняли новую волну завоевателей и принесенные ими религиозные ценности и смыслы. Заметим, что в этот период мусульманские правители обладали еще достаточно мощным пассионарным импульсом, направленным на расширение мусульманского социокультурного пространства и активно трансформировали завоеванные ими общества. Кроме того, среди населения Пенджаба и Белуджистана было распространено скотоводство кочевнического типа, которое идеально вписывалось в детерминированные исламом нормы жизненного уклада.

Однако, как это ни парадоксально, кастовая система продемонстрировала устойчивость и справилась с данным вызовом. Несмотря на пропагандировавшееся исламскими проповедниками равенство всех членов уммы перед Законом, вскоре выяснилось, что иерархическое соподчинение общин невозможно преодолеть. Причиной тому являлась высокая степень их хозяйственной специализации, детерминированная сложившимся ходом товарооборота и разделением труда, которая

---

¹¹² Eliot H.M. The History of India, as told by its own historians. The Muhammad period. London: Trubner and Co., 1869. P. 19-22; Elphinstone M. The History of India: the Hindu and Mahometan periods. London: John Murray, 1866. P. 306-312.

¹¹³ Gupta R.K., Bakshi S.R. Studies in Indian History: Rajasthan Through the Ages. The Heritage of Rajputs. New Delhi: Sarup and Sons, Vol. 2. P. 100.

предопределяла изолированность бывших джати (а теперь умм) друг от друга. Более того, сами завоеватели были не склонны уравниваться в правах с местным населением ¹¹⁴.

С начала XIII в. исламские элиты перенесли свою столицу на собственно индийскую территорию. Так появилось первое мусульманское государство в Индии – Делийский султанат. Это образование сыграло значительную роль в развитии индийского общества, очертив основную линию его раскола по принципу конфессиональной принадлежности и способу социальной стратификации. Делийские султаны начали выстраивать собственное оригинальное политическое и культурное пространство на большей части полуострова Индостан.

Важнейшим аспектом деятельности, направленной на социокультурное преобразование страны, проводимые мусульманской элитой Делийского султаната, стала попытка ликвидации индуистских элит. Насильственный способ показал свою неэффективность в борьбе с раджпутами, сумевшими отстоять свою автономию в бесконечных войнах на протяжении XIII и первой половины XIV вв. Тогда на смену ему пришла сознательная дискредитация кастовых обычаев, проводимая султанским двором в отношении индуистских элит. Так, известен случай, когда в правление Насир-уд-Дина Махмуда (1246 - 1265 гг.) две родственные, но различающиеся по статусу придворные касты *гауров* и *бхатнагаров* должны были принять участие в совместной трапезе (что было запрещено традиционными нормами поведения). В результате, упомянутые касты раскололись на шесть новых общин, к тому же крайне негативно настроенных в адрес друг друга ¹¹⁵. Очевидно, что, даже не предпринимая никаких насильственных действий, султанской администрации удавалось раскалывать элитарные индуистские касты и отводить вектор недовольства от исламской элиты.

---

¹¹⁴ Ghaus A. Muslim Caste in Uttar Pradesh: A Study of Culture Contact // Eastern Anthropologist, 1960, No. 13. P. 66-80.

¹¹⁵ Куценков А.А. Эволюция индийской касты. М.: Наука, 1983. С. 137-139.

В центральной и южной Индии попытки внедрения в качестве военных поселений и торгово-ремесленных факторий мусульман-завоевателей привели к характерным следствиям. Вместо распространения этими «агентами влияния» ислама сформировалась новая каста *мопла*, т.е. мусульман, как называло их местное население. В XVII в. *мопла* раскололись на *тангалов* (проповедников), *араби* (воинов, в дальнейшем торговцев) и *пусаларов* (принявших ислам местных «неприкасаемые»). К XVIII в. эти общины уже обладали полным набором признаков касты¹¹⁶.

Во время правления династии Великих Моголов (1526 – 1858 гг.) продолжали действовать тенденции по адаптации носителей исламского социокультурного пространства к реалиям индийской кастовой системы. Мусульманские правители равнодушно смотрели на распространение норм индуизма и проникновение эндогамных принципов организации общества в жизнь мусульманских умм. Исключение составил только падишах Акбар, который попытался оказать сопротивление, выразившееся уже не в насилии, а в разработке оригинального религиозно-философского учения Дин-и-иллахи¹¹⁷. Суть последнего сводилась к синтезу всех монотеистических концепций, так или иначе противопоставленных индуизму, при соблюдении ряда исконно индуистских обрядов. Фактически речь шла об интеграции мусульманских, христианских, буддийских, джайнистских и зороастрийских общин в единое целое. Это объединение по замыслу Акбара могло бы сыграть значительную роль в преодолении кастовых барьеров, поскольку потенциальные последователи Дин-и-иллахи относились бы к элитарным социальным слоям и обладали несомненным влиянием на массы. Однако, идея не нашла поддержки даже среди имперской администрации и не распространилась дальше ближайшего окружения самого Акбара.

---

¹¹⁶ Imtiaz A. Caste and social stratification among the Muslims. Delhi: Manohar Book Service, 1973. P. 85-88; Randathani H. Mappila Muslims: A Study on Society and Anti Colonial Struggles. Calicut: Other Books, 2007. P. 89-103.

¹¹⁷ Moin A.A. The millennial sovereign: sacred kingships and sainthood in Islam. New York: Columbia University Press, 2012. P. 283.

В целом, до развития системы колониальных отношений в Индии все иностранные религиозные общины, так или иначе, интегрировались в традиционный уклад индуистского общества и через определенный промежуток времени копировали кастовую систему. Подобно тому, как мусульманские уммы в течение двух-трех веков превратились в эндогамные джати, такую же судьбу разделили христианские общины, основанные португальцами в Гоа и некоторые фактории Франции и Нидерландов¹¹⁸.

Принципиально новый этап, определивший состояние кастовой системы Индии вплоть до XX в., связан с английским доминированием и глубоким проникновением британского капитала в жизнь традиционного индийского общества.

Британская Ост-Индская компания отличалась от всех прежних иноземных завоевателей Индии тем, что была носителем совершенно иной цивилизационной модели, имевшей высокий экспансионистский потенциал и высокую привлекательность для обществ мировой периферии. Поэтому в отличие от дельийских султанов или Моголов англичане в значительно меньшей степени были склонны ставить успешность своей политической гегемонии в зависимость от трансформации властных механизмов к местным реалиям, поддержанием и упрочению индуистских традиций. Британская администрация, напротив, связывала свое могущество с мощью всей империи, рассматривая Индию лишь как источник материальных богатств, т.е. не перенимала нормы и обычаи индуизма а, наоборот, была агентом влияния европейской культуры на индийские элиты и массы.

На этапе торгового капитализма британские власти не вмешивались во внутреннюю жизнь страны, т.к. их влияние распространялось только на контролируемые ими портовые города, такие как: Бомбей, Калькутта,

---

¹¹⁸ Ballhatchet K. Caste, Class and Catholicism in India: 1789-1914. Richmond: Curzon Press, 1998. – P. 183.

Мадрас¹¹⁹. Более того, собственно индийцами англичане в этот период воспринимались как еще один завоеватель, который неизбежно будет ассимилирован кастовой системой. Подтверждением этому может послужить тот факт, что формальное признание суверенитета Ост-Индской компании над рядом портовых городов, фортов и прилегающих к ним территорий в Бенгалии было выражено в предоставлении падишахом Аламом II (1759-1806 гг.) в 1765 г. «дивани» на право сбора податей, что являлось стандартной практикой оформления взаимоотношения с крупными феодалами в могольской Индии¹²⁰.

Однако с 1770-х гг. на территории Бенгалии, а после окончания Англо-Майсурских войн, т.е. с начала XIX в., и на значительной части южной и центральной части полуострова, социальная политика Ост-Индской компании изменилась. Британский капитал начал проникать вглубь Индии и формировать там свои анклавные – крупные торговые и производственные предприятия. Они требовали привлечения значительного числа рабочих рук, что вызвало массовый отток населения из окружающих сельскохозяйственных общин. Последние, к тому же, подвергались беспрецедентному налоговому гнету и насильственному изменению ассортимента выращиваемых культур с целью переориентации аграрных районов с натурального хозяйства на товарное производство¹²¹. Именно эта особенность сформировала основной канал влияния англичан на кастовую систему Индии. Следствием этого стал стремительный рост численности городов, через которые проходили пути обращения капитала. Так, с начала XVII в. до начала XIX в. общая численность населения Индии составляла

---

¹¹⁹ См. например: Jayapalan N. *Economic History of India: ancient to present day*. Delhi: Nice Printing Press, 2008. P. 110-138; Ray R.K. *Asian capital in the age of European domination: the rise of Bazaar, 1800-1914 // Modern Asian Studies*, 1995. No. 3. P. 449-554. и т.д.

¹²⁰ Misra B.B. *The Central Administration of East India Company, 1773-1834*. Manchester: Manchester University Press, 1959. P. 17.

¹²¹ Dasgupta A.K. *A history of Indian economic thought*. London: Routledge, 1993. P. 151-153; Peers D.M. *India under colonial rule: 1700-1885*. Edinburgh: Pearson Education Ltd, 2006. P. 95-100.

около 100 млн. человек ¹²². При этом численность городов существенно изменялась. В Бомбее за этот же период численность населения увеличилась с 10 тыс. до 100 тыс. человек ¹²³. В Калькутте на момент ее основания Ост-Индской компанией в 1710 г. проживало около 12 тыс. жителей, а к концу столетия - более 30 тыс. ¹²⁴ В 1850 г. население Бомбея и Калькутты составило уже 400 тыс. и 500 тыс. человек соответственно ¹²⁵. Складывание городской культуры индустриального типа, в которой строгое соблюдение норм индуизма оказалось если не невозможным, то затруднительным, нанесло в дальнейшем самый существенный удар по основаниям кастовой системы.

Другим существенным фактором, определившим британское влияние на жизнь индийского общества, стало широкое привлечение колонизаторами представителей низших каст на различные черновые работы в административном аппарате. Это было обусловлено тем, что англичанам не хватало дешевой рабочей силы, которая бы помогала осуществлять технические функции в офисах компании ¹²⁶. Соответственно, представители шудр или «неприкасаемых» получили уникальный исторический шанс интегрироваться в новую систему социокультурных отношений, что стало принципиальной инновацией по сравнению с периодом исламского завоевания страны ¹²⁷.

Таким образом, несмотря на то, что сама Ост-Индская компания преследовала свои узко утилитарные цели, ее правление в Индии объективно сформировало ряд очень мощных вызовов кастовой системе, с которыми последней пришлось бороться уже в XX в. Основной вектор британского

---

¹²² Khan J.H. Population growth and demographic change in India // Asian profile.2004. No. 32 (5). P. 441-460.

¹²³ Cunha da J.G. The Origin of Bombay. New Delhi: Asian Educational Services, 1993. P. 348.

¹²⁴ A reader in Urban Sociology. New Delhi: Orient Longman Limited, 1991. P. 57.

¹²⁵ Kidambi P. South Asia // The Oxford handbook of Cities in World History. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 561-580.

¹²⁶ Stokes E. The peasant and the Raj: Studies in agrarian society and peasant rebellion in colonial India. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. P. 20-23.

¹²⁷ Lawrence J.G. Cultural Studies: an introduction to global awareness. London: Barb House, 2010. P. 205-209.

влияния на социальную жизнь страны пришелся на низшие, в том числе «неприкасаемые» касты.

Подводя итоги анализу особенностей становления и развития кастовой системы в Индии, можно сделать следующие выводы.

1. На становление и развитие кастовой системы в Индии оказали существенное влияние следующие историко-культурные факторы: 1) оригинальные индийские сельскохозяйственные общины, занимающиеся ведением узкоспециализированного натурального хозяйства, продукты которого распределяются между другими общинами посредством иерархически обусловленной системы социального диалога; 2) продолжительный период существования на территории Индостана множества самостоятельных государственных образований, обладавших замкнутым субрегиональным циклом производственных отношений, обусловившим особую закрытость индийского социума.

2. Историко-культурные факторы действовали в тесной связи с идеолого-мировоззренческим и религиозным контекстом, который определил архетипы сознания и самосознание индийцев. Архаичные представления о сословной природе общества, характерные для ведической Индии с течением времени трансформировались в социальную программу индуизма с подробно разработанным комплексом правовых и морально-этических норм, направленных на укрепление иерархической эндогамной структуры общества. Необходимо подчеркнуть значение концепции «ритуальной чистоты», наложившей видный отпечаток на определение позиций отдельных каст в социальной иерархии в зависимости от степени «осквернения», получаемого человеком в процессе своей хозяйственной деятельности.

3. Среди факторов, существенно повлиявших на становление кастовой системы, не последнее место занимают климатические особенности региона, которые характеризуются высоким риском инфекционных заболеваний. Следствием этого стало тесное переплетение религиозно

детерминированных установок с потребностью поддержания приемлемого уровня гигиены через ограничение бытовых контактов с маргинальными группами населения.

4. Результатом длительного взаимодействия указанных групп факторов стала оригинальная система общественных отношений, которая успешно сочетала в себе возможность адаптации к меняющемуся экономическому и политическому контексту с незыблемостью религиозно детерминированных социальных норм и установок. Это сделало кастовую систему чрезвычайно устойчивым конструктом, успешно справившимся со всеми вызовами на традиционном этапе существования.

1.3. Сценарии генезиса «неприкасаемых» и формирование их социокультурного пространства

Генезис «неприкасаемых» каст является одним из наименее изученных и спорных вопросов в социальной истории Индии. Причиной этого являются не только многочисленные лакуны в древних источниках, но и определенный логический парадокс, с которым сталкиваются исследователи. Суть противоречия сводится к тому, что индийский путь развития низших социальных слоев значительно отличается от общемировой практики. Причем речь идет не о феномене «неприкасаемости», которую мы можем встретить практически повсеместно, например, в Японии, где до настоящего времени проживают общины буракуминов. Особенность генезиса низших каст Индии заключается в их параллельном сосуществовании на ранних этапах своей истории с многочисленными рабами и расслаивающейся общиной.

Для реконструкции процесса формирования «неприкасаемых» каст достаточно продуктивным представляется выстраивание хронологической последовательности упоминания в источниках различных категорий рабов и иных эксплуатируемых социальных групп. Такой подход позволяет

определить, в какой исторической ситуации рабство, как основная форма эксплуатации, уступает свое место кастовой системе. Кроме того, это даст нам возможность проанализировать основные черты процесса генезиса «неприкасаемых» каст.

Существовало или нет рабство в городской культуре Хараппской цивилизации (III-Штыс. до н.э.) достоверно неизвестно по причине недостатка источников информации. На наличие данного социального института в мягкой «патриархальной» форме косвенно указывают полученные в ходе археологических раскопок сведения о структуре построек знати¹²⁸. Позднее, в связи с индоарийским завоеванием долины Инда, впервые встречается упоминание термина «даса», что, безусловно, может быть интерпретировано как «раб». На этом этапе рабство характеризовалось ограниченным масштабом, и основной сферой его применения было обслуживание знати, что вполне укладывается в универсальные схемы развития этого социального института в древних обществах. Однако заметим, что основным источником пополнения даса выступали завоевания. На это указывает сама этимология слова, которое в переводе с санскрита означает «враг». Кроме того, в Ригведе неоднократные упоминания термина «даса» сопровождаются прилагательными «крсна» и «асигни», что переводится как «темный» и «черный»¹²⁹. Очевидно, что речь идет о расовых отличиях между индоарийскими завоевателями и местным дравидийским населением.

Таким образом, при изучении феномена древнего рабства в индийском обществе мы сталкиваемся с одним из первых парадоксов. Из приведенного выше текста совершенно очевидно, что индоарии для обозначения рабов и коренного населения использовали один и тот же термин, что в принципе должно указывать на массовый характер рабства. Однако при анализе

---

¹²⁸ Kenoyer J.M. Indus cities, towns and villages // Ancient cities of the Indus valley civilization. Islamabad: American institute of Pakistan studies, 1998. P.65; Lal B.B. Some reflections on the structural remains at Kalibangan. Delhi: New Perspectives, 1984. P. 47-54.

¹²⁹ Rig-Veda Sanhita: A collection of ancient Hindu hymns. London: Wm. H. Allen and Co., 1857. P. 195-197, 388-389.

источников, описывающих социально-экономические отношения ранневедического общества, мы видим, что даса (как рабы) остаются крайне немногочисленной прослойкой ¹³⁰. Это указывает нам либо на недоразвитость товарно-денежных отношений, либо на распространение какого-то особенного типа взаимодействия с массами покоренного населения. По нашему мнению причиной данного противоречия является целый комплекс факторов. Попробуем выделить наиболее значимые из них.

Во-первых, завоевательная политика, проводимая индоариями, существенно отличалась от подобной практики других древних рабовладельческих обществ. Причем речь идет не о вторжении в северо-западную Индию (произошедшем в середине II тыс. до н.э.), что имеет свои аналогии в лице уже упомянутого дорийского вторжения в Грецию, а о завоеваниях, происходивших позднее, в I тыс. до н.э., когда в состав индоарийской общности были включены долина Ганга и центральная часть Индии. В этот период представители ведической цивилизации не подчиняли своему влиянию культурное сообщество, осуществляя его деструкцию и формируя новую социальную целостность «с нуля», а покоряли отстающую в развитии периферию, перенося туда свои социальные институты ¹³¹. Такой подход делал принципиально невозможным превращение всей массы местного населения в рабов. Логично предположить, что в категорию даса попадали в основном те, кто оказывал активное вооруженное сопротивление завоевателям. Прочие продолжали жить своими общинами, которые интегрировались в индийское общество, но уже на правах зависимого населения.

Во-вторых, в I тыс. до н.э. товарно-денежные отношения находились в недостаточно развитом состоянии и не позволяли формировать внутренний

---

¹³⁰ Чанана Д.Р. Рабство в древней Индии по палийским и санскритским источникам. М.: Прогресс, 1964. С. 274-275.

¹³¹ Singh U. History of ancient and early medieval India: From the Stone Age to the 12 century. Delhi: Person Education, 2008. P. 94 – 132.

рынок, тем самым сохраняя и консервируя натуральные формы обмена ¹³². По этой причине классическая форма рабства, при которой рабы выступают в качестве отчуждаемой собственности, не получила развития. Однако архаичные формы хозяйствования нуждались в эксплуатации, основанной на насильственном принуждении к труду, что сформировало заказ на иной формат социально-экономической зависимости, вписанный в кастовую систему.

В-третьих, нельзя игнорировать то, что по ряду причин индоарийское завоевание центральных и восточных областей Индии не было результатом целенаправленной политики и осуществлялось локальными и незначительными по своему масштабу государственными образованиями ¹³³. Логично предположить, что поскольку каждый такой политический субъект стремился обеспечить, прежде всего, собственную хозяйственную автаркию, то наиболее оптимальным способом решения для него подобной ситуации было не массовое превращение коренного населения в отчуждаемых рабов, а сохранение местных общин и их профессионально-корпоративное прикрепление. Последнее особенно интересно в том аспекте, что проводимая сверху политика трудовой специализации, естественным образом привязывала каждую конкретную общину к своим соседям и делала бессмысленными любые проявления частного сепаратизма.

Таким образом, как мы видим, категория настоящих рабов «даса» не получила широкого распространения в рабовладельческий период.

Как отмечалось выше, большинство покоренного индоарийцами местного дравидийского населения пополняло варну шудр. Этот класс оказался наиболее многочисленным и, в целом, в довольно короткие сроки стал ассоциироваться исключительно с крестьянами. Так, например, в словаре Амарасинхи (VI в. до н.э.) мы встречаем несомненное тождество

---

¹³² Данге Ш.Ш. Индия от первобытного коммунизма до разложения рабовладельческого строя. М.: Наука, 1975. С. 68-74.

¹³³ Chakrabarti D.K. Mahajanapada States of early historic India // A comparative study of thirty city-state cultures. Copenhagen: Copenhagen Police Centre, 2003. P. 374-392.

между варной шудр и занятием земледелием ¹³⁴. Однако такой крупный социальный слой, учитывая особенность индийской цивилизации, тяготеющей к жесткой структуризации по принципу профессиональной специализации, не мог оставаться гомогенным и не делиться на более мелкие группы. И действительно еще до появления законов Ману, легитимировавших кастовую систему, в том же словаре мы встречаем деление на «чистых» и «грязных» шудр ¹³⁵. Попробуем выяснить, какие категории общин среди последних наиболее близко приближались по своему статусу к рабам и могли послужить основой для формирования «неприкасаемых» каст.

Известно, что в основу социальной иерархии индуистского общества положен принцип ритуальной чистоты. Применительно к хозяйственной деятельности работа считалась «грязной» тогда, когда в основе технологии ее осуществления лежал процесс убийства, контакт с умерщвленным телом или нечистотами. Также в качестве «грязной» рассматривалась деятельность, связанная физически тяжелым процессом производства.

В результате реализации подобного принципа иерархического структурирования в традиционных сельских общинах вместе с ростом разделения труда стал проявляться процесс отчуждения друг от друга представителей различных специальностей. Однако до оформления кастовой системы это отчуждение не приобрело жесткого характера, что не позволяет нам видеть в нем основания для формирования «неприкасаемых» каст ¹³⁶. Заметим, что до II в. до н.э. все члены земледельческих общин рассматривались как представители варны шудр, в то время как под «неприкасаемыми» подразумевались маргинальные элементы, находившиеся на периферии сельской жизни ¹³⁷. Следовательно, для определения

---

¹³⁴ Индийская культура и буддизм. М.: Наука, 1972. С. 263-265.

¹³⁵ Там же. Индийская культура и буддизм. М.: Наука, 1972. С. 275-282.

¹³⁶ Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М.: Наука, 1985. С. 140.

¹³⁷ Sharma R.S. Sudras in ancient India. Delhi: Motilal Banarsidass, 1958. P. 97-98.

механизма генезиса «неприкасаемых» нам необходимо обнаружить и выявить наиболее распространенные пути маргинализации крестьян-шудр.

Попробуем выделить ряд ключевых маркеров, указывающих на процесс утраты своего социального статуса в традиционном индуистском обществе.

Во-первых, это устойчивые бытовые контакты с представителями нижестоящих социальных слоев. Согласно ритуальным представлениям при совместном приеме пищи и пр. вышестоящие социальные группы понижают свой статус и приобретают свойства тех, с кем взаимодействуют. Однако соблюдение данной традиции затруднялось тем, что численность каждой касты являлась продуктом длительной балансировки между экономическими возможностями и социальным престижем осуществляемой ими деятельности в локальном микрорегионе. Поэтому потерявшие свой статус представители «дважды рожденных» далеко не всегда могли интегрироваться в нижестоящую касту, превращаясь в маргиналов¹³⁸.

Во-вторых, одним из важнейших условий «чистого» труда для шудр являлось его осуществление с помощью средств производства, на которые распространяется право собственности производителя. Аренда земли или использование чужих орудий труда было одним из важнейших маркеров, указывающих на маргинальный статус¹³⁹.

Таким образом, основным вектором маргинализации индийского крестьянства могло стать обезземеливание. В частности, на это указывает сравнительный анализ текстов Артхашастры и законов Ману, проведенный индийским историком Кршнан-Кутти¹⁴⁰. Причем это обезземеливание характеризовалось тем, что терявшие землю общинники, с одной стороны, переходили к наемному труду в рамках крупных хозяйств, а с другой стороны, сохраняли генетические связи со своей общиной. Именно такое

---

¹³⁸ Dutt N.K. Origin and growth of caste in India. London: K. Paul, Trench, Trubner & Company, Limited, 1931. P. 271.

¹³⁹ Артхашастра или наука политики. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. Т. III, С. 199.

¹⁴⁰ Krishnan-Kutty G. Peasantry in India. New Delhi: Abhinav Publications, 1986. P. 36.

сочетание факторов было способно привести к появлению нового и достаточно крупного слоя, выпадающего из варновой системы отношений и, в то же самое время, функционально включенного в производственный цикл местных общин.

К IV в. до н.э. в индийском обществе в целом завершился процесс разложения архаичных родовых отношений. Усилилась специализации труда и произошло расслоение общинников по имущественному принципу. Именно в этот период мы встречаем в Артхашастре первые упоминания о двух категориях шудр, которые удовлетворяли указанным выше критериям маргинализации и могли стать социальным источником формирования «неприкасаемых» каст. Речь идет о «кармакарах» и «бхртаках».

По мнению индийских исследователей эти две социальные группы имели определенные различия между собой. Так, Р.Ш. Шарма полагает, что кармакары являлись домашними слугами, занятыми в хозяйстве знати, бхртаки – наиболее бедными крестьянами, вынужденными работать в качестве наемных работников на земле представителей высших варн ¹⁴¹. Несомненный интерес представляет схожесть звучания слова «бхртаки» и «батраки», что может носить отнюдь не случайный характер, учитывая родство и фонетическую схожесть санскрита и прочих индоевропейских языков, особенно в древности.

В Артхашастре мы встречаем достаточно детальную характеристику их правового статуса, а также описание особенностей быта и контекста социальных взаимоотношений в процессе осуществления трудовой деятельности. По данным этого источника, кармакары выступают как наиболее угнетаемый слой свободного населения. Являясь домашними слугами, они, фактически полностью идентичны в своих трудовых обязанностях даса, т.е. рабам. В отношении кармакаров предписывалось применять телесные наказания, а оплата их труда осуществлялась в основном

---

¹⁴¹ Sharma R.S. Sudras in ancient India. Delhi: Motilal Banarsidass, 1958. P. 96-106.

в виде предоставления им крова и пищи¹⁴². Этот нюанс особенно важен для нас по той причине, что мы видим прямое указание на устойчивые бытовые контакты между домашними слугами и рабами. И хотя первые сохраняют личную свободу, в глазах других социальных слоев они становятся идентичны последним. Однако приведенная здесь характеристика их статуса не позволяет нам говорить о них как об основном источнике формирования «неприкасаемых» каст. Очевидно, что в результате маргинализации эти крестьяне становились идентичны рабам и, что очень важно, теряли связи с общиной. Этот аспект свидетельствует о том, что они не могли послужить основным субстратом для формирования «неприкасаемых», т.к. последние не были изолированы от общины. Напротив, сама этимология их названия прямо указывает на то, что эта группа находилась в перманентной близости от обычных шудр и представляла для них угрозу понижения в статусе посредством бытового контакта. Значит, если кармакары и сыграли свою роль в появлении «неприкасаемых», то далеко не основную.

Другая категория – бхртаки, представляет для нас значительно больший интерес. По своей сути они являлись обычными крестьянами, занимавшимися земледелием¹⁴³. Однако по ряду причин, прежде всего, вследствие обладания ими собственностью на незначительные земельные участки могли вести самостоятельное хозяйство. Это означает, что они сохраняли определенные социальные и технологические контакты с общиной, однако не могли быть полноценным компонентом в ее рамках. Одним из важнейших источников их доходов, обеспечивающим от 60 до 80% общего достатка, являлась обработка арендуемой земли¹⁴⁴. Однако такая характеристика не дает нам оснований для вывода о процессе

---

¹⁴² Артхашастра или наука политики. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. Т. III, С. 136.

¹⁴³ Agrawala V.S. India as it known to Panini. Delhi: Lucknow, 1953. P. 236.

¹⁴⁴ Медведев Е.М. Karma kara и Bhrtaka. К проблеме формирования низших каст / Касты в Индии. М.: Наука, 1965. С. 138; Медведев Е.М. Эволюция формы индийских дарственных грамот и их происхождение / История и культура древней Индии. М.: Наука, 1963. С. 183-185.

маргинализации. Выполняется лишь одно (и то не полностью) из двух условий – частичная утрата права собственности на средства производства.

В качестве решения данного противоречия мы склонны принимать гипотезу, выдвинутую Г.Ф. Ильиным, который обратил внимание на климатически обусловленный характер земледельческой деятельности в северной и центральной Индии. Значительную часть года в данной местности длится сезон муссонных дождей, во время которого обработка почвы физически невозможна. С древности крестьяне откладывали запасы на это время и переживали его, занимаясь своим домашним хозяйством. Однако для бхртакров этот сезон был наиболее рискованным и в силу своих низких заработков они не могли себе позволить бездействие. Следовательно, в период муссонов они нанимались в качестве кармакаров в хозяйства знати и вели быт, аналогичный рабам и слугам. Естественно, что при этом они теряли свои позиции в социальной иерархии. По прошествии муссонов они возвращались к своей основной деятельности и восстанавливали контакты с обычными крестьянами. Разумеется, что последние боялись потерять свои позиции в результате взаимодействия с бхртакрами и поэтому старались изгнать последних на периферию сельской жизни¹⁴⁵. Это и стало важнейшим фактором, обеспечивающим их маргинализацию, сопровождавшуюся активной дискриминацией со стороны общины. И действительно, в более поздних источниках присутствуют указания на проживание «неприкасаемых» за пределами деревень, запрет на участие в ритуальных действиях, многочисленные унижения и нарушения права собственности¹⁴⁶. Подтверждением этой логики являются и социально-психологические наблюдения, проведенные в жестко иерархических коллективах (школьные классы, военные подразделения, уголовные элементы). В их результате было обнаружено, что наиболее агрессивно политику дискриминации социальных

---

¹⁴⁵ Ильин Г.Ф. Основные проблемы рабства в древней Индии // История и культура древней Индии. М.: Наука, 1963. С. 142.

¹⁴⁶ Дьяконов И.М. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей // ВДИ, 1963. №1. С. 16-34.

групп, находящихся на дне общественной структуры, реализуют слои незначительно отличающиеся от них по статусу и стремящиеся сохранить свои предпочтения по отношению хоть к какой-нибудь прослойке¹⁴⁷.

Описанный выше стихийный процесс маргинализации бедного крестьянства продолжался с середины I тыс. до н.э. до II в. до н.э., когда законы Ману легитимировали новую социальную группу. Новое законодательство, следуя общей логике правового обоснования кастовой системы, закрепило «неприкасаемых» в качестве самодостаточной касты. Более того, эта группа получила детальные определения характера трудовой деятельности, степени участия в социальной жизни общин и т.д. Однако в отличие от всех остальных джати первые «неприкасаемые» рассматривались властью, как несколько абстрактное и универсальное социальное пространство, способное вместить в себя всех нарушавших закон, а также не вписывающихся в кастовую систему.

Таким образом, в законах Ману было допущено одно существенное искажение в области конструирования иерархичных социальных систем. «Неприкасаемые», получив все формальные признаки джати, по сути, продолжали оставаться маргинальной периферией. Порожденные этим результаты оказали мощнейшее воздействие на самосознание низших каст и их общественную активность. За всю историю существования «неприкасаемых», включая XX в., не было ни одного хоть сколько-нибудь значимого вооруженного выступления против проводимой политики дискриминации. Обусловлено это было, как внутренней разобщенностью, так и наличием сложно разрешимых противоречий между самими далитскими джати, что, в свою очередь, было обусловлено наличием нескольких каналов их генезиса.

Выше мы говорили о разложении земледельческих общин шудр и их частичной маргинализации, приведшей к образованию достаточно

---

¹⁴⁷ См. например: Snellman A. Social hierarchies, prejudice and discrimination. Uppsala: University of Uppsala, 2007. – P. 56.

многочисленного социального слоя, находящегося на периферии общественной жизни. Однако после легитимации и дефиниции законами Ману «неприкасаемых» сформировалось два новых и различающихся между собой источника пополнения низших каст.

Проанализируем эндогенный вектор, т.е. тот, при котором попадание в «неприкасаемую» касту происходило посредством инкорпорации членов индуистского метаятноса и имело самые различные причины. В его основе чаще всего лежало разорение крестьян или торговцев, вынужденное обращение к зажиточным слоям за покровительством. Что любопытно, в результате подобного процесса в некоторых штатах Индии мы встречаем не только «неприкасаемых», ведущих свое происхождение от шудр или вайшьев, но и от брахманов ¹⁴⁸. Этой же причиной было обусловлено внешнее завоевание какого-либо региона представителями не индуистского сообщества. Так, в ходе исламской экспансии в Пенджабе, а также покорения северных районов Уттар-Прадеша выходцами из Непала в X в. местные военные касты раджпутов перестали считаться кшатриями, поскольку более не могли выполнять соответствующие функции в обществе, и превратились в «неприкасаемых» ¹⁴⁹.

Следующей по значимости и частоте причиной было тяжкое правонарушение, совершенное либо отдельным человеком, либо целой общиной. Коллективная ответственность наиболее часто встречается в период средневековой Индии, особенно в мусульманский период. Так, например, в XII в. после исламского завоевания Гуджарата и свержения местной раджпутской династии, был принят кодекс законов, утверждавший

---

¹⁴⁸ Dutt N.K. Origin and growth of caste in India. London: K. Paul, Trench, Trubner & Company, Limited, 1931. P. 271.

¹⁴⁹ Gupta R.K., Bakshi S.R. Studies in Indian History: Rajasthan Through the Ages. The Heritage of Rajputs. New Delhi: Sarup and Sons, Vol. 2. P. 100.

список преступлений, наказанием за которые была принудительная маргинализация¹⁵⁰.

Заслуживает упоминания и факт рождения от родителей, принадлежащих к разным варнам. Причем сопоставляя данные разных источников, мы можем утверждать, что в случае, если мать ребенка была представительницей нижестоящей касты, то последний просто интегрировался в джати, но если ситуация была обратной, то младенца отдавали ближайшему роду «неприкасаемых». Рождение ребенка и сама сексуальная связь с нижестоящим мужчиной рассматривалась как тяжкий позор, ложащийся на женщину и весь ее род. В связи с этим нередко были случаи, когда и саму мать также изгоняли из джати, и она становилась «неприкасаемой»¹⁵¹.

И, наконец, мы встречаем случаи добровольного вступления в «неприкасаемые». В древней и средневековой Индии это было либо вынужденной мерой для отдельных семей, чьи джати были уничтожены, либо достаточно экзотическим самоочищением, к которому прибегали последователи некоторых индуистских сект. Например, нищенствующие брахманы джангамы¹⁵². В колониальный период истории страны добровольный уход в «неприкасаемые» практиковался в центральных и восточных областях, в которых высокая земельная рента приводила к разорению мелкого крестьянства и перманентному голоду. Одним из наиболее распространенных способов избежать этого был уход из общины или даже присоединение всей общиной к кочующим скотоводам, принадлежавшим к «неприкасаемым» кастам (например, к ромам, от которых ведут происхождение известные в Европе цыгане)¹⁵³.

---

¹⁵⁰ Forbes A.K., Mala R. Hindoo annals of the province of Goozerat in Western India. Vol. 2. London: Richardson Brothers, 23, Cornhill, 1856. P. 237.

¹⁵¹ Blunt E.A. The Caste System of Northern India with Special Reference to the United Provinces of Agra and Oudh. London: Oxford Univ. Press, 1931. P. 48.

¹⁵² Moffatt M. An Untouchable Community in South India: Structure and Consensus. Man: New Series, 1980. Vol. 15, P. 208.

¹⁵³ Blunt E.A. Nomads in India // Anthropological survey of India, 1982. P. 177-185.

Как мы видим, экономические и идеологические факторы генезиса «неприкасаемых» приводили к формированию совершенно различающихся по своему содержанию социальных групп. Серьезные отличия и даже противоречия, лежащие в основании разных «неприкасаемых» джати, сконструировали целую совокупность оригинальных систем самосознания, не позволявших им интегрироваться в единую общность. Еще более значительным был социальный барьер между «неприкасаемыми» и «отсталыми племенами», генезис которых также заслуживает рассмотрения в рамках данного исследования.

Во время завоеваний, осуществлявшихся индуистскими государствами во второй половине I тыс. до н.э., происходило столкновение с племенами юга и востока полуострова. Эти регионы отличались наличием обширных джунглевых лесов, и потому местное население существенно отставало в развитии от завоевателей. Причем отставание нередко носило культурно-стадиальный характер и выражалось в том, что покоренные этносы еще находились на этапе присваивающего хозяйства, не имели представлений о частной собственности и обладали крайне примитивным социальным мышлением. Это обстоятельство серьезно затрудняло их интеграцию в индуистское сообщество. Поэтому стандартная схема обращения местного населения в варну шудр переставала работать. Кроме того, процесс хозяйственной специализации и разложения некогда единых земледельческих общин уже вошел в зрелую фазу, вследствие чего для покоренного населения просто не оставалось свободных ниш. Естественно, что результатом включения этих племен в состав субъектов индийской государственности сопровождался помещением их на периферию социальной структуры, где в это время находились первые «неприкасаемые».

Однако этот процесс также не был однозначным и мог существенно варьироваться в зависимости от конкретных условий, порождая несколько сценариев интеграции местных племен.

Наиболее характерной была ситуация, при которой местное население проживало в джунглях и вело хозяйство, основывающееся на охоте и собирательстве. В данном случае интеграция происходила максимально жестко, т.к. постоянно увеличивающееся земледельческое население требовало распашки новых земель, а это подрывало основу существования племен. Поэтому последние дезинтегрировались силовым способом на отдельные роды, которые превращались в общины «неприкасаемых», обслуживающих земледельцев¹⁵⁴. Более приемлемый для местного населения вариант мог реализоваться в том случае, если оно проживало в крайне труднодоступной местности и его присоединение ограничивалось рядом формальных процедур, а зависимость от политической власти выражалась в выплате дани натуральными продуктами. В таком случае местные общины сохранялись и, хотя они продолжали восприниматься как «неприкасаемые», это незначительно сказывалось на качестве их жизни, поскольку социально-экономические контакты носили крайне ограниченный характер. Данный способ присоединения отсталых племен, разумеется, сопровождался консервацией их уклада. По этой причине большинство сохранившихся в современной Индии «отсталых племен», чья жизнедеятельность курируется соответствующим департаментом в министерстве внутренних дел страны, относится именно к этой категории¹⁵⁵.

Совершенно другая ситуация складывалась в том случае, если местное население также отставало в развитии от индуистских общин, но обладало определенным экономическим потенциалом для участия в хозяйственной жизни региона. Прежде всего, это относилось к племенам, проживавшим на берегах океана и специализировавшимся на рыболовстве, а также к кочевникам Раджастхана и Гуджарата. При подобном сценарии местные

---

¹⁵⁴ Гусева Н.Р. Раджастханцы. Народ и проблемы. М.: Наука, 1989. С. 85-87.

¹⁵⁵ См. например: Гусева Н.Р. Раджастханцы. Народ и проблемы. М.: Наука, 1989. С. 82-84; Rajasthan. Data Highlights: The Sheduled Tribes. Census of India 2001. // Office of the Registrar General, India. [Режим доступа]: http://censusindia.gov.in/Tables_Published/SCST/dh_st_rajasthan.pdf

общества включались в хозяйственную жизнь региона и сохраняли свой уклад, а также идентичность и даже ареал расселения, хотя и воспринимались окружающими как «неприкасаемые». Специфика взаимоотношений с ними отличалась существенной динамичностью и зависела от масштаба природопользования, осуществляемого шудрами. С течением времени экстенсивное земледелие требовало освоения новых земель и это порождало конфликты. В случае с рыбацкими поселениями развитие событий зачастую принимало негативный для племен характер и выливалось в их частичную дезинтеграцию и переселение отдельных родов в земледельческие деревни или населенные пункты городского типа для выполнения грязных работ. Причем эта логика проявлялась не только в древности, но и в более поздние времена. Так, например, в XX в. был образован знаменитый район Мумбаи – Дхарави ¹⁵⁶. Однако кочевники обладали высокой мобильностью, что позволяло им при изменении к ним отношения в худшую сторону переселиться в другой регион и интегрироваться в местную хозяйственную жизнь ¹⁵⁷. Это, в свою очередь, негативно сказывалось на экономике покинутого региона. Поэтому со стороны локальных правительств нередко издавались указы, запрещающие дискриминацию кочевых племен. Так, в качестве примера можно привести покровительство, оказывавшееся *раджпутами* касте *банджаров* во время исламского вторжения ¹⁵⁸. *Банджары* специализировались на продаже скота, в том числе лошадей, что играло принципиальную роль в вопросе обеспечения боеспособности средневековых армий.

И, наконец, последний сценарий генезиса «неприкасаемых» реализовывался в основном в Средние века при переселении крупных социальных групп в Индию. Наиболее известные примеры – появление

---

¹⁵⁶ Sharma K. Rediscovering Dharavi: Stories from Asia's largest slum. London: Penguin Books Ltd., 2000. P. 12-15.

¹⁵⁷ Gazetteer for the Haidarabad assigned districts, commonly called Berar. Bombay: Education society's press, Byculla, 1870. P. 195-196; Halbar B.G. Lamani economy and society in change. Delhi: Oscar Publications, 1986. P. 16-18.

¹⁵⁸ Гусева Н.Р. Раджастханцы. Народ и проблемы. М.: Наука, 1989. С. 162.

парсов, мусульман и христиан. Все эти сообщества довольно быстро интегрировались в индуистский жизненный уклад и приобретали кастовую замкнутость. Соответственно, в среде переселенцев происходило размежевание и взаимное отчуждение хозяйственно специализированных общин. Наиболее бедные или маргинальные элементы становились «неприкасаемыми». Этот процесс был обусловлен стремлением иностранных общин максимально успешно адаптироваться к индийским реалиям и потому выражался в копировании особенностей социального взаимодействия в кастовом обществе. Исполнение грязных работ свидетельствовало о низком статусе и потому требовало исключения из практики повседневной жизни зажиточных слоев. Поэтому мы встречаем «неприкасаемых» не только среди многочисленных мусульманских или христианских общин, но даже среди крайне немногочисленных парсов. Заметим, что эта каста специализируется на управлении финансами и всегда играла значительную роль в государстве. Однако часть парсов – *кхандияры*, выполнявшие уборочные работы и осуществлявшие ритуальное захоронение в «башнях молчания», под влиянием мировоззренческих установок принимающей культуры приобрели все черты «неприкасаемых»¹⁵⁹.

Завершая анализ генезиса «неприкасаемых» каст Индии можно сделать следующие выводы.

1. В основе самой концепции «неприкасаемости» лежит комплекс религиозно-идеологических представлений, характерных для индуистской цивилизации. Эти представления нашли выражение в конструировании социальных барьеров между основной массой населения и маргинальными низами, подвергающимися социокультурной стигматизации, что вынуждало их заниматься социально значимой, но религиозно порицаемой деятельностью.

---

¹⁵⁹ Kulke E. The Parsees in India: A minority as agent of social change. New Delhi: Vikas Pub., 1978. P. 157-162.

2. К числу экономических причин, способствовавших генезису «неприкасаемых» сообществ, можно отнести расслоение архаичной земледельческой общины, обезземеливание части общинников, а также слабое развитие товарно-денежных отношений. Сочетание этих факторов исключило развитие классического рабства и трансформировало патриархальные формы рабовладения в систему маргинальных общин, выполняющих функции слуг и сезонных работников.
3. Продолжение экспансии индуистских государственных образований привело к интеграции в единое социальное пространство отсталых племен, живших на стадии присваивающего хозяйства. Поскольку классификация их деятельности в рамках варновой системы общества была затруднена, они получили маргинальный статус близкий по своему содержанию к «неприкасаемым» сообществам, включенным в цикл аграрного производства.
4. На протяжении всего периода существования кастовой системы сохранялись определенные каналы маргинализации, служившие основным механизмом конструирования новых «неприкасаемых» сообществ. Наиболее часто встречающиеся прецеденты связаны либо с внутрииндийскими межрегиональными миграциями, либо с переселением иных социальных групп и процессом имущественного расслоения и профессионального размежевания.
5. Наличие множества факторов и, как следствие, различных сценариев появления «неприкасаемых» общин привело к формированию у каждой из них специфического самосознания, что способствовало относительно быстрому превращению маргинального социального пространства вневарновых слоев в четко структурированные низшие касты.

1.4. Основные механизмы социальной эволюции низших каст в системе традиционных общественных отношений

Далее в работе мы намерены проанализировать особенности социальной эволюции «неприкасаемых» каст. Каждый из этапов этого процесса имеет определенную специфику. Мы выделяем следующие этапы: 1) индуистский – отличавшийся доминированием индуистских элит (от II в. до н.э. до XIII в.); 2) исламский – связанный с правлением Делийских султанов и Великих Моголов (XIII – XVIII вв.) и 3) колониальный – обусловленный становлением системы британского правления и началом коренной трансформацией социального пространства Индии (к. XVIII – сер. XIX вв.). Заметим, что все они приходятся на время господства традиционных форм общественных отношений. Начавшиеся со второй половины XIX в. масштабная индустриализация и урбанизация привели к значительным изменениям в жизни «неприкасаемых» каст и потому изменения, происходившие в это время, будут рассматриваться отдельно.

Итак, первый период истории «неприкасаемых» Индии связан с господством индуистских социокультурных норм, нашедших широкое отражение в повседневной экономической и политической практике. Это выразилось в самом факте появления низших каст и жестком закреплении за ними дискриминирующих социальных ролей. Однако уже к рубежу эр аморфное пространство «неприкасаемых» начало естественным образом приобретать четкую структуру, копируя основные черты вышестоящих джати, с которыми взаимодействовали отдельные общины в рамках того или иного региона.

Углубление хозяйственной специализации древних далитов было обусловлено двумя основными комплексами причин. Первый – уже упоминавшиеся различия в сценариях формирования общин, приводившие к сохранению за отсталыми племенами или, напротив, обедневшими земледельцами, их основного вида занятий. Второй – углубление разделения

традиционного труда, его технологическое усложнение, формировавшее новые виды «грязной» работы. В этом случае имевшиеся в каждом конкретном микрорегионе общины «неприкасаемых» принуждались вышестоящими джати к выполнению все более разноплановых обязанностей. В подавляющем большинстве сценариев это порождало их специализацию, во всех основных чертах повторявшую процесс размежевания шудрянских и «дважды рожденных» каст. Однако уже в древности и раннем средневековье сформировались исключения из этого правила. Впрочем, в основном, они были связаны с гендерно обусловленными различиями низко квалифицированного труда.

Так, например, в архаических земледельческих обществах мы наблюдаем весьма специфическую культовую деятельность женщин (довольно часто вменявшуюся в обязанность), выражавшуюся в ритуальной храмовой проституции. Индуистское жречество примерно в VI в. смогло найти ресурс для консервации подобной архаики и переложило подобные обязанности на представительниц «неприкасаемых»¹⁶⁰. К X в. каста женщин-проституток *девадаси* перестала рассматриваться как самостоятельная джати, а превратилась в женскую готру одной из двух мужских каст – уборщиков мусора – *чандалов* и проституирующих гомосексуалистов – *хиджр*¹⁶¹. Таким образом, хотя эти социальные группы и носят различные наименования, фактически они сохраняют эндогамность по отношению друг к другу и не имеют между собой непреодолимого социального барьера.

Другим проявлением сохранения кастовой идентичности в ущерб наметившихся различий в хозяйственной специализации стало развитие общин бхиллов в Раджастхане. Будучи отсталыми племенами охотников и собирателей, находившимися на стадии разложения первобытно общинных отношений, они, при завоевании их раджпутскими царями в III в., оказали упорное сопротивление. При этом особенно хорошо показали себя отряды

---

¹⁶⁰ Chawla A. Devadasis – sinners or sinned against? // Samarth Bharat, 2002. P. 9-18. <http://www.samarthbharat.com>

¹⁶¹ Culture, Society and Sexuality. London: UCL Press, 1999. P. 226-228.

лучников-партизан. Вследствие этого при аграрном освоении южной части Раджастанха представители высших каст планировали разделить общины бхиллов на две касты. Одну из них собирались понизить до «неприкасаемых» и заставить выполнять «грязную» работу в деревнях, другую – интегрировать в варну шудр и сформировать из них вспомогательные контингенты легкой пехоты. Однако бхиллы неожиданно проявили очень высокий уровень племенной солидарности и отказались от привилегированной военной службы, полностью войдя в «неприкасаемую» касту земледельцев, но сохраняя свои древние традиции обращения с оружием. Позднее, в XI в. во времена исламских вторжений *раджпуты* были вынуждены обратиться к ним за помощью и даже частично породнились с ними. Это повысило социальный статус бхиллов, заставив окружающие общины относиться к ним, как к «чистым» шудрам, а в округе Джайпура даже как к вайшьям¹⁶².

Процесс усиления специализации «неприкасаемых» каст, развернувшийся на раннем этапе их существования, привел к формированию устойчивых моделей идентичности, а также к иерархическому упорядочению отношений между ними. Уже к середине I тыс. далиты также выстроили свою вертикаль, подобную той, которой подчинялись варновые касты в зависимости от степени «чистоты» осуществляемого ими труда. На вершине их социальной лестницы находились те, кто выполнял работы, связанные с производством общественно значимых материальных продуктов. Сюда относились джати кожевников, мясников, маслоделов. Далее следовали общины, специализировавшиеся на оказании услуг, но также материального характера – прачки, уборщики мусора. На самом дне социальной жизни индийского общества находились представители каст, оказывавших услуги нематериального характера – бродячие музыканты, фокусники и танцовщики. Естественно, что эти группы стремились как можно эффективнее дистанцироваться друг от друга и, подобно вышестоящим джати, выстраивали мощный межкастовый барьер. Более того, эта

---

¹⁶² Гусева Н.Р. Раджастанцы. Народ и проблемы. М.: Наука, 1989. С. 77-84.

социальная граница в скором времени получила официальное политическое признание. Так, например, при изучении правления царей из династии Катиури (IX – XI вв.), в предгималайском округе Кумаон мы встречаем указание на то, что распределение преступников по кастам «неприкасаемых» осуществлялось самим правителем и зависело от степени тяжести преступления ¹⁶³. Там же впервые упоминается знаменитый обряд инициации, встречающийся у современной касты прачек Мумбаи, заключающийся в ритуальном поедании кусочка ореха (которым осуществляется отмывание одежды) ¹⁶⁴.

Такое динамичное выстраивание функциональных социальных структур внутри «неприкасаемых» привело к качественному изменению их роли в жизни общества. Согласно законам Ману они позиционировались как маргинальное дно, куда могут попасть нарушающие устои социального порядка. Однако в течение нескольких веков эта прослойка превратилась в упорядоченную совокупность каст, содержательно ничем не отличающуюся от всех остальных, за исключением допущения их правовой дискриминации со стороны вышестоящих. Интересным подтверждением данной социальной трансформации выступает следующий факт. В результате масштабных войн, вызванных исламским вторжением и переселений целых этнических групп в центральные и южные районы Индии там стали формироваться значительные маргинальные общности, которые по своей сути полностью соответствовали архаичным представлениям о «неприкасаемых». Однако правители Махараштры в XIII в. сразу озаботились разделением переселенцев на касты, остановив тем самым стихийную маргинализацию низов ¹⁶⁵.

---

¹⁶³ Blunt E.A.H. The Caste System of Northern India. Delhi: Motilal Banarsidass, 1969. P. 119.

¹⁶⁴ People of India: Maharashtra. Part 1, Vol. XXX. / ed. by K.S. Singh. Mumbai: Popular Press, 2004. P. 525.

¹⁶⁵ Verma O.P. Yadavas and their Times. Nagpur: Vidarbha Samshodhana Mandal, 1938. P. 265.

Завершая анализ первого периода в истории «неприкасаемых» каст, необходимо остановиться на проблеме недовольства низов своим статусом и вариантах социального преодоления этой ситуации. Как уже неоднократно отмечалось выше, массовое выступление целых джати было практически полностью исключено благодаря практике хозяйственной специализации в традиционном производстве, при которой процесс ценообразования определялся ритуальными представлениями и которую сами индийцы называли «джаджмани» (см. Приложение 3). Поэтому прикрепление общин «неприкасаемых» к конкретной деятельности давало им, с одной стороны, основу для существования, а с другой стороны, подавляло возможность протестов. Единственным заслуживающим упоминания исключением стало движение лингятов (служителей культа Шивы, считавшихся «неприкасаемыми») в Южной Индии, развернувшее свою деятельность в XII в., которое боролось против самой сути кастовой системы и проповедовало идеи равноправия. Однако вскоре и оно пошло на спад. Экономически детерминированная необходимость интеграции в ту или иную хозяйственную нишу через два-три поколения после первоначальных успехов привела к простому перераспределению ролей в регионе. В результате местные брахманы к началу XIII в. позволили лингятам интегрироваться в высшую варну и разрешили организовывать монастыри матхи, куда в основном уходили люди из «неприкасаемых»¹⁶⁶. Таким образом, даже самое успешное выступление представителей низших каст в индуистский период не привело к коренной ломке социальных отношений в отдельно взятом регионе, хотя и имело перед собой соответствующую и четко обозначенную цель.

Несмотря на устойчивость сложившегося института «неприкасаемых» каст, идеологи индуизма не могли не понимать, что скапливающемуся недовольству нельзя не давать хоть какого-либо выплеска. Поэтому

---

¹⁶⁶ Hinashal S.M. The Lingayyat movement: a social revolution in Karnatak. Karnatak: Sahitya Mandira, 1947. P. 17, 238.

примерно в V в. кастам «неприкасаемых» была позволена практика саньсяи – добровольного отречения человека от материальных ценностей и ухода из общины в отшельники ¹⁶⁷. Это сразу позволило исключить из далитских джати наиболее активных представителей.

Следующий, исламский период в истории Индии начался с завоевания мусульманами северной части страны. Его содержание вкратце может быть описано как период наибольшей стагнации и консервации социальных отношений, совпавший с общемировыми тенденциями в развитии феодальных средневековых обществ.

Прежде чем переходить к анализу основных механизмов эволюции низших каст во времена исламского господства необходимо отметить, что с XIII в. индийское традиционное хозяйство прошло через череду естественно-исторических трансформаций.

Во-первых, изменились технологии производства – широкое применение нашла практика создания мощных ирригационных систем, возросла доля посевов технических культур, стали применяться более совершенный инвентарь ¹⁶⁸. Во-вторых, произошли существенные сдвиги социального характера. В общественной жизни стала возрастать роль землевладельцев, большая часть которых относилась к вайшьям и шудрам. Значение кшатриев и брахманов стало снижаться. Это, в свою очередь, создало условия для позитивной социальной мобильности низших каст ¹⁶⁹.

В-третьих, непосредственно перед мусульманским завоеванием жизнь сельскохозяйственных общин в большей степени контролировалась региональными правителями. Последние проводили политику управления, направленную на повышение рентабельности хозяйства и потому старинный способ экономического взаимодействия – «джаджмани», был потеснен

---

¹⁶⁷ Sharma A. Religion Studies and Comporative Methodology: the case for reciprocal illumination. New York: State University of New York press, 2005. P. 238.

¹⁶⁸ Ашрафян К.З. Проблемы развития феодализма в Индии // Народы Азии и Африки, 1969. № 4. С. 66-75.

¹⁶⁹ Bhattacharya J.N. Hindu Castes and Sects. Calcutta: Thacker, Spink and Company, 1896. P. 94-104.

рыночными механизмами регуляции значимости того или иного производства. Следствием этого стало частичное перераспределение социальных ролей в индийской деревне¹⁷⁰.

Естественно, что, начиная с XIII в., указанные тенденции получили особенное развитие под влиянием иноземного вторжения, которое осуществлялось выходцами из стран с более зрелыми общественными отношениями, и, что самое главное, эта экспансия носила четко выраженный прозелитический характер. Стремление мусульманских элит как можно более успешно освоить пространство страны выразилось в кардинальной трансформации социальных позиций в ряде областей. Как уже упоминалось выше, особенную поддержку Делийским султанам, а позднее и Моголам оказали районы будущего Пакистана и Бенгалии. В этих регионах низшие касты практически поголовно перешли в ислам, а «чистые» джати потеряли свое значение. Масштабные завоевания привели к миграциям крупных групп населения, что значительно повысило территориальную мобильность индийских общин. Учитывая, что в разных регионах одни и те же касты обладали разными иерархическими позициями, простая смена жительства стала одним из способов изменения статуса всей касты. Тем не менее, логика специализированного производства оказалась сильнее и первоначально предполагавшееся мусульманами устранение кастовой системы провалилось.

Повышение продуктивности труда улучшило благосостояние «неприкасаемых» каст, с середины XIII в. мы наблюдаем среди них процесс имущественного расслоения и выделения новых джати. Так, например, упоминавшаяся выше каста *чандалов*, точнее некоторые ее роды, в районе будущего штата Уттар-Прадеш сумели скопить средства, достаточные для того чтобы официально отсоединиться от остальных более бедных готр. Однако власти не позволили им повысить свой статус. Это означало бы понижение позиций какой-либо другой касты, на что мусульманские правители пойти не решились, боясь массовых выступлений. Тогда *чандалы*

---

¹⁷⁰ Куценков А.А. Эволюция индийской касты. М.: Наука, 1983. С. 134.

вынудили беднейшие слои выйти из их касты, поменять свое название на *бханги* и заняться исключительно уборкой мусора и забоем животных ¹⁷¹. Соответственно, выделив из своей среды еще более низкую группу и улучшив ритуальную «чистоту» своего труда *чандалы* Уттар-Прадеша стали со временем восприниматься окружающими, как «чистые» шудры.

Перераспределение социальных ролей в индийской деревне, вызванное мусульманским вторжением и маргинализацией индуистских элит открыло еще один канал повышения своего статуса для низших каст. Он представлял собой военное сотрудничество с завоевателями, при котором «неприкасаемые» стали привлекаться к выполнению административно-управленческих работ в наиболее агрессивно сопротивлявшихся регионах страны. Например, бывшее племя охотников хохаров из Махараштры, сохранявшее еще пережитки матриархата, оказало мусульманам активную помощь в выявлении и истреблении укрывавшихся в сельской местности родов *раджпутов*. За это они были причислены к варне кшатриев и стали местным военно-служилым сословием ¹⁷². Аналогично изменился статус одной из самых крупных «неприкасаемых» каст Древней Индии – деревенских слуг и батраков джатов. Заметим, что остальные касты хотя и оказывали определенное сопротивление подобным пертурбациям в социальной иерархии региона, были вынуждены согласиться с изменениями. Тем не менее, джаты после крушения Делийского султаната во избежание потенциальных конфликтов большей частью переселились из Раджастхана в соседний Пенджаб, где они с самого начала стали восприниматься как каста кшатриев ¹⁷³.

---

¹⁷¹ Sharma R. Bhangi, Scavenger in Indian Society: Marginality, Identity and Politicization of the Community. New Delhi: M.D. Publications Pvt. Ltd., 1995. P. 33-34; The Bhangi: A Sweeper Caste: Its socio-economic portrait. Bombay: Pandit Madan, 1992. P. 11-13.

¹⁷² Rose H.A. The Khokhars and Gakhars in Panjab history // Indian antiquary. Vol. 36. London: John Murray, 1907. P. 5.

¹⁷³ Ahmad M.H. Political history and institutions of the early Turkish empire of Delhi (1206-1290). Lahore: University of Punjab, 1949. P. 225; Рейснер И.М. Восстания джатов в области Агра-Дели в конце XVII – начале XVIII в. // Ученые записки Института Востоковедения АН СССР. Т. XVIII, М.: Восточная литература, 1957. С. 21-22.

Еще одним любопытным примером влияния исламского суперэтнуса на социальную мобильность индийского общества стали примеры успешных карьер, сделанных выходцами из среды «неприкасаемых» в административном аппарате. Так в Делийском султанате должность визиря занимали Малик Кафур (1307 -1316 гг.) и Хушру Хана (1390 - 1394 г.)¹⁷⁴. Эти единичные случаи представляют для нас интерес потому, что свидетельствуют о появлении нового канала вертикальной социальной мобильности - военной службе во вспомогательных контингентах исламских завоевателей. Заметим, что от нее уклонялись традиционные военные касты Индии, рассматривая ее как предательство, поэтому «неприкасаемые» в данном случае не имели конкурентов. Значение примеров успешных карьер отдельных личностей не стоит недооценивать еще и потому, что в более поздние времена к ним апеллировали борцы с кастовой дискриминацией, как к историческим подтверждениям социально-культурной и политической полноценности представителей низших каст.

Разумеется, что все описанные выше случаи влияния мусульманского политического режима на жизнь «неприкасаемых» носят единичный и совершенно не системный характер. Гораздо более существенным позитивным аспектом в жизни низших каст стало распространение типично феодального земельного пожалования заминдара. Суть этой инновации заключалась в уменьшении роли «джаджмани» в эксплуатации низших джати и замене его в ряде аспектов непосредственным управлением сверху, что, несомненно, снижало и степень дискриминации со стороны вышестоящих общин. Поэтому в источниках по этому периоду (точнее, в тех из них, что относятся к регионам, попавшим под систему земельных пожалований) мы не встречаем более официальной практики оплаты труда

---

¹⁷⁴ Kshirasagara R.K. Dalit Movement in India and its Leaders, 1857–1956. New Delhi: M.D. Publications Pvt. Ltd., 1994. P. 32.

«неприкасаемых» испорченными продуктами питания и прочими отбросами, как это, например, предписывалось в Артхашастре¹⁷⁵.

Реакция индуистского жречества, была достаточно адекватной и выразилась в формировании нового религиозно-философского учения, сыгравшего значительную роль в позднейшем складывании движущих сил далитского движения за свои права. Речь идет о концепции «бхакти». Согласно этой доктрине представители всех каст объявлялись равными в своих правах перед лицом пантеона индуистских божеств. Особый акцент делался на игнорировании кастовых различий при отправлении культов. Тем не менее, в той части учения, которая касалась конкретной социальной практики, идеологами бхакти предписывалось следовать своей дхарме, что согласно устоявшимся представлениям о ней, как раз и соответствовало этике поведения своей джати¹⁷⁶. Таким образом, несмотря на ряд прогрессивных идей, это учение оставалось продуктом индуистской культуры, и было направлено на поддержание устойчивости ее основных институтов.

Одной из наиболее важных особенностей бхакти стало складывание сети многочисленных монастырей матх, расположенных на всей территории страны и занимавшихся просветительской и благотворительной деятельностью. Впервые за всю историю своего существования «неприкасаемые» обрели свой собственный институт образования и здравоохранения.

В целом, новая концепция послужила стимулом для далитов, мотивировавшим их на сохранение индуистской идентичности. Однако этим не было исчерпано влияние доктрины на повседневную жизнь традиционного общества. Идея равенства людей вне зависимости от их происхождения во времена исламского правления получила многочисленные

---

¹⁷⁵ Ашрафян К.З. Аграрный строй Северной Индии: XIII – середина XVIII в. М.: Наука, 1965. С. 24-31.

¹⁷⁶ Bhakti Religion in North India: Community Identity and Political Action / ed. by D.N. Lorenzen. New York: State University of New York Press, 1995. P. 105-106.

фактические подтверждения, выразившиеся в описанных выше изменениях статуса отдельных каст. Это, в свою очередь, способствовало развитию практики, так называемой «санскритизации», т.е. упорядоченных усилий, осуществляемых членами определенной джати и направленными на повышение ее статуса ¹⁷⁷. Заметим, что подобная социальная технология стала возможной еще и потому, что мусульманские элиты, обладавшие фактической властью, плохо разбирались в нюансах кастовой иерархии и зачастую смотрели на жизнь общины в утилитарном ключе. В такой ситуации некоторые касты, если им удавалось обеспечить себя необходимыми для существования продуктами, могли поменять свою хозяйственную специализацию, а вместе с ней и изменить свой статус.

В качестве примера можно привести тамильскую касту *шанаров* – «неприкасаемых», специализировавшихся на производстве пальмового масла. Будучи достаточно многочисленными, они, также как и многие другие низшие касты, с XVI в. стали делиться на новые подкасты. При этом они сумели сформировать замкнутый цикл традиционного производства, ориентированный на себя. Этому поспособствовал тот факт, что могольский император Аурангзеб подарил им значительные земельные наделы, стремясь внести определенный раскол в жизнь недавно покоренных южных индийских княжеств. Все это позволило *шанарам* в XVIII в. начать целенаправленную политику по изменению своего социального статуса. Оставив производство масла и перейдя к обработке земли (что рассматривалось в индуизме как более «чистая» деятельность), введя ритуалы частых омовений и поменяв стиль одежды на более дорогую и чистую, *шанары* сменили свое самоназвание на *надаров* и ко второй половине XIX в. стали восприниматься окружающими как «чистые» шудры ¹⁷⁸. В северном округе Кералы –

---

¹⁷⁷ Srinavas M.N. A Note on Sanscritization and Westernization // Far Eastern Quarterly, 1956. No. 15. P. 481-196; Sing V.P. Caste, class and democracy: changes in a stratification system. Delhi: Manoranjan Mohanty, 2004. P. 77-80.

¹⁷⁸ Hardgrave R.L. The Nadars of Tamilnad: The Political Culture of a Community in Change. Los Angeles: University of California Press, 1969. P. 95-100.

Траванкоре, они даже стали заниматься торговлей, и были признаны другими кастами как представители варны вайшьев¹⁷⁹. В дальнейшем каста *надаров* стала одной из тех новых социальных групп индийского общества, которые сыграли значительную роль в борьбе с дискриминацией на следующих этапах эволюции «неприкасаемых» каст.

Таким образом, период мусульманского правления в Индии сыграл ключевую роль в завершении формирования кастовой системы Индии в ее классическом виде. Применительно к «неприкасаемым» кастам это выразилось в их дроблении на множество новых джати в соответствии с хозяйственной специализацией или имущественным расслоением. Кроме того, в период исламского господства были опробованы и закреплены основные формы социальной мобильности, сводившиеся к двум важнейшим каналам деятельности: 1) внешнему, направленному на сотрудничество с новой элитой или миграцию в соседний регион и 2) внутреннему, выражавшемуся в санскритизации. Еще одной значимой чертой этого периода стало появление религиозных школ бхакти, занимавшихся образованием «неприкасаемых» и формированием их будущего интеллектуального ядра, что сыграло свою роль в складывании предпосылок вызревания движущих сил в процессе борьбы низших каст за свои права.

Заключительный, третий этап в эволюции «неприкасаемых» каст доиндустриального периода связан с английским завоеванием Индии. Принципиальное отличие колониального господства от исламского правления состояло в том, что впервые с ведических времен в Индии политическая элита и олицетворявшие ее новые социальные институты, с одной стороны, и основная масса населения, с другой, находились на стадийно разном уровне развития. Применительно к жизни низших каст это имело два основных вектора влияния: 1) экономический, заключавшийся

---

¹⁷⁹ Hardgrave R.L. The Nadars of Tamilnad: The Political Culture of a Community in Change. Los Angeles: University of California Press, 1969. P. 262-267; Templeman D. The northern Nadars of Tamil Nadu: the Indian caste in the process of change. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 270-276.

в ломке устоев традиционного хозяйства и внедрении капиталистического типа производства, 2) социокультурный, выразившийся в распространении колонизаторами норм и ценностей индивидуализма, характерного для западной цивилизации, что оказало значительное влияние на эволюцию мировоззренческих установок «неприкасаемых».

Первоначально влияние колониальных институтов на жизнь общества сводилось к неравному обмену товарами, производившемуся посредством взаимодействия Ост-Индской компании и местных, сепаратистски настроенных раджей. Последние видели в Британии источник своей экономической самостоятельности и залог успеха в противостоянии с империей Великих Моголов, а также с молодой Маратхской конфедерацией. Разумеется, что для расширения своего влияния Ост-Индской компании было жизненно необходимо поддерживать Бенгальских правителей, сотрудничавших с ней. В результате, на этом этапе англичане ничем особенным не отличались от прочих иностранных завоевателей и не вмешивались во внутреннюю жизнь индийского общества.

Кардинальные изменения стали происходить с конца XVIII – начала XIX вв. В это время британцы фактически подчинили своему влиянию Моголов, Маратхов и разгромили новое зарождавшееся государственное формирование юга Индии – княжество Майсур. В ходе этой кампании англичане столкнулись с противодействием со стороны местных кшатриев и не могли сформировать из них вспомогательные колониальные контингенты. Поэтому значительную часть новой, Мадрасской армии, составили представители «неприкасаемых», что стало для них первым примером массовой занятости в военной сфере, которая занимала привилегированное место в картине мира индуистского традиционного общества¹⁸⁰.

В ходе военных действий представители низших каст проявили себя хорошо и, к тому же их содержание обходилось англичанам значительно

---

¹⁸⁰ Mendelsohn O., Vicsiany M. *The Untouchables: Subordination, Poverty and the State in Modern India*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 88.

дешевле, чем содержание сипаев из «дважды рожденных». Это стало основанием для более широкого сотрудничества британцев с «неприкасаемыми». В начале XIX в. эта практика распространилась и на Бомбейскую армию, где появился контингент из представителей «неприкасаемой» касты *махар*¹⁸¹.

К середине XIX в. благодаря британской программе развития Индии в стране получила существенное развитие социальная инфраструктура, появились доступные для широких слоев населения школы, больницы, суды и т.д. Однако «неприкасаемые», по-прежнему, имели ограниченный доступ к инфраструктуре. Но в южной и центральной Индии, там, где базировались контингенты Бомбейской и Мадрасской армий, подобная инфраструктура стала доступной для далитов посредством развития сети военных поселений, в которых они проживали вместе со своими семьями и несли службу. «Неприкасаемые» оказались вовлечены и в работу по обслуживанию этих военных поселений в качестве врачей, учителей, юристов и администраторов, т.к. для представителей «чистых» каст предоставление подобных услуг было неприемлемым.

Таким образом, значительное количество «неприкасаемых», которым удалось попасть на английскую службу, получили доступ к образованию и в целом резко улучшили свой уровень жизни. Заметим, что известный борец за права низших каст Б.Р. Амбедкар был как раз сыном военного из Махарского контингента Бомбейской армии и получил в своем родном городке достаточно качественное образование, позволившее ему работать юристом в Англии и США.

Однако описанный выше канал эволюции «неприкасаемых» каст в период британского господства, разумеется, оставался крайне ограниченным по своему масштабу. Даже в самые лучшие времена численность Мадрасской

---

¹⁸¹ Kshirasagara R.K. *Dalit Movement in India and its Leaders, 1857–1956*. New Delhi: M.D. Publications Pvt. Ltd., 1994. P. 38.

армии не превышала 52 полков (примерно 200 000 человек вместе с семьями), что составляло ничтожную часть многомиллионной страны¹⁸².

После подавления знаменитого восстания сипаев из Бенгальской армии (1857-1859 гг.) англичане прекратили проводить политику адаптации к местным условиям и перешли к прямой ломке многих сфер индийской жизни. Так, до начала XIX в. в Бенгалии, как и на большей части центральной и северной Индии, сельские общины были административно сгруппированы в земельные пожалования заминдары, управление которыми осуществляли местные феодалы. Поскольку основное назначение этих владений состояло в обеспечении продуктами труда боеспособности местного феодального военного контингента, то практика «джаджмани» являлась наиболее оптимальным способом эксплуатации в рамках натурального производства. Однако британскую администрацию такой способ хозяйствования категорически не устраивал, т.к. не позволял достаточно эффективно разворачивать товарное производство. Поэтому в первой половине XIX в. на территории Бенгалии, затем в Уттар-Прадеше, а позднее и практически повсеместно, заминдары были превращены в частновладельческие хозяйства с отчуждаемой собственностью на землю¹⁸³. В дополнение к этому развернувшаяся сеть колониальных факторий стала активно скупать хлопковые ткани, опиум и другое сырье, необходимое для экспорта и изготавливавшееся из технических культур. Разумеется, что в скором времени в северной Индии, а позднее и на юге страны держатели заминдаров были вынуждены пойти по европейскому пути развития землевладения и начать процесс отчуждения земель от проживавших на них джати¹⁸⁴. Единственным отличием от печально известной английской

---

¹⁸² Duckers P. The British-Indian Army 1860-1914. London: Shire Publications Ltd., 2003. P. 8.

¹⁸³ Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии. Краткий очерк. М.: Наука, 1973. С. 284-288.

¹⁸⁴ Metcalf T.R. The New Cambridge History of India: Ideologies of the Raj. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 10-12, 34-35.

практики «огораживания» стало то, что местным элитам было гораздо проще сделать выбор в вопросе о том, какие из общин будут лишены земли.

Во второй половине XIX в. процесс насильственного изгнания представителей низших каст из деревень принял беспрецедентный масштаб. По некоторым данным, до конца века своих наделов или работы в качестве традиционных сельских слуг лишилось более 10 млн. человек. Подавляющее большинство из них были «неприкасаемыми»¹⁸⁵.

Британские экономисты Индийского вице-королевства полагали, что столь катастрофичных последствий удастся избежать за счет развертывания индустриального производства в городах¹⁸⁶. Однако кастовые барьеры неожиданно оказались очень серьезным препятствием на пути формирования нового социального слоя – рабочих. Ситуация осложнялась тем, что индустриальные центры производства создавались англичанами непосредственно в имевшихся индийских городах, что было совершенно логично для европейского опыта. Но в Индии структура социального пространства города была совершенно иной и полностью повторяла все особенности «джаджмани». Поэтому, желаемого смешения представителей разных каст достичь в полной степени не удалось. Фактически, в каждом индийском городе существовали четко выраженные кастовые кварталы. Основанием этому служило и наличие языкового барьера между выходцами из различных дистриктов¹⁸⁷. В результате, прибывавший из сельской местности потенциальный рабочий в принципе не мог поселиться в центральной части города, что приводило к стремительному росту пригородов.

Поскольку британцы развивали свое индустриальное производство на основе того или иного специализированного сектора традиционного

---

¹⁸⁵ Сосина Н.Н. Использование английскими колонизаторами кастовой системы // Касты в Индии. М.: Наука, 1965. С. 303.

¹⁸⁶ Tomlinsion B.R. The Economy of Modern India 1860–1970. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 5.

¹⁸⁷ Gist N.P., Wright R.D. Marginality and Identity: Anglo-Indians as a Racially-Mixed Minority in India. Leiden: E.J. Brill. Publ., 1973. P. 85.

хозяйства, то и набиравшийся ими базовый кадровый состав являлся представителем соответствующей касты¹⁸⁸. Из этого следовало, что у вновь прибывших оставалось мало шансов на получение полноценного рабочего места, т.к. их проживание в трущобах очень точно указывало на кастовую принадлежность и мотивировало квалифицированных специалистов дистанцироваться от них¹⁸⁹.

Тем не менее, массовая урбанизация, пришедшаяся на вторую половину XIX в. сыграла значительную роль в позднейших трансформациях «неприкасаемых» каст. Одним из важнейших оснований этого стала наметившаяся качественно более сложная специализация труда. Дело в том, что индийские города, в которых начало развиваться индустриальное производство, потребовали становления соответствующей инфраструктуры, в которой бы удовлетворялись совершенно новые потребности. Это, в свою очередь, приводило, с одной стороны, к углублению специализации джати и, в соответствии с логикой предыдущих исторических периодов, образованием новых каст. С другой стороны, индустриальные города требовали такого количества разнообразных специальностей, что закрепление за ними эндогамных общин физически стало невозможным¹⁹⁰. Поэтому на раннем этапе становления городской культуры западного образца мы наблюдаем процесс образования новых, глубоко специализированных каст, а позднее проявляется обратная тенденция, выразившаяся в интеграции мелких городских общин.

В качестве примера приведем развитие сети городского транспорта. Будучи традиционным занятием «неприкасаемых» структура грузопотоков подверглась дивергенции и в соответствии с этим выделились касты таксистов, стоявшие выше в социальной иерархии тех, кто перевозил

---

¹⁸⁸ Mudbirdi A.G. The Town and the Raj: Urbanization in British India. New Delhi: Reliance Publishing House / Reliance Books, 1992. P. 158.

¹⁸⁹ Sheth N.R. The Social Framework of an Indian Factory. Manchester: Manchester University Press, 1968. P. 75.

¹⁹⁰ Chauhan D.S. Trends of Urbanization in Agra. Bombay: Allied Publishers, 1966. P. 147-148.

рабочих или промышленные грузы. Однако вскоре выяснилось, что определяемая рыночными механизмами спроса конъюнктура не позволяет поддерживать в городе такое количество таксистов, чтобы они смогли сформировать полноценную эндогамную джати ¹⁹¹. Поэтому на городские профессии стал распространяться принцип приблизительно идентичной трудовой занятости в рамках одной касты и наоборот, занятости разных каст в одной специальности ¹⁹². Это послужило основанием для значительного перемешивания ранее отчужденных друг от друга далитских джати городской периферии.

Таким образом, уникальной социокультурной особенностью индийского городского социального пространства стало формальное увеличение числа каст при их фактическом сближении между собой. В результате «неприкасаемые» городские касты стали контактировать между собой гораздо интенсивнее, чем это было возможно в традиционном хозяйстве в сельской местности. Однако значительный масштаб этот процесс приобрел только к самому концу XIX в. Кроме того, высшие касты, проживавшие в городах, стали проводить целенаправленную политику консервации «джаджмани» и сохранения традиционных занятий ряда низших каст. Наиболее ярким примером этого являются бомбейские *дхоби* (прачки), чье существование в классическом виде в современной Индии обязано только сознательному отказу высших каст от некоторых бытовых удобств ¹⁹³.

Социокультурная экспансия, осуществляемая британцами как представителями западной морально-этической системы, вскоре распространилась и на правовые взаимоотношения в традиционном индийском обществе. Если проблемы межкастового взаимодействия решались кастовыми судами – панчаятами, то англичане заменили их на

---

¹⁹¹ Chakravarti U. *Gendering Caste: Through a Feminist Lens*. Calcutta: Bhakti and Sen, 2003. P. 147.

¹⁹² Alexander K.C. *Social Mobility in Kerala*. Poona: Clive Bingley, 1979. P. 16.

¹⁹³ Govind Narayan's *Mumbai: An Urban Biography from 1863*. New York: Anthem Press, 2009. P. 324.

судебные комиссии, которые принимали решения исходя из общих положений британского законодательства ¹⁹⁴. Панчаяты остались лишь как форма правовой внутрикастовой самоорганизации ¹⁹⁵. В результате такой реформы англичане поставили под сомнение традиционные интерпретации социального статуса конкретных джати. Вкупе с развитием капиталистических отношений это привело к изменению понимания социальных позиций джати и их самосознания. В начале XX в. в ряде регионов «неприкасаемые» общины, занимавшиеся экономически выгодной деятельностью, стали стремительно подниматься в социальной иерархии в глазах соседей и избавляться от дискриминации с их стороны ¹⁹⁶. Фактически, англичане превратили зародившуюся еще в исламский период практику «санскритизации» в массовое и юридически подкрепленное явление.

Расшатывание традиционных правовых норм кастовой системы сопровождалось широким развертыванием христианской миссионерской деятельности. Кроме того, в рамках индуизма особую популярность приобретали учения, ориентированные на преодоление межкастовых барьеров, такие, например, как бхакти, развернувшее целую сеть монастырей и оказывавшее существенное влияние на общественную жизнь южной Индии. Все это способствовало устойчивому взаимодействию между нарождающейся интеллигенцией из среды «неприкасаемых» и британской колониальной администрацией. В результате, у низших каст начался процесс

---

¹⁹⁴ Madan G.R. *Indian Social Problems*. Vol. II. Bombay: Pandit Madan, 1967. P. 68.

¹⁹⁵ Singhal C.S. *Devolutions of Power, Functions and Finances on Panchayati Raj Institutions in Maharashtra // Dynamics of New Panchayati Raj System in India*. New Delhi: Concept Publishing Company, 2002. P. 83-97.

¹⁹⁶ См. например: Bailey F.G. *Caste and the Economic Frontier. A Village in Highland Orissa*. Manchester: Manchester University Press, 1957. P. 146; Bailey, F. G. *Closed Stratification in India // European Journal of Sociology*, 1963. No. 4. P. 107-124; Patterson M.L. *Chitpavan Brahman Family Stories: Sources for Study of Social Structure and Social Change in Maharashtra // Structure and Change of Indian Society*. Chicago: Aldine Pub. Co., 2007. P. 322; Srinivas M.N. *Social Change in Modern India*. Berkeley: University of California Press, 1966. P. 97.

формирования интеллектуального ядра, свидетельствовавшего о появлении нового самостоятельного социального субъекта ¹⁹⁷.

Подводя итоги анализу механизмов эволюции «неприкасаемых» каст в рамках традиционной системы отношений, необходимо остановиться на сделанных выводах.

1. Эволюция «неприкасаемых» каст в рамках господства традиционного общества не была однородным процессом, и мы можем выделить в ней ряд этапов, для каждого из которых были характерны свои специфические механизмы социального диалога «неприкасаемых» с остальной частью общества. Эти этапы мы обозначаем по преобладающему типу социокультурного доминирования на территории Индостана: 1) индуистский, 2) исламский и 3) колониальный.
2. Индуистский этап характеризовался эволюцией «неприкасаемых», происходящей в рамках перехода от аморфной маргинальной общности к структурированным кастам. Ключевой социальной технологией, позволившей им успешно трансформироваться в высокоспециализированные общины, стало подражание вышестоящим кастам в таких аспектах как: корпоративная солидарность, появление обряда инициации, распространение практики «джаджмани» во взаимодействии с другими «неприкасаемыми» джати и т.п.
3. Исламский период пришелся на время становления кастовой системы в классических, наиболее развитых формах. В основе межкастового диалога на данном этапе лежала, с одной стороны, консервация социокультурной архаики, с другой – продолжение процесса дробления каст и выделения новых общин, взаимодействие между которыми требовало усложнения социальных связей. В исламский период появились и новые формы положительной социальной мобильности

---

¹⁹⁷ Lynch O.M. The Politics of Untouchability: A Case from Agra // Structure and Change of Indian Society. Chicago: Aldine Pub. Co., 2007. P. 209.

«неприкасаемых» – институт отшельников-саньяси, повышение статуса касты при изменении политической конъюнктуры, миграция и ранние формы «санскритизации».

4. Последний этап господства традиционных общественных отношений в Индии пришелся на период британского колониального правления. Последнее стало мощным вызовом для кастовой системы в целом, т.к. в результате взаимодействия цивилизаций начался процесс ломки традиционных форм хозяйствования, социального диалога, социально-правовых практик. Урбанизация и индустриализация привели к становлению активно коммуницирующей городской культуры западного типа, в которой затруднялось соблюдение кастовых барьеров. В результате, был создан ряд объективных предпосылок для эмансипации «неприкасаемых». Особенно ярко эти тенденции нашли отражение в расширении практики «санскритизации» и изменении самосознания низших каст, вовлеченных в сферу колониальных отношений.

Глава II. «Зарегистрированные» касты и племена в контексте комплексной модернизации Индии (вторая половина XIX – начало XXI вв.)

Вторая глава данной работы посвящена анализу социокультурного бытия «неприкасаемых» каст в условиях стремительной модернизации, осуществлявшейся в Индии на протяжении XX в. Изложение материала акцентировано на исследовании ряда вопросов. Во-первых, это формирование социальных элит у далитов, как начало модернизации и социокультурного саморазвития. Появление лидеров общественно-политических движений стало ключевым условием поиска оригинальных моделей идентичности и трансформации архаичных замкнутых «неприкасаемых» каст в качественно новое социальное пространство. Во-вторых, в данной главе рассматривается деятельность далитских элит, направленная на построение межкастового диалога и комплексную эмансипацию маргинальных сообществ в независимой Индии. В-третьих, на примере трех наиболее характерных штатов нами представлен детальный обзор основных далитских каст, их численности, происхождения, культурных особенностей, экономического и политического развития. На основании этого анализа делаются выводы о типичных и специфичных качествах современных «неприкасаемых». В-четвертых, глава завершается характеристикой актуальных на начало XXI в. тенденций в культурном и общественном развитии далитов. Представлены возможные сценарии дальнейшего развития этих этнокастовых сообществ в ближней и среднесрочной перспективе.

2.1. Формирование социальных элит неприкасаемых сообществ как способ их модернизации и социокультурной интеграции во второй половине XIX – первой половине XX вв.

Одним из ключевых факторов, указывающих на становление социальной элиты, является появление у рассматриваемой группы интеллектуалов, происходящих из ее среды. Эволюция «неприкасаемых» этнокастовых сообществ не стала исключением. Первые признанные представители низших каст появились еще в глубокой древности. Единственным каналом их социального самоутверждения служил институт «саньяси» или отшельников, посвятивших свою жизнь нравственному и интеллектуальному саморазвитию.

С 1860-х гг., т.е. с установления англичанами прямого административного управления Индией, ситуация начинает меняться. Начиная с этого периода, мы встречаем среди далитов первых настоящих политических лидеров, которые сознательно отказались от индивидуальной или локальной «санскритизации», и стали призывать к уничтожению кастовой дискриминации как таковой в масштабах всей страны.

Выше мы уже говорили о многочисленных переменах в социальной жизни Индии, которые принесли с собой британцы. Одним из важнейших следствий этих трансформаций стало изменение самосознания множества различных социальных групп страны. Развитие собственной образовательной системы и ослабление традиционных социально-экономических связей вкуче с упадком системы «джаджмани» в аграрных отношениях привело к поиску «неприкасаемыми» нового места в меняющейся действительности. Разумеется, что большинство низших каст продолжали оставаться связанными системой производственных отношений, контролируемых идеологией индуизма. По этой причине их самые первые лидеры начинали свою деятельность в рамках института «саньяси», но, расшатывая изнутри кастовую доктрину индуизма, переориентировали интеллектуальные усилия

своих последователей от сферы индивидуальных духовных исканий к практической деятельности, направленной на трансформацию социокультурных реалий и преодолению кастовой архаики.

Дальнейшее рассмотрение генезиса элитарных групп у «неприкасаемых» тесно связано с конкретными историческими личностями. Поскольку процесс формирования социальной элиты у далитов не носил массового характера и на первых этапах выступал в качестве локальной специфики социального развития отдельных каст, то нам представляется логичным обратиться к анализу биографий конкретных лидеров «неприкасаемых». Попробуем соотнести деятельность отдельных поколений исторических фигур с характерными этапами развития «неприкасаемых» каст.

Как уже было сказано выше, на протяжении длительного периода существования традиционного общества основной формой преодоления дискриминации у низших каст оставался принцип ухода отдельных представителей определенного рода в отшельники, реализовывавшийся на протяжении многих поколений. В результате в рамках локальной кастовой структуры изменялись представления об иерархическом статусе и культурной зрелости остальных членов данного рода. Однако, как уже было сказано выше, подобные изменения не оказывали существенного влияния на социальную среду, в которой проживал данный род. Определенные изменения стали происходить только во второй половине XIX в. и связаны они были, прежде всего, с поиском новых религиозно-идеологических оснований для конструирования социальной реальности.

Наиболее показательными примерами подобной траектории формирования социокультурной элиты «неприкасаемых» является семья Такуров. Первые достоверные упоминания о ней восходят примерно к XV в., когда мужчины Такуры становились отшельниками, т.е. прибегали к практике «саньяси», что выделило их среди прочих *намасудр*. К началу XIX в. эта семья рассматривалась *чандалами* и представителями других каст,

проживавших в данной местности, как носящая на себе благословение свыше, и потому обращаться к ним за духовным советом не считалось зазорным и для членов вышестоящих джати ¹⁹⁸. Таким образом, для данной семьи, а возможно и для готры в целом, созрели необходимые предпосылки для проведения в жизнь «санскритизации». При изучении биографий лидеров борьбы за права «неприкасаемых», происходивших из этой семьи, мы встречаем явные намеки на то, что в конце XVIII в. были сделаны робкие попытки вывести происхождение *намасудр* от того рода *чандалов*, из которого происходил легендарный правитель древности Чандрагупта. Это прямое указание на классическую прелюдию начала процесса «санскритизации» ¹⁹⁹.

Во второй половине XIX в. этот род изменил основной вектор своей социальной деятельности. Очередной патриарх семьи, Шри Харичанд Такур (1811-1879) организовал свою собственную секту, что, в принципе, не противоречило логике развития, так называемого народного индуизма. Однако вскоре стало очевидно, что ключевой идеей новообразованной секты Матуа становится не духовное самосовершенствование, а прямая критика ортодоксального индуизма. Среди важнейших положений сформированной Харичандом идеологической программы было указание на тот факт, что в ранней религиозной ведической литературе нет никакого описания кастовой системы с ее жесткой дискриминацией ²⁰⁰.

Еще одним примером переориентации далитских интеллектуалов от отшельничества к публичной деятельности является жизнь Фатуджи Бапуджи Шенде (1880 – 1922), выходца из касты *махар*. Будучи «саньяси» он долгое время практиковал индивидуальную благотворительность, но, заручившись поддержкой некоторых местных брахманов, сумел в 1904 г.

---

¹⁹⁸ Bandyopadhyay S. *Caste, culture and hegemony: social domination in colonial Bengal*. New Delhi: Sage Publications Ltd, 2004. P. 94-95.

¹⁹⁹ Bose N.K. *The Structure of Hindu society*. New Delhi: Orient Longman Ltd, 1994. P. 161-162.

²⁰⁰ Zachariah K., Ray R.K. *Mind, body and society: life and mentality in colonial Bengal*. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 189-192.

открыть в Нагпуре две средние школы для мальчиков и девочек из «неприкасаемых» каст. Это событие заслуживает более пристального, чем кажется на первый взгляд, внимания в силу двух причин. Во-первых, он стал одним из первых духовных лидеров далитов, сумевших наладить позитивный межкастовый диалог. Более того, его идеи нашли понимание у местной брахманской элиты, выступавшей гарантом консервативного уклада, что с одной стороны обеспечило полнейшую легитимность в глазах панчаята, а с другой стороны, позволило избежать конфликтных ситуаций и сделать первые же начинания максимально успешными. Во-вторых, обращает на себя внимание то, что открытые им школы были свободны для всеобщего посещения. Разумеется, что в них не отдавали своих детей представители «чистых» каст, но молодые поколения «неприкасаемых» Нагпура учились в них социальному диалогу и преодолению кастовых барьеров между собой. Напомним, что социальное отчуждение между далитскими джати было не менее мощным, чем между ними и даже «грязными» шудрами²⁰¹.

Завершая рассмотрение биографий первого поколения далитских интеллектуальных лидеров, необходимо остановиться на Джотирао Фуле (1827 – 1890). Сразу оговоримся, что семья Фуле не принадлежала к «неприкасаемым», а была из касты *мали*, относившейся к «чистым шудрам» и испытавшей на себе одну из последних волн кастовой маргинализации. В результате англо-майсурских войн большинство составлявших ее общин были вынуждены сменить место жительства и, как следствие, претерпели существенную маргинализацию, понизив свой статус до «неприкасаемых»²⁰². Однако значительный интеллектуальный и культурный потенциал, накопленный кастой, выразился в появлении ее активных представителей, которые были не согласны с дискриминацией, накладывавшейся на них нормами кастовой системы. Так, Джотирао Фуле в 1848 г., когда ему было

---

²⁰¹ Kshirsagar K.R. *Dalit Movement in India and its Leaders*. New Delhi: M.D. Publications, 1994. P. 128.

²⁰² Pandey A. *South Asia: Polity, Literacy and Conflict Resolution*. Delhi: Isha Books, 2005. P. 160.

отказано в браке, переехал со своей невестой в Бомбей, где благодаря образованию, полученному в католической школе, смог устроиться на хорошо оплачиваемую работу в местную либеральную газету²⁰³. Так Джотирао и его жена Савитрибаи личным примером продемонстрировали, что грамотность способна стать социальным лифтом для представителей «низших каст» мигрировавших в крупный город. Примерно с 1854 г. они, пользуясь поддержкой христианских миссий, начали создавать сеть школ, в том числе и для девочек, что было несомненным новаторством в индийской социальной практике. Особую поддержку британской администрации семья Фуле получила после сипайского восстания, когда Джотирао своими выступлениями перед солдатами Бомбейской армии фактически предотвратил возникновение мятежа в городе²⁰⁴.

С 1873 г. начался новый этап в деятельности Фуле. Ими была создана группа Сатъя Шодак Самай, которая позиционировалась как социально-политическое движение низов Махараштры²⁰⁵. Однако Джотирао побоялся переходить к открытой борьбе за права «грязных» шудр и «неприкасаемых», поскольку понимал, что это вызовет волну насилия и масштабный гражданский конфликт²⁰⁶. Поэтому основной сферой его деятельности стало налаживание социального диалога активной части «неприкасаемых», мигрировавших из традиционных сельских общин в города и либерально настроенными представителями компрадорских элит Махараштры, а также интенсификация совместной деятельности, выходящей за нормы «джаджмани», между представителями различных низших каст²⁰⁷.

---

²⁰³ About Mahatma Phule // Mahatma Phule Official website. [Режим доступа]: <http://www.mahatmaphule.com/aboutmahatma.html>

²⁰⁴ O'Hanlon R. Caste, Conflict and Ideology: Mahatma Jotirao Phule and low caste protest in nineteenth-century western India. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 54-57.

²⁰⁵ O'Hanlon R. Caste, Conflict and Ideology: Mahatma Jotirao Phule and low caste protest in nineteenth-century western India. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 220-222.

²⁰⁶ Shah G. Caste and Democratic Politics in India. Delhi: Permanent Black, 2003. P. 16.

²⁰⁷ Ganguly D. Caste, Colonialism and Counter-Modernity: Notes on a postcolonial hermeneutics of caste. New York: Taylor & Francis Group, 2005. P. 148-149.

К моменту своей смерти в 1890 г. Джотирао Фуле удалось сделать очень многое в деле борьбы индийских низов за свои права. Во-первых, он, как и многие другие лидеры его поколения, создал обширную сеть школ для представителей низших каст. Во-вторых, благодаря работе в либеральной прессе «неприкасаемые» получили доступ к средствам массовой информации (хотя и достаточно ограниченный на этом этапе). Но самое главное достижение Джотирао Фуле заключалось в разработке новой методологии борьбы – ненасильственном давлении, оказываемом посредством апелляции к мнению широких слоев страны. Разумеется, что этот способ борьбы заключал в себе существенный минус – крайне длительные сроки от момента декларации того или иного положения до политического признания его легитимности. Однако в условиях многонациональной и многоукладной страны, каковой являлась Индия, это было, пожалуй, наиболее оптимальным решением, т.к. позволяло прочно закреплять в социально-политической практике каждую полученную со стороны элит уступку. Эффективность такого подхода была по достоинству оценена практически всеми следующими лидерами далитов и стала основой их метода борьбы с кастовой дискриминацией на протяжении всего XX в. Сам же Джотирао удостоился титула «махатма», что в дословном переводе означает «сильный душой», а в теософском прочтении ряда направлений индуизма трактуется как земное воплощение очередного перерождения бога Вишну.

В рамках рассматриваемого периода особый интерес представляет биография лидера тамильских «неприкасаемых» Ииоти Тасса или, как привыкли его именовать индуисты на хинди, Пандит Айодхья Даса (1845 – 1914). Несмотря на то, что готра Дасы относилась к касте *париев*, уже в течение нескольких поколений мужчины этой семьи служили в британской администрации, выполняя секретарскую работу. Разумеется, владение письмом открывало для них широкие перспективы ²⁰⁸. Айодхья Даса примечателен тем, что стал одним из первых далитов, получивших

---

²⁰⁸ Guha R. Makers of Modern India. Cambridge: Harvard University Press, 2011. P. 13.

хорошее, притом светское образование. Он начал изучать историю не в контексте официальной индуистски ориентированной историографии, а соблюдая принцип историзма и герменевтического прочтения текстов. Вскоре он пришел к выводу, что ряд специфических черт, таких как многомужество, культ домашнего очага и пр. у племен Toda и некоторых других, указывает на то, что они продолжают оставаться носителями архаичного и законсервированного матриархата ²⁰⁹. Это приводило к логичной мысли о насильственном распространении кастовой системы арийскими завоевателями, что имело далеко идущие последствия для идеологического обоснования искусственности кастовой системы на территории Южной Индии.

В 1876 г. Айодхья Даса создал организацию Адваидананда Сабха, которая ставила своей целью изучение прошлого тамильского народа и сохранение его этнокультурной идентичности ²¹⁰. В 1886 г. в результате исследований, произведенных членами этой группы, было официально декларировано, что исторические свидетельства указывают на внедрение кастовой системы в Тамилнаде извне, в качестве наказания со стороны центральной власти за поддержку буддизма и тесные контакты со Шри-Ланкой ²¹¹. Следовательно, «неприкасаемые» джати штата ведут свое происхождение от местных военных и религиозных элит, разгромленных завоевателями. После такого вывода цели общества трансформировались, и на смену чисто исследовательскому движению пришло политическое объединение Дравида Махаджан Сабха ²¹². Последнее уже с 1890-х гг. приступило к практической борьбе за права далитов. Так, в 1898 г. оно

---

²⁰⁹ Emeneau M.B. A Century of Toda Studies: Review of the Toda of South India // Journal of American Oriental Society, 1988. No. 108. P. 605-609.

²¹⁰ Mukhopadhyaya A. Roots: Genesis of Socio-economic Development of Modern India. New Delhi: Voluntary Health Association of India, 2002. P. 75.

²¹¹ Kita V. Towards a non-Brahmin Millenium: From Iyotee Thass to Periyar. Delhi: Samya, 1998. P. 64-69.

²¹² См. например: Jaffrelot C. India's Silent Revolution: The Rise of the Lower Castes in North India. London: C. Hurst & Co. Ltd., 2003. P. 169; Pandey A. South Asia: Polity, Literacy and Conflict Resolution. Delhi: Isha Books, 2005. P. 169-170.

обратилось с просьбой, суть которой состояла в том, что врачи, являясь представителями высших каст, не оказывали медицинскую помощь «неприкасаемым». В 1899 г. правительство штата удовлетворило это прошение, что стало первой политической победой далитов²¹³.

В том же 1898 г. Айодхья Даса установил сотрудничество с буддистскими общинами Шри-Ланки и начал кампанию по переходу далитов в буддизм. С этого времени Южная Индия начала опутываться сетью буддистских общин, которые стали приобретать все большее влияние²¹⁴. Заметим, что индуистские элиты вяло реагировали на распространение буддизма, т.к. рассчитывали на ассимилирующую мощь кастовой системы и полагали, что с течением времени отдельные общины буддистов полностью уподобятся кастам. Однако сохранению равноправных отношений между буддистами способствовало то объективное обстоятельство, что в конце XIX в. уровень развития коммуникаций и капиталистический принцип организации производства не допустили характерной для индуистского «дждаджмани» степени отчуждения отдельных джати.

При анализе причин лояльности южноиндийских элит распространению пробуддистских настроений нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что в 1892 г. из некогда единой дравидской политической партии Махаджан Сабха выделилась националистически ориентированная группа Казагхам, которая приняла курс на сближение с высшими кастами с целью формирования единого сепаратистского фронта. В 1895 г. эту группу включили в состав Мадраасской национальной партии, что отражало встречную тенденцию местных элит к сплочению населения штата перед лицом политических конкурентов в Индийском Национальном Конгрессе²¹⁵.

---

²¹³ Basu R.S. Nandanar's children: the Pariyans' tryst with destiny, Tamil Nadu 1850 – 1956. New Delhi: SAGE Publications Ltd., 2011. P. 287.

²¹⁴ Sadangi H. C. Delhi: Isha Books, 2008. P. 100-101.

²¹⁵ Dalmia V., Sadana R. Cambridge Companion to Modern Indian Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 84-85.

Тем не менее, центристское ядро дравидской далитской организации старалось избегать сепаратистского уклона и всячески демонстрировало свою лояльность центральным индийским элитам, за что подвергалось критике со стороны тамильских сепаратистов²¹⁶. В частности, сводный брат Айодхья Дасы, Реттамалаи Шринивасан установил тесные дружеские отношения с Махатмой Ганди во время их совместной адвокатской практики в Южной Африке²¹⁷. Такая лояльность властям позволила позднее легитимировать ряд общеиндийских конференций «неприкасаемых», которые послужили основой для интеграции в единое политическое движение с общими целями, задачами и методами борьбы.

Деятельность Айодхья Дасы является ярким свидетельством успешного генезиса социальной элиты основанного на: 1) высоком базовом уровне образования, 2) изучении этнокультурных традиций и укреплении локальной идентичности и 3) гибком политическом лавировании между местными сепаратистски настроенными элитами и представителями высших каст Центральной Индии. Интересной представляется и первая робкая попытка эмансипировать далитов посредством ломки социокультурных и экономических связей, пронизывающих социальное пространство штата. Примечательно, что при этом Айодхья Даса сделал ставку на поиск альтернативных моделей идентичности (буддизм) при одновременном базировании на более глубоком уровне социального самосознания, основанном на реконструкции исторической памяти местной архаической культуры.

Таким образом, мы видим, что для первого поколения социальной элиты «неприкасаемых», чья активная деятельность пришлась на вторую половину XIX в., была характерна активная деятельность, имевшая в своем основании сочетание нескольких объективных тенденций. В случае с

---

²¹⁶ Nigam A. Secularism, Modernity, Nation: An Epistemology of the Dalit Critique // Economic and Political Weekly, 2000. Vol. 35, No. 48. P. 2268-2272.

²¹⁷ Gandhi R. Gandhi: The man, His People, and the Empire. New Delhi: Penguin Books India, 2007. P. 349.

представителями классических, давно сложившихся «неприкасаемых» каст, вектор элитарного генезиса шел от практики «саньяси» через становление неортодоксальных религиозных сект к активной социально-ориентированной деятельности, направленной на развитие системы доступного образования и благотворительных организаций. Однако если каста была недавно понижена в статусе вследствие маргинализации, то появление в ее среде общественного деятеля обуславливалось базовым культурным капиталом, накопленным за предыдущий период ее существования. В таком случае условиями успешного элитарного генезиса становилась возможность интегрироваться в конструируемое британцами культурное и экономическое пространство.

В целом, первый период генезиса социальных элит «неприкасаемых» показал, что основные векторы эволюции в этом направлении оказались связаны либо с социокультурной модернизацией – поиском новой идеологии, ставящей под сомнение социальные нормы индуизма, либо с ломкой традиционных хозяйственных связей через урбанизацию и повышение уровня образования.

Следующий этап, связанный с деятельностью второго поколения далитских лидеров, пришелся на начало XX в. и содержал в себе ряд новаций, обусловленных развертыванием процесса модернизации страны. Ключевой особенностью этого периода стало формирование отдельными локальными элитарными далитскими группами единого активно коммуницирующего пространства, способного стать субъективным фактором социальной эволюции страны.

Начиная с первого десятилетия XX в. движение «неприкасаемых» за свои права стало распространяться на северные штаты страны. Ранее модернизация «неприкасаемых» каст осуществлялась преимущественно в периферийных штатах, таких как Керала, Тамилнад и Махараштра. Это было обусловлено этнокультурной спецификой местных низших каст, существенно отличавшихся от населения Центральной и Северной Индии. Поэтому борьба с кастовой дискриминацией в этих регионах воспринималась

как элемент более широкого сепаратистского движения. Однако с начала XX в. процесс становления социальной субъектности далитов перерастает рамки локального сепаратизма и получает распространение даже в традиционно индуистских штатах.

Отражением новой тенденции в эмансипации далитов на всем пространстве Индии стала деятельность Бхагия Редди Вармы (1888 – 1940 гг.). Он происходил из хайдерабадской «неприкасаемой» касты *мала*, специализировавшейся на батрацком труде ²¹⁸. Однако, получив, как и большинство других лидеров далитов, приличное образование в местной христианской миссии, обладал достаточным интеллектуальным потенциалом для формирования политической организации «неприкасаемых» Хайдерабада.

Кроме этого, чисто субъективного фактора, успех деятельности Вармы был обусловлен еще и спецификой региональной кастовой структуры. Несмотря на то, что Хайдерабад относился к Центральной Индии, в которой кастовые барьеры и дискриминация были жестче, местные «неприкасаемые» имели определенный потенциал к консолидации. Две основные джати региона были представлены *мадигами* и *мала*. Обе эти группы имели ярко выраженную общность происхождения от племенного союза горцев Декана, которые были покорены индуистскими раджами только в XII в. и сохранили массу оригинальных традиций и, что самое главное, историческую память о своем «ином» социальном статусе ²¹⁹. Коммуникация между «неприкасаемыми» кастами Хайдерабада сохранялась на протяжении всей их истории, хотя между ними и действовали эндогамные барьеры. Тем не менее, когда в 1906 г. Редди Варма начал свою кампанию борьбы с практикой

---

²¹⁸ Pandey A. South Asia: Polity, Literacy and Conflict Resolution. Delhi: Isha Books, 2005. P. 169.

²¹⁹ Audinarayana N. Socio-Cultural Dimensions of Marriage in Rural India. New Delhi: Mittal Publications, 1990. P. 45.

девадаси, то его поддержали представители обеих джати²²⁰. Местным панчаятам пришлось пойти на уступку, учитывая аналогичную критику со стороны британских властей, и сделать такое занятие женщин сугубо добровольным²²¹.

В 1911 г. для решения многочисленных социальных проблем Б.Р. Варма создал Общеиндийскую Лигу Социальной Поддержки. Первоначально она позиционировалась исключительно как общественная организация, однако вскоре стала затрагивать проблемы социально-политического характера. Поэтому уже в следующем, 1912 г., на базе этой организации была проведена региональная конференция, к участию в которой привлекались лидеры всех низших каст Хайдерабада²²². Регулярные встречи привели к появлению нового для кастовой системы Индии феномена – устойчивого взаимодействия «неприкасаемых» каст, чьи контакты жестко регулировались в рамках традиционной модели «джаджмани». Вскоре эти связи получили политическое оформление в виде партии Ади-Андхра Махаджан Сабха²²³.

Примечательно, что в ее названии мы встречаем слово «Андхра», т.е. местное дравидское название этой части региона, будущего штата Андхра-Прадеш, а не индуистское наименование по главному городу региона – Хайдерабаду, т.е. налицо политическая и социокультурная модернизация, основанная на поиске архаичной, «первичной» идентичности. Практическим результатом борьбы за признание новой идентичности стало законодательное закрепление официального наименования низших каст в делопроизводстве штата. Теперь они стали называться не «грязными», как ранее, а «коренными», что указывало на их автохтонное дравидийское происхождение и одновременно претендовало на наличие у них

---

²²⁰ Satyanarayana K., Tharu S. Steel Nibs are sprouting: New Dalit Writing from South India. New Delhi: Harper Collins Publishers India, 2009. P. 544-545.

²²¹ Verma R.B., Verma H.S., Hasnain V. The Indian State and the Women's Problematic: Running with the Hare and Hunting with Hounds. New Delhi: Serial Publications, 2008. P. 286.

²²² Madan G.R. Indian Social Problems. Vol. 2. Mumbai: Allied Publishers Pvt. Ltd., 2002. P. 76.

²²³ Das K.C. Indian Dalits: Voices, Visions and Politics. Delhi: Global Vision Publishing House, 2004. P. 16.

значительной степени легитимности в вопросах саморегуляции социального устройства своих общин. Но несмотря на такое позиционирование этнокультурного фактора, Варма не разделял взглядов других далитских лидеров в вопросе развития сети школ для «неприкасаемых». Он считал, что такое образование ровным счетом ничего не дает, т.к. решает только одну из проблем воспроизводства человека, а именно – интеллектуальное развитие личности. При этом кастовая замкнутость школ, отсутствие в них пространства для диалога с вышестоящими джати, фактически означало сохранение прежних межкастовых барьеров. Кроме того, оставалось спорным и качество такого образования. Разумеется, по сравнению с тем уровнем, на котором находились далиты начала XIX в., разница была колоссальной. Варма отмечал, что классы из 10-15 человек самых разных возрастов и один – два учителя, которые преподают им все курсы от математики до литературы, создают лишь поверхностную картину мира. Обучение в такой школе позволяло только составить себе представление о том, что такое образование²²⁴.

Таким образом, деятельность Б.Р. Вармы представляет собой яркий пример успешной модернизации далитов и выделения у них признанных обществом элитарных групп на основе реконструкции исторической памяти и идентичности автохтонных групп населения.

Вслед за Хайдерабадом движение «неприкасаемых», борющихся за свои права, стало распространяться далее на север. Настоящим прорывом линии индуистского этнокультурного ареала стала модернизация социальной, культурной и политической сторон жизни далитов Пенджаба. Как уже упоминалось выше, варно-кастовая система, выходя корнями из этого региона, насчитывает там уже многотысячелетнюю историю. С точки зрения формирования общественных движений это объективно создавало мощный культурно-психологический барьер на пути создания подобных объединений. Психология низших каст Пенджаба всегда отличалась высокой

---

²²⁴ Bharathi T. A History of Telugu Dalit Literature. Delhi: Kalpaz Publications, 2008. P. 54.

степенью лояльности высшим кастам. Кроме того, «неприкасаемые» джати региона за редкими исключениями не обладали никакой исторической памятью о собственной культуре или социальном статусе. Тем не менее, выходцу из касты *чамаров* Мангу Раму удалось переломить эту ситуацию и создать мощное общественно-политическое движение «неприкасаемых».

Сам Мангу Рам был почитаемым «саньяси» и потому обладал несомненным влиянием на духовную жизнь своего округа. Как и многие другие отшельники, он создал собственную секту. Однако эта секта существенно отличалась от своих многочисленных аналогов. В основе идеологии его духовного движения лежала критика официального индуизма, характеризовавшаяся следующей логикой. Мангу Рам в процессе своих размышлений обнаружил, что в индуизме, как в религии встречаются две противоречащие друг другу тенденции. Одна из них лежит исключительно в духовной плоскости, другая – в социальной. Экзистенциальная составляющая индуизма глубоко гуманна и действительно позволяет решать верующему человеку ряд сложных мировоззренческих проблем. В то же время, социальная составляющая носит ярко выраженный элитарный характер и легитимирует жесточайшие формы эксплуатации низов и их дискриминацию. Из этого противоречия Мангу Рам сделал вывод, что вторая тенденция является более поздней и отвечает на вопросы совершенно не религиозного характера. Зная, хотя бы в общих чертах, историю индоарийского завоевания, «саньяси» заключил, что социальная составляющая индуизма является «вставкой» в первоначальный религиозный конструкт, который носил автохтонный характер²²⁵. Развертывая эту логику далее, Мангу Рам в своих проповедях стал утверждать, что низшие касты Индии являются потомками доарийского населения, обладавшего хорошо развитой культурой, чью религию позаимствовали и извратили завоеватели,

---

²²⁵ Leslia J. Authority and Meaning in Indian Religions: Hinduism and the case of Valmiki. Bodmin: MPG Books Ltd., 2003. P. 58.

составившие высшие касты ²²⁶. Принципиальным значением таких умозаключений стало, конечно, не изучение теории завоевания и без того известной в Индии, а вывод о культурном преобладании низших каст и о необходимости возрождения их истинной религии.

Практическим следствием общественной пропаганды стало создание в 1926 г. нового религиозно-политического объединения «неприкасаемых» Ад Дхарм Мандал. В рамках этой организации Раму удалось добиться сотрудничества таких крупных «неприкасаемых» каст Пенджаба, как *чамары, чурхи, саинсисы, вхангры и бхилы*. Вскоре для углубления взаимодействия между этими джати было сформировано единое морально-этическое предписание, которым должны были руководствоваться члены этих социальных групп. Оно включало следующие положения: 1) **отказаться** от дискриминации в отношении любой другой джати; 2) **относиться** к своим кастовым предписаниям как к этическому кодексу той или иной профессии, т.е. не распространять указанные в них нормы на все другие сферы жизни; 3) **перестать** поклоняться локальным индуистским божествам, поменяв их на единого бога; 4) **рассматривать** в качестве духовных лидеров не отдельную касту, а отшельников, посвящающих духовным поискам всю свою жизнь. Как видим, Мангу Рам не просто боролся за права далитов своего региона, он стремился сплотить низшие касты Пенджаба и сконструировать из них некое новое устойчиво функционирующее сообщество. Очевидно, что большое влияние на его концепцию социального устройства оказали сикхи, т.к. многие из положений его движения являются прямыми заимствованиями из их общественного устройства ²²⁷.

В целом эволюция движения, созданного Мангу Рамом, во многом напоминает развитие аналогичных общественных организаций, но

---

²²⁶ Pandey G. Routine Violence: Nations, Fragments and Histories. Stanford: Stanford University Press, 2006. P. 162.

²²⁷ Das K.C. Global Encyclopedia of West India Dalit's Ethnography. New Delhi: Global Vision Publishing House, 2008. P. 4; Rawat R.S. Reconsidering Untouchability: Chamars and Dalit History in North India. Indianapolis: Indiana University Press, 2011. P. 157-160; Thakar O.K. Sikh Identity: An Exploration of Groups among Sikhs. Bodmin: MPG Books Ltd., 2005. P. 121.

заслуживает особого внимания, поскольку оно стало первым в северной Индии и оказало значительное влияние на рост далитского самосознания в соседних с Пенджабом штатах.

Среди нового поколения далитских лидеров, чья активная деятельность пришлось на первую половину XX в., наиболее выдающуюся роль в борьбе с кастовой дискриминацией суждено было сыграть Б.Р. Амбедкару (1891-1956 гг.) – видному общественному и политическому деятелю, одному из авторов Конституции Индии и первому исследователю проблемы «неприкасаемых», чьи исторические сочинения стали основой для отдельного направления в историографии рассматриваемой нами проблемы.

Бхимрао Рамджи Амбедкар происходил из семьи потомственных военных. Примечательным фактом, характеризующим его стартовые социокультурные позиции является приличный уровень школьного образования ²²⁸. Позднее он закончил Бомбейский университет и начал собственную юридическую практику. С 1913 по 1917 гг. в числе наиболее успешных выпускников прошел стажировку в Колумбийском университете США, где обратил на себя внимание докладом «Касты в Индии. Механизмы возникновения и развития» ²²⁹. В 1918 г. он получил должность профессора политической экономики в Бомбейском Сиденхемском колледже и начал активную политическую деятельность за права далитов.

С 1918 г. Б.Р. Амбедкар принял участие в работе британской комиссии барона Саусборо, занимавшейся подготовкой реформирования колониального управления и внедрением национального представительства в администрацию Индии ²³⁰. Его предложения не были приняты, но ему удалось собрать вокруг себя достаточно многочисленную команду сторонников из числа нарождавшейся городской интеллигенции из числа

---

²²⁸ Keer D. Dr. Ambedkar: Life and Mission. Mumbai: Popular Prakashan Pvt. Ltd., 1990. P. 8.

²²⁹ Ambedkar B.R. Waiting for a Visa // on the site of Columbia University [Режим доступа]: http://www.columbia.edu/itc/mealac/pritchett/00ambedkar/txt_ambedkar_waiting.html

²³⁰ Papers relating to the application of the principle of diarchy to the government of India: to which are appended the report of the Joint select committee and the Government of India act, 1919. Oxford: Clarendon press, 1920. P. 113–145.

урбанизированных низших каст. Одновременно были установлены связи с представителями британской политической элиты. Идеи социокультурной модернизации Индии нашли понимание у некоторых представителей индуистской элиты, в частности у махараджи Колхапура Шаху IV, что сыграло значительную роль в общественном признании далитского движения Махараштры. С 1920 г. «неприкасаемые» Бомбея получили доступ к собственным средствам массовой информации – начался выход газеты «Мукнак» или «Лидер молчащих», посвященной проблемам низших каст и призывавшей к их консолидации²³¹.

Первые практические результаты деятельности «Бомбейской группы» оставались сугубо локальными, как например борьба за право пользования общественными водными ресурсами или политические демонстрации против кастовой дискриминации²³². С начала 1930-х гг. движение, возглавляемое Б.Р. Амбедкар, переходит на качественно иной уровень социальной субъектности, т.к. активно включается в текущие политические процессы в стране и занимает продуманную гибкую и достаточно компромиссную позицию, пытаясь играть на противоречиях индуистских элит и британской администрации. Важнейшей целью общественной деятельности в этот период стал поиск общеиндийской идентичности, способной консолидировать разобщенное и многоукладное пространство «неприкасаемых» каст.

Иллюстрацией сложности политической конъюнктуры, в которой приходилось действовать Б.Р. Амбедкару, является противоречивое отношение к молодым организациям «неприкасаемых» со стороны М. Ганди, который выражал интересы новых индуистских элит, заинтересованных как в коренной модернизации общества и обретении страной независимости, так и в сохранении ряда социокультурных норм, закрепляющих базовые аспекты

---

²³¹Ambedkar M. The Architect of Modern India – Dr. Bhimrao Ambedkar. New Delhi: Diamond Pocket Books Ltd., 2005. P. 48.

²³²Rao A. The Caste Question: Dalits and the Politics of Modern India. Los Angeles: University of California Press, 2009. P. 316.

кастовой системы. Так с 1933 г. М. Ганди развернул кампанию по формированию новой единой идентичности для далитов, но сконструированной с учетом описанных выше представлений. «Неприкасаемых» предлагалось называть «хариджанами» («детьми бога»), что несло в себе ряд важных смысловых коннотаций. В противовес терминам «неприкасаемый» или «далит» («сломанный человек»), новое наименование не несло негативного смысла, но заключало в себе отсылку на культурную, социальную и политическую незрелость, инфантильность представителей этого слоя. Это, в свою очередь, предполагало патерналистское отношение к ним и ограничение в правах под видом необходимости контроля над их общественным развитием²³³.

В это время Б.Р. Амбедкар старался избегать политических дискуссий и направил свои основные усилия на изучение проблем «неприкасаемости» и кастовой системы в целом. Им были написаны несколько научно-исследовательских работ, среди которых особо стоит отметить «Уничтожение касты»²³⁴ и «Кто такие шудры?»²³⁵. По своему содержанию в них присутствовала глубинная критика индуизма как социокультурной программы, направленной на дискриминацию низов и их взаимное противопоставление. В частности, на примере фактического материала доказывалась близость происхождения значительного количества шудрянских и «неприкасаемых» каст, граница между которыми определялась лишь политической конъюнктурой того времени. В этих же работах указывалось на лицемерное умалчивание индуистскими ортодоксами примеров реальной социальной мобильности, которую формально маскировали ложными биографиями или иными надуманными обоснованиями. Так, Амбедкар в «Уничтожении касты» утверждал, что

---

²³³ Wolpert S. *Gandhi's Passion: The Life and Legacy of Mahatma Gandhi*. New York: Oxford University Press, 2001. P. 177.

²³⁴ Ambedkar B.R. *The Annihilation of Caste*. Mumbai: Critical Quest, 2007. – P. 64.

²³⁵ Ambedkar B.R. *Who were Shudras?: How They Came to be the Fourth Varna in the Indo-Aryan Society*. Delhi: Thackers Pub., 1970. – P. 268.

многие современные ему политики индуистского толка сами имеют крайне сомнительное происхождение. Например, М. Ганди, который считал себя брахманом, происходил от представителей касты *баниев*, которые в разных штатах рассматривались в широком диапазоне от вайшьев до «грязных» шудр²³⁶. Поэтому утверждаемая ими незыблемость кастового уклада является мифом, направленным на консервацию социальной жизни страны.

В монографии «Кто такие шудры?» Амбедкар пошел далее и не только ставил под сомнение обоснованность социального барьера между шудрами и «неприкасаемыми», но и доказывал порочность миролюбивой стратегии действий последних. Поскольку философское течение бхакти фактически попустительствовало кастовой дискриминации, т.к. акцентировало внимание своих последователей на решении повседневных проблем, устраняясь от практики политической борьбы²³⁷.

Таким образом, к 1936 г. Амбедкар стал духовным лидером «неприкасаемых» и сумел продемонстрировать свою универсальность. Он одновременно, был способен к компромиссу, что устраивало индуистские элиты, был интеллектуалом, что импонировало британцам, а также мог не побояться публично выступить с жесткой критикой основ традиционного индийского общества, что позволяло ему сплотить вокруг себя радикально настроенных далитских лидеров.

Используя свое влияние на сознание масс и определенное признание со стороны элит, Амбедкар создал в 1936 г. Независимую Рабочую Партию – первую по-настоящему общеиндийскую политическую партию «неприкасаемых», что стало серьезной вехой в процессе эмансипации низших каст²³⁸. ключевой особенностью деятельности этой партии стала не

---

²³⁶ Ambedkar B.R. The Annihilation of Caste. Mumbai: Critical Quest, 2007. P. 37.

²³⁷ Ambedkar B.R. Who were Shudras?: How They Came to be the Fourth Varna in the Indo-Aryan Society. Delhi: Thackers Pub., 1970. P. 184.

²³⁸ Marbaniang D. Secularism in India. 2011. P. 78. [Режим доступа]: [http://books.google.ru/books?id=ymR5hY7zopQC&pg=PA78&dq=Independent+Labour+Party+\(India\)&hl=ru&sa=X&ei=ErrLUshEN6SQ4gSIkYGGQAw&ved=0CE8Q6AEwBA#v=onepage&q=Independent%20Labour%20Party%20\(India\)&f=false](http://books.google.ru/books?id=ymR5hY7zopQC&pg=PA78&dq=Independent+Labour+Party+(India)&hl=ru&sa=X&ei=ErrLUshEN6SQ4gSIkYGGQAw&ved=0CE8Q6AEwBA#v=onepage&q=Independent%20Labour%20Party%20(India)&f=false)

только непосредственная борьба за права далитов, но и выстраивание межкастового диалога между представителями «неприкасаемых» джати, осуществляемое в рамках формирования региональных филиалов. Т.е. за политической оболочкой мы видим развертывание более глубокого и интересного для нас процесса – конструирования единого социокультурного пространства для коммуникации и построения общей идентичности для изолированных и маргинализированных социальным окружением локальных «неприкасаемых» общин ²³⁹. Несмотря на очевидные политические успехи, достигнутые к концу 1930-х гг., Б.Р. Амбедкар осознавал, что полученные результаты носят поверхностный характер и не затрагивают основ кастовой системы и порождаемой ею дискриминации низших джати. Практика повседневной жизни оставалась мощнейшим регулятором общественных отношений. Сохранявшийся институт «дждаджмани» оставался серьезным тормозом экономических перемен, предотвращая для многих джати, даже включенных в систему новой политической коммуникации, всякую возможность добиться реальной самостоятельности. Иными словами, лидеры далитов этого периода в принципе не располагали ресурсами, позволявшими успешно бороться с системой социально-экономической специализации каст и порождаемыми ею локальными социальными иерархиями.

Осознавая это, с начала 1940-х гг. Амбедкар и его ближайшие помощники изменили свои взгляды на сущность политической деятельности. На смену противостоянию с индуистскими элитами пришло стремление сформировать с ними единый фронт борьбы за независимость Индии. Фактически, речь шла о всеобщей политической «санскритизации» молодых далитских элит в политическом пространстве страны. Кроме того, Б.Р. Амбедкар не оставил без внимания и тонкую сферу самосознания «неприкасаемых». В рамках этой логики в 1942 г. на смену Независимой

---

²³⁹ Sarkar S. Towards freedom: documents on the movement for independence in India, 1946. Part 2. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 985.

Рабочей Партии пришла Федерация Зарегистрированных Каст ²⁴⁰. Слово «зарегистрированный» широко пропагандировалось амбедкарстами как альтернатива «угнетенным», «неприкасаемым» и пр. Смысл такого семантического жонглирования состоял в том, чтобы, во-первых, начать борьбу с рабским самосознанием далитов, во-вторых, напомнить властям о возврате к идее сотрудничества и распространении разнообразных льгот для «зарегистрированных» групп населения. Б.Р. Амбедкар всячески подчеркивал, что они являются одним из меньшинств огромного многонационального индийского общества. Поскольку лидеры Индийского Национального Конгресса планировали построение федерального государства, то интересы таких локальных социальных образований должны были обеспечиваться Конституцией в обмен на их лояльность к центральной власти ²⁴¹.

Заметим, что в 1940-е гг., когда близость обретения независимости уже ощущалась всеми индийскими политиками, элиты центра очень опасались, что колоссальная разница в развитии отдельных регионов приведет к скорому распаду молодого государства и потому были готовы идти на уступки всем демонстрирующим лояльность локальным политическим силам.

В августе 1942 г. лидеры Мусульманской Лиги предложили «неприкасаемым» собственный вариант «санскритизации», предполагавший ликвидацию кастовой дискриминации в обмен на массовый переход в ислам и поддержку будущего государства Пакистан ²⁴². Однако Б.Р. Амбедкар к этому времени уже достаточно хорошо изучил социокультурные особенности исламского социума. Выводы, к которым он пришел и публично озвучил, способствовали развенчанию того мифа, который мусульмане

---

²⁴⁰ Wankhede D.M. Geographical thoughts of Dr. B.R. Ambedkar. Delhi: Balaji Offset Printers, 2009. P. 232.

²⁴¹ Singh M.P., Saxena R. Indian Politics: Constitutional Foundations and Institutional Functioning. New Delhi: PHI Learning Private Limited, 2011. P. 291-292.

²⁴² Rawat R.S. Reconsidering Untouchability: Chamars and Dalit History in North India. Indianapolis: Indiana University Press, 2011. P. 171-172.

пытались продвигать среди низших индийских каст. Свои выступления с критикой общественных отношений в мусульманском мире социума он упорядочил и резюмировал в работе «Пакистан или разделение Индии»²⁴³. Интерес представляет любопытное социокультурное наблюдение, высказанное автором. Он указывал на то, что в действительности исламское общество в Индии имеет аналогичные «неприкасаемые» касты, например, арзалов и арджавов, которые отличаются от индуистских только одним – полнейшим бесправием и такой степенью дискриминации, которая не позволяла им и мечтать о собственных политических организациях.

Амбедкар отметил еще один любопытный фактор, который стал по-настоящему очевиден только в конце XX в. – исламский суперэтнос после потери им цивилизационного преобладания стал стремительно консервироваться. Рост фундаменталистских настроений и негативное восприятие социальных инноваций формировало в нем тенденцию к замыканию в себе и противодействию динамическому развитию, характерному для индустриального мира²⁴⁴. Таким образом, Б.Р. Амбедкар говорил о том, что конверсия в ислам стала бы для «неприкасаемых» настоящей катастрофой и, что индуизм, несмотря на все свои недостатки, является значительно более приемлемым вариантом. Сейчас мы можем только подтвердить его правоту тем, что самый высокий уровень дискриминации по кастовому признаку в начале XXI в. среди стран Южной Азии наблюдается в исламском Бангладеше²⁴⁵. По горькой иронии в 1940-е гг. местные далитские партии как раз не согласились с основными положениями этой критики, и организовали массовый переход «неприкасаемых» в ислам²⁴⁶.

---

²⁴³ Ambedkar B.R. *Pakistan or the Partition of India*. Bombay: Thackers Publishers, 1946. P. 215–219.

²⁴⁴ Ambedkar B.R. *Pakistan or the Partition of India*. Bombay: Thackers Publishers, 1946. P. 220–222.

²⁴⁵ Keane D. *Caste-based Discrimination in International Human Rights Law*. Chippenham, Wiltshire: Antony Rowe Ltd., 2007. P. 5-7.

²⁴⁶ Lama G. *South Asia*. Vol. 2. Mexico: El Colegio de Mexico, 1982. P. 491.

В последние годы перед обретением Индией независимости Б.Р. Амбедкар сосредоточился на реорганизации политического пространства далитских движений. Важнейшей предложенной им новацией стал сетевой характер политических представительств и наличие множества локальных, привязанных к своим регионам партий. Это шло вразрез с пропагандируемой прежде идеей интеграции движений «неприкасаемых», но имело две принципиальные цели: 1) устранить сомнения индуистских элит в покушении на приход к власти в стране низов; и 2) избежать риска частной «санскритизации» бомбейских далитов и начала дискриминации с их стороны остальных «неприкасаемых», что могло быть вполне в духе принципов кастовой системы. В результате, в 1942–1945 гг. возникают новые политические партии далитов в центральной Индии. Отметим среди них Федерацию Зарегистрированных Каст Хайдерабада, раджастханскую Марвар Судхар Сабху, нагпурский Союз Касты Мехар²⁴⁷.

Видимым проявлением значительных успехов, достигнутых общественно-политическими организациями далитов, стало приглашение некоторых их лидеров на министерские должности в независимой Индийской республике. В частности, Б.Р. Амбедкар получил пост министра юстиции, а Шри Джагдживан Рам, сын знаменитого Мангу Рама – министра труда²⁴⁸. 18 июля 1947 г. британский парламент принял Акт о независимости Индии, который легитимировал ее суверенитет, но предусматривал разделение бывшей колонии на Пакистан и Индию. Б.Р. Амбедкар, кроме того, 29 августа возглавил конституционную комиссию, задачей которой было создание нового основного закона для молодого государства²⁴⁹. В утвержденном проекте Конституции провозглашалась отмена кастовой системы как правовой формы организации общества. Все члены

---

²⁴⁷ Kshirasagara R.K. *Dalit Movement in India and its Leaders, 1857–1956*. New Delhi: M.D. Publications Pvt. Ltd., 1994. P. 84.

²⁴⁸ Chandra R., Mitra S. *Dalit Identity in the new millennium: Jagjivan Ram and His Times*. Vol. 5. New Delhi: Commonwealth Publ., 2003. P. 67.

²⁴⁹ Some Facts of Constituent Assembly // Parliament of India. National Informatics Centre. [Режим доступа]: <http://parliamentofindia.nic.in/ls/debates/facts.htm>

«неприкасаемых» джати, а также отсталых племен приравнивались к политическим меньшинствам. Они были обязаны уважать законы республики и результаты любых плебисцитов. Участие в политическом управлении, получение образования, устройство на работу регулировались путем квотирования для «зарегистрированных» групп определенного количества мест, пропорционального их численности в том или ином штате. Все эти положения были указаны в 341 и 342 статьях Конституции²⁵⁰. Примерно в это же время начался набор в вузы и прием на работу представителей «зарегистрированных каст»²⁵¹.

Принятие Конституции открыло совершенно новый этап истории «неприкасаемых» этнокастовых сообществ. Ее положения стали одной из фундаментальных формальных характеристик социального и культурного развития Индии во второй половине XX в. В них нашли отражения наиболее существенные тенденции и социальные заказы современного этапа модернизации страны.

Завершая анализ генезиса социальных элит «неприкасаемых» от момента начала комплексной вестернизации страны, осуществляемой англичанами, до обретения Индией независимости, необходимо подчеркнуть ряд полученных выводов.

1. Формирование социальных элит у далитов проходило в два этапа, которые могут быть соотнесены с деятельностью двух поколений исторических лидеров. Первый этап пришелся на вторую половину XIX в. и характеризовался выраженной ориентацией на лидерство в вопросах религии и поиска новой идентичности. Вторым этапом развернулся в первой половине XX в. Деятели этого периода сделали акцент на политической борьбе.
2. Основной моделью формирования элитарного ядра у классических «неприкасаемых» каст служила трансформация архаичной религиозно-

---

²⁵⁰ Keane D. Caste-based Discrimination in International Human Rights Law. Chippenham, Wiltshire: Antony Rowe Ltd., 2007. P. 127.

²⁵¹ Abbas H., Kumar R., Alam M.A. Indian Government and Politics. New Delhi: Dorling Kindersley (India) Pvt. Ltd., 2011. P. 110.

философской практики отшельничества в религиозные секты, ориентированные на широкую пропаганду идеи борьбы с кастовой дискриминацией, из которых позже выросли общественные организации.

3. У неклассических «неприкасаемых» каст, оказавшихся в таком статусе относительно недавно, важнейшим источником социальной субъектности служил уровень образования, навыки коммуникации, опыт взаимодействия с различным социальным, культурным и политическим контекстом.

4. Существенную роль в процессе формирования элитарных групп у «неприкасаемых» сыграло конструирование единого коммуникационного пространства, признаваемого как индуистскими элитами, так и колониальными властями.

5. Несмотря на формирование единого политического пространства, «неприкасаемые» касты так и остались конгломератом разрозненных этнокультурных групп. Поиск универсальной идентичности не увенчался успехом. Попытки искусственного создания самосознания на основе таких идеологических конструктов, как «хариджане» или «зарегистрированные» касты, провалились или остались как описательный термин в официальном делопроизводстве.

2.2. Далитские движения как субъективный фактор становления социокультурной идентичности «зарегистрированных» каст и племен во второй половине XX в.

Первое десятилетие существования независимой Индии «неприкасаемые» общины находились в процессе перманентного конструирования нового типа своей идентичности. Причем этот процесс был крайне болезненным и проходил в объективно очень сложных условиях. Формально, кастовая система была совершенно упразднена. На практике, разумеется, преодоление сформировавшейся сложнейшей системы социальных, экономических и культурных связей одним росчерком пера

было принципиально невозможным. Это очевидное противоречие между правовым пространством и практикой повседневной жизни имело очень глубокие основания. Индийское общество, как и любой другой типично восточный социум, реализует себя не в деятельности отдельных личностей-индивидуумов, а в групповом взаимодействии. Только в этом случае, социальные изменения способны закрепляться и воспроизводиться в качестве типовых ситуаций. Нами были рассмотрены примеры повышения статуса отдельного члена низшей касты, однако такого «маргинала» всячески стремились легитимировать в качестве ошибочно родившегося в своем «низком» кругу.

Мы неоднократно подчеркивали, что массовые положительные изменения могли принимать в индийском социуме необратимый характер только в случае изменения общественного сознания. Любые политические инновации оказывались поверхностными, если не проникали в глубинные пласты традиционного менталитета. Таким образом, перед реформаторами встала сложнейшая задача создания комплекса объективных экономических и культурных условий, позволявших широким слоям населения либо изменять характер своей деятельности, либо выходить из замкнутого индуистского общества и формировать новые макросообщества.

Государственное конструирование новой системы культурной идентичности началось с внедрения понятия «зарегистрированные касты и племена». В 1950-е гг. особый акцент ставился на формировании горизонтальных связей, способных сблизить представителей разных «неприкасаемых» джати того или иного штата, позволявших им самостоятельно, без вмешательства других сообществ, взаимодействовать между собой в рамках экономических плоскостей с целью решения практических проблем и отстаивания своих уже формально провозглашенных прав. Однако реальная ситуация была такой, что за исключением некоторых штатов (таких, например, как Махараштра или Андхра-Прадеш) практически нигде далиты не сформировали хоть сколько-

нибудь интегрированных агломераций. В подавляющем большинстве случаев они проживали мелкими общинами, характеризовавшимися узкоспециализированным традиционным производством, и потому были очень жестко включены в систему «джаджмани». Это означало, что экономические механизмы обеспечения государственной социокультурной политики не могли эффективно функционировать. Извлечение из замкнутого традиционного цикла производства целых групп населения и предоставление им специализированной занятости, при условии низкой рыночной востребованности в их труде, было финансово и физически неосуществимо.

Необходимо было искать иную плоскость коммуникации низов. Б.Р. Амбедкар полагал, что полем такого взаимодействия на первом этапе способна стать религиозная общность. Тем более, что в индийской истории имелись примеры подобного преодоления практики «джаджмани». Наиболее ярким из них было формирование сикхизма, сплотившего вокруг себя самодостаточное macrosообщество. Первоначально, в 1950-1951 гг. в Республиканской Партии обсуждались проекты массового перехода в сикхизм ²⁵². Однако после переговоров с политическими лидерами сикхов стало очевидно, что последние не против такой интеграции, но новые позиции далитов в подобном сообществе по-прежнему будут носить маргинальный характер ²⁵³. Надо отметить, что в этот период сикхи Пенджаба всерьез задумывались об отсоединении от Индии и создании независимого государства по аналогии с исламским Пакистаном. Соответственно, их привлекал и реализованный пакистанскими элитами проект по привлечению многочисленной низко квалифицированной рабочей силы из числа бывших «неприкасаемых», получивших дискриминируемый

---

²⁵² Vadssery J.J., Verma K.K. Dalit Christians of Bihar and the Demand for Reservation // Scheduled Castes Today. New Delhi: MD Publications Pvt. Ltd., 1997. P. 19-28.

²⁵³ Bharatya S. Dalit and Minority Empowerment. New Delhi: Rajkamal Prakashan Pvt. Ltd., 2008. P. 14.

статус «арзалов» - социальной группы, стоящей даже ниже «аджлаов» (индийцев, принявших ислам в Средние века и Новое время)²⁵⁴.

Параллельно с идеей интеграции в сикхское сообщество, далитские элиты с момента обретения страной независимости, активно коммуницировали с буддийскими общинами Шри-Ланки, в основном через старые связи, имевшиеся у далитских партий Тамилнада. В 1950 г. состоялась международная неправительственная конференция в Коломбо, по результатам которой было учреждено Всемирное Буддистское Братство. В эту организацию на равных правах входили религиозные общины 27 стран, основной целью объединения которых было распространение конфессии за пределы ее традиционно сложившегося ареала, а также материальная и политическая поддержка новообращенных²⁵⁵. Разумеется, что Б.Р. Амбедкар не мог упустить такую возможность по формированию нового макросообщества, способного объединить далитов и обеспечить их конституционные права.

В 1951 г. уход Б.Р. Амбедкара с министерского поста способствовал росту реваншистских настроений у радикально настроенных представителей кшатрианских и брахманских каст²⁵⁶. По стране прокатилась волна насилия над далитами. Особенно мощной она была в штатах Бихар, Орисса, Мадхья Прадеш, т.е. в тех, где удельная доля далитов была достаточно высокой, но они не сформировали собственных достаточно влиятельных политических партий²⁵⁷. Однако расчет индуистских фундаменталистов на поддержку со стороны правительства не оправдался. В 1954 г. Дж. Неру назначил ряд следственных комиссий, призванных оперативно расследовать убийства и

---

²⁵⁴ Ambedkar B.R. Chapter X. Social Stagnation / Pakistan or Partition of India. [Режим доступа]:

http://www.columbia.edu/itc/mealac/pritchett/00ambedkar/ambedkar_partition/410.html

²⁵⁵ Ким Г.Ф. Зарубежный Восток и современность: основные закономерности и специфика развития освободившихся стран. Т. 2. М.: Наука, 1974. С. 262.

²⁵⁶ Jaffrelot C. Dr. Ambedkar and Untouchability: Analysing and Fighting Caste. London: Hurst & Co. Publishers Ltd., 2005. P. 146.

²⁵⁷ Narula S. Broken People: Violence Against India's "Untouchables". New York: Human Rights Watch, 1999. P. 42-44; Paswan S., Jaideva P. Encyclopaedia of dalits in India: Problems and Perspectives. Delhi: Kalpaz Publications, 2003. P. 169-170.

случаи насилия над далитами. В указанных выше штатах начали работу военно-полевые суды, оперативно наводившие конституционный порядок ²⁵⁸. Такая жесткая позиция центральной власти, на наш взгляд, объясняется тем, что социалистически настроенные политики типа Неру, занимавшие ключевые посты в правительстве Индии того времени, боялись активизации индуистских радикалов. Их деятельность в условиях молодой государственности могла способствовать резкому усилению сепаратистских настроений в ряде периферийных штатов и привести к очередному расколу страны.

Решительные меры, предпринятые властью в борьбе с кастовой дискриминацией, требовали правового обеспечения, позволявшего минимизировать как риск эскалации насилия, так и перегибов в подавлении фундаменталистов. Для этого в 1955 г. был принят Акт о защите гражданских прав. Характерно, что более 80% его текста касалось вопросов взаимодействия между далитами и представителями других каст. Причем, в качестве уголовных преступлений рассматривались не только прямые акты насилия, но и такие традиционные дискриминирующие действия, как: 1) запрещение далитам появляться в общественных местах во время массовых мероприятий, 2) недопущение «неприкасаемых» к централизованному водоснабжению, 3) продажа продуктов за пределами магазинов или лотков на рынках, 4) оказание медицинских услуг вне специализированных учреждений, 5) личные оскорбления, содержащие в себе указание на нижестоящий кастовый статус ²⁵⁹.

Жесткие действия правительства Дж. Неру позволили стабилизировать ситуацию в стране. Количество преступлений, совершаемых на почве кастовой дискриминации, резко уменьшилось. Это позволило деятелям Республиканской партии продолжить процесс перехода далитов в буддизм. В

---

²⁵⁸ Narula S. Broken People: Violence Against India's "Untouchables". New York: Human Rights Watch, 1999. P. 46.

²⁵⁹ The Protection of Civil Rights Act, 1955 // Constitutional Safeguards for Weaker Sections and the Minorities in India. New York: Conpet Publishing Company, 1999. P. 123-140.

1956 г. Б.Р. Амбедкар закончил свой труд, посвященный исторической роли буддизма в формировании социокультурного пространства Индии ²⁶⁰, и 2 октября 1956 г. торжественно прошел обряд принятия новой веры в старом оплоте буддизма в Индии – в Нагпуре. Эта церемония была обставлена максимально помпезно и сопровождалась аналогичной сменой религии примерно 380 000 его последователей. В течение этого года по всей стране изменили свое вероисповедание около 600 000 далитов ²⁶¹.

Кампания по переходу далитов в буддизм стала ключевым событием в общественной жизни Индии середины 1950-х гг. Но каковы были бы реальные дивиденды от этой социально инвестиции мы не можем сказать с полной уверенностью. Смерть Амбедкара 6 декабря 1956 г. стала серьезным ударом по надеждам далитов на реальное улучшение качества их жизни, поскольку процесс их коммуникации между собой, а также мощная поддержка в высших эшелонах власти полностью обеспечивались личностью этого выдающегося политического деятеля.

С уходом Амбедкара до начала 1960-х гг. в процессе преодоления кастовой дискриминации наступает значительный регресс: возрастает число преступлений, совершенных в отношении низших каст на почве нарушения ими традиционных правил поведения и составляет около 500 в год ²⁶². Уход Амбедкара не был единственной причиной этого, он вскрыл уже назревшие противоречия и проблемы. Рассмотрим наиболее значимые из них.

Во-первых, далитские региональные партии, несмотря на проводившиеся конференции и многочисленные собрания в масштабах всей страны, оставались локальными не только по своему территориальному охвату, но и по образу мышления. Фактически, везде кроме Махараштры и

---

²⁶⁰ Ambedkar B.R. *The Buddha and His Dhamma: Critical Edition*. Oxford: Oxford University Press, 2011.

²⁶¹ Sponberg A. *A Dhamma Revolution in Contemporary India // Engaged Buddhism: Buddhist Liberation Movements in Asia*. New York: State University of New York Press, 1996. P. 73-91.

²⁶² Paswan S., Jaideva P. *Encyclopaedia of dalits in India: Problems and Perspectives*. Delhi: Kalpaz Publications, 2003. P. 171.

Тамилнада политики, составлявшие актив этих партий, не имели устойчивых неформальных контактов с представителями власти федерального уровня²⁶³.

Во-вторых, представители тех движений, которые имели устойчивые контакты с центральными элитами, уже сами достаточно сильно оторвались от реалий индийских низов. Здесь нужно подчеркнуть, что в индийской социальной практике особую роль играют неформальные связи. А это означало, что лидеры далитов, которые удостоивались чести принятия в своих домах высокопоставленными чиновниками, с точки зрения традиционного социального мышления Индии, уже отрывались в своем кастовом статусе от далитов и завершали процесс личной «санскритизации»²⁶⁴.

В-третьих, процесс конструирования единой идентичности «зарегистрированных каст и племен» был далек от завершения. Это не позволяло выступать им хоть сколько-нибудь единым фронтом, оказывая влияние на свои собственные политические представительства. Проблема усугублялась тем, что в процессе борьбы далитов за свои права, разрыв в политическом самосознании и мышлении отдельных каст достиг небывалого прежде масштаба. Так, например, многократно упоминавшиеся в тексте *махары*, далеко продвинулись в деле формирования макросоциальной и политической общности. Несколько отстали от них в этом вопросе *черамары*, *мали* и *парии* Кералы, Андхра-Прадеша и Тамилнада, *чамары* Пенджаба и *намасудры* Западной Бенгалии. И даже незначительная разница в политической активности этих каст привела к формированию иерархических связей между ними. Так, среди членов Республиканской Партии Индии *махары* составляли примерно 40%, *чамары* – 20%, тамилы – около 20%,

---

²⁶³ Narula S. Broken People: Violence Against India's "Untouchables". New York: Human Rights Watch, 1999. P. 34.

²⁶⁴ Ciotti M. Uttar Pradesh: Untouchability and Politics // The Modern Anthropology of India. New York: Routledge, 2013. P. 286-309.

прочие упомянутые выше касты – оставшиеся 20% ²⁶⁵. Таким образом, основная политическая организация индийских низов, к началу 1960-х уже фактически перестала быть представительством всех угнетаемых групп, а превратилась в движение, отстаивавшее интересы лишь тех каст, что уже пошли по пути «санскритизации».

Заметим, что, говоря о кастах, нельзя забывать еще и племенные объединения, значительно отставшие в своем развитии. Последние совершенно не изменили к середине XX в. повседневного уклада своей жизни, что выразилось в полном отсутствии у них современного сознания. Отсталые племена продолжали проживать в своих замкнутых округах, расположенных в труднодоступной местности, что объективно затрудняло процесс их расконсервации. В отличие от большинства джати, занимавшихся специализированным традиционным производством, эти этнические группы вели натуральное хозяйство и потому их труд не был востребован за пределами своих ареалов ²⁶⁶.

В силу указанных причин правительство Индии не меняло свою внутреннюю политику, удовлетворяясь формальным запретом кастовой дискриминации и наличием ряда жестких законов, контролирующих ситуацию в этой сфере. Ситуация стала меняться только когда Дж. Неру провозгласил в Индии политику «неприсоединения» и поставил перед кабинетом министров задачу разработать ряд действенных мер, позволяющих качественно улучшить социокультурное взаимодействие между далитами и иными группами населения посредством государственного регулирования.

---

²⁶⁵ Pai S. Uttar Pradesh: New Patterns of Mobilization in 1990s and beyond // Routledge Handbook of Indian Politics. New York: Routledge, 2013. P. 261-270.

²⁶⁶ Parmar H.S. Tribal Development in Himachal Pradesh. New Delhi: Mittal Publications, 1992. P. 7.

В 1964 г. в Министерстве внутренних дел Индии появился департамент «Зарегистрированных Каст и Племен»²⁶⁷. В его функции входило собирать достоверную информацию о социально-экономическом положении этих групп населения, а также контролировать действия органов правопорядка в наиболее проблемных штатах. Вскоре выяснилось, что этот департамент не успевает эффективно работать по всем направлениям. К тому же сведения о реальном социально-экономическом положении низов были настолько удручающими, что требовали экстренного государственного вмешательства, если власти действительно стремились оптимизировать социальное пространство своей страны.

В 1965 г. при Министерстве Экономического Развития был учрежден департамент по контролю над экономическим развитием и образованием «зарегистрированных каст и племен»²⁶⁸. Его основной задачей был расчет и обеспечение квотирующих норм для низов при их устройстве на работу на промышленных предприятиях или в иных отраслях урбанизированного производства, а также резервирование мест в учебных заведениях (см. Приложение 4). Ситуация в сфере образования была особенно сложной. Несмотря на то, что еще в конце XIX в. повышение интеллектуального уровня «неприкасаемых» было предметом деятельности выдающихся общественных деятелей. Элементарная грамотность в кастах и племенах, не имевших своих политических представительств, к середине 1960-х гг. не превышала 5,2 % у мужчин и 3,5% у женщин²⁶⁹. Вследствие адекватной оценки этой проблемы правительством в 1966 г. специализация департаментов, занимавшихся «отмеченными кастами и племенами», углубилась, и появилось новое ведомство. При Министерстве Образования и

---

²⁶⁷ Rao H., Babu M. D. Scheduled Castes and Tribes, Socio-Economic Upliftment Programmes. New Delhi: Ashish Publishing House, 1994. P. 8.

²⁶⁸ Singh M. Anatomy of Integrated Rural Development. New Delhi: Mittal Publications, 1994. P. 75.

²⁶⁹ Behar A. A Ground Reality to Assess the Realization of Economic, Social and Cultural Rights in India // Human Rights and Budgets in India. New Delhi: Human Rights Law Network, 2009. P. 617.

Планирования был создан соответствующий департамент, региональные представительства которого начали функционировать уже в следующем году²⁷⁰. Причем курирование образования дало неплохие результаты. К 1971 г. среди далитов и племен доля грамотных достигла 20% у мужчин и 5% у женщин²⁷¹. Разумеется, эти показатели не отражают качества получаемого образования, к тому же свидетельствуют о сохранении жестких патриархальных связей в самих джати, ограничивавших доступ к знаниям для женщин.

В конце 1960-х такая негативная тенденция, как углубление социального расслоения различных далитских джати, достигла особой остроты. Связано это было с проведенной в 1968 г. регистрацией в качестве «зарегистрированных» некоторых джати, которые относились к «грязным шудрам» и по своей сути мало отличались от «неприкасаемых». Надо отметить, что в ряде штатов шудры стали постепенно низводиться до статуса далитов. Так, например, в Махараштре *махары*, благодаря активной социальной политике государства и массовой урбанизации, все более отдалялись от традиционного производства, уменьшая долю своего участия в «джаджмани». Сельские округа реагировали на это распространением «грязного» труда на общины, стоящие в социальной иерархии на следующих ступенях. Естественно, что отслеживающие такую тенденцию комиссии департаментов при кабинете министров решили включить новые дискриминируемые группы в список «зарегистрированных»²⁷². Но поскольку материальные затраты на развитие далитских каст не были увеличены, то это привело к равномерному снижению финансирования всех «зарегистрированных» групп населения. Реакция далитских каст, бывших на

---

²⁷⁰ Pruthi R.K. Administrative Management and Planning. New Delhi: Discovery Publishing House, 2005. P. 177.

²⁷¹ Behar A. A Ground Reality to Assess the Realization of Economic, Social and Cultural Rights in India // Human Rights and Budgets in India. New Delhi: Human Rights Law Network, 2009. P. 617.

²⁷² Mathur M.L. Encyclopedia of Backward Castes: Comissions, Vol. 2. Delhi: Kalpaz Publications, 2004. P. 79.

острие политической борьбы, была крайне резкой и агрессивной. Так, в соответствии с отчетом комиссии при Министерстве Внутренних Дел в 1967-1969 гг. *махарами* в Махараштре было убито 63 человека, а *чамарами* в Уттар-Прадеше и Пенджабе – 76. Все они были представителями других низших каст²⁷³.

Таким образом, к концу 1960-х гг. государственная политика в отношении «зарегистрированных» групп населения зашла в определенный тупик. С одной стороны, расширение бюрократического контроля давало некоторое улучшение ситуации, способствуя развитию низов. С другой стороны, базовые принципы социального взаимодействия, на которых веками строилось индийское общество, приводили к появлению новых негативных процессов и делали все государственные усилия во внутренней политике неэффективными.

Одним из наиболее ярких проявлений незавершенности процесса конструирования бескастового общества и расконсервации отсталых племен стала широкая поддержка наксализма (левацкого терроризма, поддерживаемого КНР) в штатах с высокой долей дискриминируемого сельского населения, не имевшего полноценного политического представительства. Самую активную поддержку радикальные маоистские группы получили в наиболее проблемных штатах, таких как Бихар, Орисса и Андхра-Прадеш²⁷⁴.

В это же время в западной части Индии происходила достаточно интенсивная индустриализация, сопровождавшаяся ростом крупных городов и притоком туда сельского населения. Особенно показательным примером таких трансформаций стал Бомбей (Мумбаи). Разумеется, что основную массу низко квалифицированных рабочих составляли бывшие сельские маргиналы. Приезжая в город, они встречали крайне негативное отношение. Как уже упоминалось в исследовании, социальная структура индийских

---

²⁷³ Shinde P.K. Dalits and Human Rights. Vol. 3. Delhi: Isha books, 2005. P. 79.

²⁷⁴ Being Neutral is Our Biggest Crime: Government, Vigilante and Naxalite Abuses in India's Chhattisgarh State. New York: Human Rights Watch, 2008. P. 19.

городов, окончательно сформировавшаяся во времена правления династии Великих Моголов, по существу, представляла копию сельскохозяйственного округа с замкнутым циклом традиционного производства и городской аналогией практики «джаджмани». Занимая в такой системе открывшуюся новую хозяйственную нишу (промышленное производство или, что гораздо чаще – сферу жилищно-коммунальных услуг), далиты фактически не меняли своего низкого статуса и продолжали подвергаться дискриминации. Однако сама повседневная жизнь в городской среде противоречила логике кастовой «чистоты» и объективно формировала протестные настроения даже у самых слабо развитых в политическом отношении далитских джати. Реакцией на дискриминацию, отсутствие эффективного полицейского контроля и массовый произвол со стороны других общин стала самоорганизация бывших «неприкасаемых» в полукриминальные политические группы²⁷⁵.

Появление и стремительное развитие среди сельского населения наксализма, создание радикальных группировок среди урбанизированных далитов, несомненно, было достаточно мощным вызовом центральной власти, свидетельствующим о провале внутренней политики 1960-х гг. в отношении «зарегистрированных» каст и племен. Однако этот вызов в начале 1970-х гг. был неадекватно интерпретирован властью, решившей, что она имеет дело не с социальным протестом, а с этнокультурным сепаратизмом периферийных регионов. Правительство Индиры Ганди провозгласило курс на централизацию страны.

В рамках государственной политики, направленной на усиление вертикали власти, И. Ганди был осуществлен ряд преобразований, непосредственно затронувших различные аспекты общественно-политической жизни далитов. Во-первых, в политически нестабильных штатах были отменены отдельные избирательные округа и часть льгот,

---

²⁷⁵ Development of Marathwada: A Perspective. Delhi: Swami Raman and Teerth Research Institute, 1999. P. 28.; Paswan S., Jaideva P. Encyclopaedia of Dalits in India: Movements. Delhi: Kalpaz Publications, 2002. P. 321.; Shinde P.K. Dalits and Human Rights: Dalits and racial Justice. Delhi: Isha Books, 2005. P. 113.

которыми пользовались «зарегистрированные» касты. Данная мера была направлена на дезинтеграцию локальной межкастовой коммуникации, способной стать источником регионального сепаратизма ²⁷⁶. Во-вторых, в 1976 г. была принята новая редакция «Акта о защите гражданских прав». Появились статьи, регулирующие трудовые отношения и гарантировавшие права женщин, что стало отражением объективных тенденций к урбанизации и эмансипации далитов ²⁷⁷. В-третьих, ключевой проблемой государственной социальной политики в отношении «неприкасаемых» оставалось плохое соблюдение законов. Поэтому были приняты меры по формированию общественных и неправительственных контрольных инстанций, таких как волонтерские христианские объединения, Human Rights Watch и др. ²⁷⁸. Кроме того, для борьбы с кастеизмом и коррумпированностью исполнительной власти полицейским запрещалось проходить службу в родных штатах ²⁷⁹.

Тем не менее, несмотря на описанные выше шаги, межкастовое насилие продолжалось и к середине 1980-х гг. достигло своего пика. Ключевой проблемой, не позволявшей нормализовать ситуацию в стране, стало противостояние далитов и шудр. Основной причиной недовольства последних была государственная социальная политика независимой Индии. В рамках прав, гарантированных Конституцией, разница между далитами и прочими слоями населения устранялась. Но при решении этой проблемы индийское правительство использовало традиционные методы экономического и правового обеспечения, которые являлись продуктом исторического развития западноевропейской цивилизации и плохо соответствовали реалиям Индии. Основной проблемой «неприкасаемых»

---

²⁷⁶ Kaur R. Religion, Violence and Political Mobilization in South Asia. New Delhi: Sage Publications India Pvt., Ltd., 2005. P. 7.

²⁷⁷ Devi A.L. Rural Women: Management in Farm and House. New Delhi: Northern Book Centre, 1988. P. 137.

²⁷⁸ Narula S. Broken People: Violence Against India's "Untouchables". New York: Human Rights Watch, 1999. P. 33

²⁷⁹ Hidden Apartheid caste Discrimination against India's "Untouchables" // Human Rights Watch, 2007. Vol 19. No. 3. P. 4.

были не нищета и не правовая необеспеченность, а дискриминирующее положение в рамках традиционного и высокоспециализированного производства, носившего к тому же замкнутый характер в пределах своих регионов. Поэтому весь комплекс мер, который реализовывался в течение более чем 20 лет, в действительности не решал проблему устранения социального конфликта и не делал общество более интегрированным. Более того, меры политического характера, направленные на улучшение уровня жизни далитов, лишь обостряли отношения с шудрами. Большая часть последних мало чем отличалась от «неприкасаемых» по своему экономическому положению и одним из немногих их преимуществ было превосходство в традиционной социальной иерархии, активно разрушаемой в русле формального права. Поэтому чем лучше становились механизмы так называемой эмансипации далитов, тем хуже было отношение к ним со стороны большей части индийского общества. К середине 1980-х гг. уровень насилия по отношению к далитам достиг своего пика. За 1981-1985 гг. было совершено 75 681 преступление²⁸⁰.

Первые попытки по нормализации ситуации были предприняты еще в 1980 г., когда в Министерстве Внутренних Дел при обсуждении статистических данных поступило предложение от волонтерской комиссии Мандал. Она предложила внести шудр в еще одну категорию населения, требующую развивающих социальных программ. Разумеется, что распространить систему мер, стимулирующих развитие так называемых «социальных меньшинств» на подавляющее большинство населения страны было невозможно в силу самых различных факторов, в том числе и по причине банальной невозможности найти соответствующие средства и социальные ниши в экономике развивающейся страны с незавершенной индустриализацией и перенаселенностью. Однако идея распространения

---

²⁸⁰ Paswan S., Jaideva P. Encyclopaedia of Dalits in India: Human Rights. Delhi: Kalpaz Publications, 2003. P. 174.

льгот и квот хотя бы на часть шудр сулила большие возможности для правительства по манипулированию общественными настроениями²⁸¹.

Но даже удовлетворение потребностей части шудр не позволяло нормализовать ситуацию, т.к. вся совокупность мер, предпринимаемых правительством, не предполагала формирования пространства устойчивого диалога между этими двумя слоями населения и не позволяла им обозначать наиболее острые противоречия и самостоятельно искать компромисса. Для продуктивного развития процесса сближения далитов и «грязных» шудр требовалось не только наладить между ними диалог, но и оформить его в политико-правовом контексте. Решающим шагом в этом направлении стало появление в 1984 г. новой политической силы – партии Бахуджан Самадж, которая сплотила под своей эгидой многочисленные общественные движения и объединения, а также последовательно выступала за переосмысление социокультурных стереотипов восприятия индийских низов.

Принципиальным отличием Бахуджан Самадж от Республиканской Партии была ориентация на формирование как можно более широкого блока социально незащищенных слоев населения, вне зависимости от их кастовой принадлежности. Само слово «бахуджан» означало «большинство», т.е. партия позиционировала себя как отражающая интересы большинства населения. В программных документах организации утверждалось, что она является идеологической продолжательницей истинного социализма Б.Р. Амбедкара²⁸².

После знаменитых событий 1984 г., когда И. Ганди стала жертвой сикхских сепаратистов, центральное правительство находилось в полной растерянности и потому увидело в Бахуджан Самадже возможность стабилизировать ситуацию в стране и сгладить межкастовые противоречия. Еще одним аргументом, способствовавшим быстрому росту популярности

---

²⁸¹ Ghanshyam Shah Social Backwardness and the Politics of Reservations // Caste and Democratic Politics in India. Delhi: Permanent Black, 2002. P. 296-315.

²⁸² Arora N.D. Political Science for Civil Services Main Examination. New Delhi: Tata McGraw Hill Education Pvt. Ltd., 2010. P. 276.

партии и внедрению множества ее предложений в рамках государственной внутренней политики, стала позиция в вопросах патернализма в отношении меньшинств. В своей речи, произнесенной в Аллахабаде в 1988 г., Канши Рам, создатель партии, не без иронии отметил, что в Индии стало слишком много «меньшинств». Если сложить численность «зарегистрированных» каст и племен, «остальных отстающих классов», сикхов, мусульман, парсов, христиан и буддистов, то их совокупность будет насчитывать 85% населения²⁸³. Стало очевидно, что к этому времени социальные низы научились спекулировать своим происхождением с целью доступа к пакету льгот и квот, распространявшихся на «зарегистрированные» касты. Поэтому он раскритиковал политику стимулирования развития меньшинств, поскольку она не способствовала преодолению кастовых конфликтов, а наоборот консервировала их и углубляла. На его взгляд, оптимальным способом решения этой проблемы стало бы поощрение социальной мобильности, создание новых сфер производства, в которых контакты представителей разных общин интенсифицировались бы, и отчужденность общин преодолевалась в процессе повседневной жизнедеятельности естественным образом. Поэтому экономическая программа Бахуджан Самаджа включала такие пункты, как приоритет развития внутреннего рынка и развитие общеиндийских проектов²⁸⁴.

Показателем признания нового подхода стала реформа 1989 г., в рамках которой была кардинально трансформирована правовая база, обеспечивающая соблюдение конституционных норм в отношении низших каст. Под давлением партии Бахуджан Самадж правительственные комиссии по мониторингу ситуации с дискриминацией «зарегистрированных» каст и племен направили в Верхнюю и Нижнюю палаты Парламента объединенный

---

²⁸³ Chandra K. *Why Ethnic Parties Succeed Patronage and Ethnic Head Counts in India*. New York: Cambridge University Press, 2004. P. 157.

²⁸⁴ Ray R, Fainsod Katzenstein M. *Social Movements in India: Poverty, Power and Politics*. Oxford: Rowman and Littlefield Publishers, Inc., 2005. P. 149; Ganguly S., Mukherji R. *India Since 1980*. New York: Cambridge University Press, 2011. P. 171-172.

доклад, в котором прямо указывали на недостатки имеющейся системы. Среди наиболее значимых причин возрастающего насилия были указаны следующие:

1. Кастовая ангажированность судов²⁸⁵. Так, в 1988 г. из 352 судей, занимавшихся рассмотрением дел в отношении межкастового насилия, только четверо были далитами по происхождению²⁸⁶. Естественно, что при таком составе судебных комиссий большинство преступлений продолжали оставаться безнаказанными, формируя у антидалитских активистов ощущение полной безнаказанности²⁸⁷.
2. Большая степень влияния провинциальных высших каст на настроения местных шудр. Разжигаемая ими ненависть к далитам не находила никакого адекватного информационного ответа. Замкнутые сельские джати плохо коммуницировали между собой и потому сближение «остальных отсталых классов» и «зарегистрированных» каст и племен было затруднено²⁸⁸.
3. В законодательном отношении далиты по-прежнему были лишены возможности по организации самообороны. Они не имели права на

---

²⁸⁵ В 1988 г. широкую огласку получил случай, когда судья из Аллахабада публично омыл водой сиденье, на котором сидел его коллега из низшей касты, перед тем как занять это место. Подробнее см.: Hidden Apartheid: Caste Discrimination against India's "Untouchables" // Human Rights Watch short reports, Asia. Vol. 19. New York: New York University School of Law, 2007. P. 54.

²⁸⁶ Kumar J. D. Law, Police and Weaker Sections // Policing India in the New Millennium. Mumbai: Allied Publishers Pvt. Ltd., 2002. P. 436; Hidden Apartheid: Caste Discrimination against India's "Untouchables" // Human Rights Watch short reports, Asia. Vol. 19. New York: New York University School of Law, 2007. P. 54.

²⁸⁷ Например, в 1986 г. в штате Бихар местные крупные землевладельцы организовали дом, в котором массово насиловали женщин из далитских каст в качестве штрафа за несвоевременную уплату земельной ренты. Эта практика производилась при полном поущении и даже участии местной окружной полиции. Подробнее см.: Shinde P. K. Dalits and Human Rights: Dalits and Racial Justice. Delhi: Isha Books, 2005. P. 109.

²⁸⁸ Oommen T.K. Crisis and Contention in Indian Society. New Delhi: Sage Publications India Pvt. Ltd., 2005. P. 132.

ношение и использование оружия даже в экстремальных ситуациях²⁸⁹.

4. Отсутствовало разделение комиссий, проводящих мониторинг, в соответствии с уровнем административной организации. Следствием этого была неэффективная работа при сборе и обработке материала, а также при принятии конкретных решений на его основе. Многие преступления, происходившие в отдаленных провинциях, оставались неизвестны правительству²⁹⁰.

Для улучшения ситуации в 1989 г. был принят Акт о предотвращении насилия. Большая часть его положений касались работы именно с этими причинами. Особенные акценты были поставлены на изменении принципа регистрации преступлений в отношении далитов и контроле над исполнением процессуальных процедур в рамках возбуждаемого уголовного дела производства²⁹¹.

Идеи реформирования системы защиты низших каст от совершаемых в их отношении преступлений, были рассчитаны на постепенную реализацию. Фактически, говорить о практических переменах стало можно только после завершения формирования необходимого слоя профессиональных правоохранителей, не придерживающихся своих локальных кастовых интересов.

Тем не менее, к началу XXI данные статистики показали, что позитивные изменения все же стали происходить. Так, в течение 2002 г. было зарегистрировано 40 281 преступление в отношении далитов и отсталых племен. Эта цифра была больше средних показателей даже для середины 1980-х гг., однако гораздо важнее то, что количество убийств среди них

---

²⁸⁹ Pai S. Development State and the Dalit Question in Madhya Pradesh: Congress Response. New Delhi: Routledge, 2013. P. 23; Thapar-Bjorkert S. Gender and Caste Conflicts in Rural Bihar: Dalit Women as Arm Bearers // The Situated Politics of Belonging. New Delhi: Sage Publications Inc., 2006. P. 127-148.

²⁹⁰ Report of the Commission for Scheduled Castes and Scheduled Tribes // Commission for Scheduled Castes and Scheduled Tribes. India, 1986. P. 26.

²⁹¹ Agrawal S.P., Aggarwal J.C. Information India 1992-93: Global View. New Delhi: Concept Publishing Company, 1994. P. 599.

составило только 938 случаев²⁹². Это позволяет нам сделать вывод о том, что при снижении количества тяжких преступлений стали регистрироваться те случаи, которые ранее просто оставались вне правового пространства.

Еще одним подтверждением эффективности реализации положений нового Акта о защите гражданских прав является доля преступлений, совершенных в отношении «зарегистрированных каст». Даже в самых сложных в этом отношении штатах – Уттар-Прадеш и Мадхья-Прадеш преступления такого рода не превышают 23,7% и 21,5%, соответственно, от общего числа²⁹³. При этом численность «неприкасаемых» и «отсталых племен» в регионах на 2002 г. составляла 22%²⁹⁴ и 20,5%²⁹⁵.

В 1993 г. с приходом правительства А. Сингха произошел настоящий переворот, который открыл представителям низших каст возможность прихода во властные структуры. Принятый новым премьер-министром курс на расширение сотрудничества с партией Бахуджан Самадж выразился в неуклонном росте парламентариев из низших каст (с 32% в 1993 г. до 45% в 1999 г.), а также в снижении уровня преступлений, совершаемых на почве кастовой дискриминации (48 950 в 1986-1990 гг., 36 589 в 1991-1995 гг. и 28 796 в 1996-2000 гг.)²⁹⁶.

В 1997 г. в индийской истории произошло беспрецедентное событие – президентом страны стал выходец из далитской касты параван Кочерил Раман Нараянан. Однако уровень межкастового насилия в отношении «неприкасаемых» до конца XX в. оставался все же достаточно высоким, что позволяет нам говорить о сложной предсказуемости и неэффективности исключительно политических методов решения данной проблемы.

---

²⁹² Bajpal P., Bhandari L., Sinha A. *Social and Economic Profile of India*. New Delhi: Indicus Analytics, 2005. P. 146.

²⁹³ Bajpal P., Bhandari L., Sinha A. *Social and Economic Profile of India*. New Delhi: Indicus Analytics, 2005. P. 147.

²⁹⁴ Rawat R.S. *Reconsidering Untouchability: Chamars and Dalit History in North India*. Indianapolis: Indiana University Press, 2011. P. 5.

²⁹⁵ Pai S. *Development State and the Dalit Question in Madhya Pradesh: Congress Response*. New Delhi: Routledge, 2013. P. 220.

²⁹⁶ Paswan S., Jaideva P. *Encyclopaedia of Dalits in India: Human Rights*. Delhi: Kalpaz Publications, 2003. P. 171.

Завершая анализ становления далитских общественных движений в качестве социальных субъектов во второй половине XX в., необходимо отметить следующее:

1. В первое десятилетие существования независимой Индии далитскими лидерами были достигнуты определенные успехи в деле эмансипации многочисленных «неприкасаемых» каст. Наметился ряд сценариев массовой «санскритизации», основанной либо на политической активности масс, либо на их религиозной конверсии (в буддизм). Появилась правовая база, регулировавшая межкастовые конфликты. Однако ключевая проблема – построение единой для всего пространства Индии идентичности «неприкасаемых» и их включения в активную социальную жизнь современного общества осталась не решенной.
2. Государственная социальная политика, проводившаяся в отношении «зарегистрированных» каст и племен, несмотря на прогрессивность законодательства, не дала положительных результатов, прежде всего, по причине недостаточного внимания к традиционному социокультурному контексту. Более того, предоставление все новых льгот и квот для далитов дало обратный эффект и спровоцировало межкастовые конфликты, в первую очередь, с кастами сходного экономического статуса («грязных» шудр).
3. Определенные положительные перемены в вопросе влияния общественно-политических организаций далитов на качество жизни и безопасность «неприкасаемых» стали происходить только со второй половины 1980-х гг. Ключевой причиной этого стала широкая социальная консолидация с представителями «грязных» шудр. Важную роль в этом сыграли мероприятия, направленные на отказ от локальной кастовой идентичности и попытка опереться на социокультурную и экономическую близость между этими двумя крупными группами населения.

2.3. Влияние локального контекста на современный социокультурный статус основных далитских каст

Формирование адекватных оценок положения «неприкасаемых» этнокастовых сообществ современности принципиально невозможно без анализа комплекса социокультурных и политических, религиозных факторов, влияющих на их место в социальной иерархии, а также наиболее острых проблем в тесной связи с территориальной спецификой каждого конкретного региона. Обусловлено это, прежде всего, тем, что индийское общество исторически сформировалось как многоукладная агломерация локальных социальных пространств. Как мы показали выше, положение далитских джати может существенно варьироваться в зависимости от места их проживания. Рассмотрим это на конкретных примерах.

Для данного исследования нами были выбраны три штата: Уттар-Прадеш, Ассам и Тамилнад. Каждый из этих штатов обладает ярко выраженной спецификой, позволяющей рассмотреть особенности социокультурного развития «неприкасаемых» каст. Для штата Уттар-Прадеш характерна максимальная в Индии доля далитов от общей численности штата; для штата Ассам, наоборот, – минимальная численность. Тамилнад выделяется своей ярко выраженной этнокультурной обособленностью, что постулирует актуальный вопрос о соотношении этнического и социального в идентичности далитских общин.

Уттар-Прадеш является одним из самых населенных в стране. На 2001 г. в нем проживало 166 198 000 человек. Среди них к «зарегистрированным» кастам и племенам относилось 35 148 000 человек, что составляло 21% от населения ²⁹⁷. Характерной чертой штата Уттар-Прадеш является не только численность далитов, но и их крайняя кастовая раздробленность. «Неприкасаемые» сгруппированы в 66 «зарегистрированных» каст и племен.

---

²⁹⁷ Statistics of Uttar Pradesh // Census of India 2001. Uttar Pradesh Government. [Режим доступа]: <http://upgov.nic.in/upstateglance.aspx>

Важнейшей спецификой далитов данного региона является классическая для кастовой системы жесткая хозяйственная специализация отдельных джати. Система «джаджмани» здесь является наиболее ортодоксальной и потому для исследователей кастовой системы служит, своего рода, «идеальным» примером объекта исследования. В силу высокой специализации встречаются крайне немногочисленные эндогамные группы, такие, как, уличные и храмовые музыканты, чья численность составляет всего 640 человек ²⁹⁸. При этом *баджги* делятся на ряд готр: *ауджи* (барабанщики), *даса* (мигранты с юга, вероятнее всего, из штата Тамилнад, интегрировавшиеся в касту), *джумарья* и *дхоли* (аналогичная миграция из штата Раджастхан) ²⁹⁹. Заметим, что среди готр этой касты только *ауджи*, по всей видимости, являются автохтонами ³⁰⁰. Прочие готры сформировались в результате миграций. Причем, *джумарья* в ее процессе еще и поменяли свою деятельность. В Раджастхане они занимались традиционным солеварением ³⁰¹.

Помимо *баджги*, существуют и еще менее многочисленные касты, например: *гхарами* (184 человека) и *лалбеги* (299). Первые занимаются плетением циновок, корзин и прочих предметов, используемых в традиционном хозяйстве, вторые – подметанием улиц. По своему происхождению *гхарами* являются мигрантами из штата Харьяна, где они были частью касты *кахаров*, занимающихся лодочными перевозками и относящихся к шудрам. Однако в данном случае мы имеем дело не с понижением в социальном статусе вследствие маргинализации и потери прежних контактов в процессе интеграции в новую локальную систему

---

²⁹⁸ Tables // Census of India 2001. India Government. [Режим доступа]: http://censusindia.gov.in/Tables_Published/SCST/scst_main.html

²⁹⁹ Hasan A., Das J.C. People of India. Uttar Pradesh. Vol. XLII. New Delhi: Manohar publications, 2005. P. 1334-1338.

³⁰⁰ Alter A. Dhol Sagar: Aspects of Drum Knowledge amongst Musicians in Garhwal, North India. [Режим доступа]: chrome-extension://oemmndcblldboiebfnladdacbfmadadm/http://himalaya.socanth.cam.ac.uk/collections/journals/ebhr/pdf/EBHR_24_03.pdf

³⁰¹ Jhumaria Parmer // People Groups of India. [Режим доступа]: <http://www.peoplegroupsindia.com/tag/jhumaria-parmer/>

«дждаджмани», а с сознательным выбором общины. Это типичный пример спекуляции своим происхождением, направленной на получение пакета льгот, полагающихся «неприкасаемым»³⁰².

Поскольку рассмотрение всех «зарегистрированных» каст и племен штата Уттар-Прадеш неоправданно увеличило бы объем данного исследования, то мы просто проанализируем особенности социального статуса и хозяйственной специализации наиболее крупных «неприкасаемых» джати и посмотрим, актуальны ли для них сделанные нами выводы.

Самой многочисленной «зарегистрированной» кастой штата Уттар-Прадеш, несомненно, являются *чамары* (19 803 000 человек), за ними следуют *наси* (5 597 000), *дохоби* (2 184 000) и *кори* (2 000 000)³⁰³. Прочие касты составляют менее 5% от числа «неприкасаемых» региона и потому их трудно отнести к крупным социальным группам. Рассмотрим эволюцию социальных позиций этих джати.

Чамары насчитывают около 50 миллионов человек. Место их проживания не ограничивается штатом Уттар-Прадеш, но распространяется на ряд северных регионов страны (Пенджаб, Харьяна, Химачал-Прадеш, Бихар и т.д.), а также на территорию Пакистана и Непала³⁰⁴. Для этой касты характерна достаточно высокая политическая активность, особенно в последние десятилетия XX в. Естественно, что в экономическом и хозяйственном плане столь крупную группу невозможно рассматривать как гомогенную.

Традиционным занятием *чамаров* было кожевенное производство. В период британского правления администрация поощряла создание крупных

---

³⁰² Rose A. A Glossary of the Tribes and Castes of Punjab and North West Frontier Province. Vol. II. New Delhi: General books LCC, 2010. P. 284.

³⁰³ Statistics of Uttar Pradesh // Census of India 2001. Utter Pradesh Government. [Режим доступа]: <http://upgov.nic.in/upstateglance.aspx>

³⁰⁴ Rawat R.S. Reconsidering Untouchability: Chamars and Dalit History in North India. Indianapolis: Indiana University Press, 2011. P. 20.

«традиционных мануфактур» в виде отдельных поселений *чамаров*³⁰⁵. С ростом городов данной касты были созданы крупные кожевенные предприятия. Из относительно гомогенной прежде среды стали выделяться семьи капиталистов, характеризующиеся негативным отношением к «санскритизации».

Помимо традиционного кожевенного производства деятельность *чамаров* охватывает практически все, что относится к сфере легкой промышленности региона. В последнее время особенное развитие получило ткачество, которое в соответствии с индуистскими представлениями является более «чистой» деятельностью, чем обработка кожи. Занимающиеся производством тканей *чамары* образуют подкасту так называемых *джулаха чамаров*, претендующих на статус самостоятельной касты³⁰⁶.

В последнее десятилетие XX в. *чамары* столкнулись с проблемой безработицы. Вообще для кастового общества данное явление не является сколько-нибудь характерным, т.к. каждая джати естественным способом регулирует свою численность в соответствии с нишей в системе «джаджмани». Однако со второй половины XX в. *чамары* вследствие широкого распространения у них антикастовых учений Ад Дхарм Мандала и Равидассии перестали придерживаться строгих эндогамных норм. Их общины стали стремительно увеличиваться за счет поглощения малых джати, чья деятельность перестает быть востребованной и приводит к маргинализации членов подобных общин.

Таким образом, стремительное расширение касты *чамаров* привело к тому, что к началу XXI в. они составляли 56% от всех «зарегистрированных» групп населения штата. Естественно, что даже самое стремительное развитие кожевенной промышленности и связанных с ним отраслей производства не позволяет обеспечить нужды многочисленной касты. Вследствие этого основная масса *чамаров* пошла по двум принципиальным путям обеспечения

---

³⁰⁵ Rawat R.S. Reconsidering Untouchability: Chamars and Dalit History in North India. Indianapolis: Indiana University Press, 2011. P. 116.

³⁰⁶ Pruthi R.K. Indian Caste System. Delhi: Tarun Offset Printers, 2004. P. 189.

своих материальных потребностей. В крупных городах маргиналы из числа данной касты организуют крупные преступные сообщества, которые по своей сути являются самостоятельными кастами, но по очевидным причинам продолжают причислять себя к *чамарам*. В сельской местности они вынуждены прибегать к батрачеству, подвергаясь жесточайшей эксплуатации. Примечательно, что значительная часть преступлений на кастовой почве в регионе происходит именно в отношении подобных сезонных работников из числа *чамаров*³⁰⁷.

Стремительный рост численности *чамаров*, произошедший в период независимого существования Индии, сказался и на замедлении темпов роста их образованности. По данным неправительственной комиссии в 1998 г. среди всех *чамаров* штата «имеющими образование» отметили себя 68% мужчин и 45% женщин. Высшим образованием владели среди них только 2% мужчин. Кроме того, по словам члена этой комиссии Я. Суреша «многие из тех, кто отметил себя как образованных, в действительности умеют только читать и писать»³⁰⁸. Тем не менее, качество последнего определяет социальную мобильность внутри касты³⁰⁹.

Таким образом, *чамары* являются не только самой крупной «неприкасаемой» кастой штата, но и олицетворяют собой наиболее типичные проблемы и особенности современных индийских далитов. Показательно, что для них характерен постепенный уход от норм кастового строя.

Каста *паси* не является автохтонной для штата Уттар-Прадеш, однако время ее проживания в регионе насчитывает очень продолжительное время, как минимум со времен становления сикхской державы³¹⁰. Традиционным родом деятельности *паси* было маслоделание. Но в период земельных

---

³⁰⁷ Lerche J. Politics of the Poor: Agricultural Labourers and Political Transformations in Uttar Pradesh // Rural Labour Relation in India. New York: Routledge, 1999. P. 182-242.

³⁰⁸ Ciotti M. Retro-Modern India: Forging the Low-Caste Self. New Delhi: Routledge, 2010. P. 125.

³⁰⁹ Ciotti M. Retro-Modern India: Forging the Low-Caste Self. New Delhi: Routledge, 2010. P. 126.

³¹⁰ Pasi // People Groups of India. [Режим доступа]: <http://www.peoplegroupsofindia.com/profiles/pasi/>

реформ, проводившихся в северной Индии британской Ост-Индской компанией, члены данной касты стали массово заниматься сезонным батрачеством. В начале XX в. стали известны первые случаи приобретения относительно крупных земельных наделов патриархальными семьями *паси*³¹¹. К моменту обретения Индией независимости маслоделание уже перестало быть основной хозяйственной специализацией касты, а мелкое землепользование не гарантировало устойчивых позиций в системе «джаджмани». Во время урбанизации, ускорившейся во второй половине XX в. множество *паси* мигрировало из сельской местности в города, особенно в крупные мегаполисы, такие как Лакноу. Здесь они в основном занимаются мелким бизнесом, работают в качестве рабочих на крупных индустриальных предприятиях, а также являются работниками государственных и частных социальных служб³¹².

Важнейшей особенностью касты *паси* является неуклонное следование традициям эндогамии. Кроме того, сохранение элементов системы «джаджмани» способствует происходящему в настоящий момент дроблению касты и обособлению отдельных готр. Так, сохранившиеся в сельской местности общины, продолжающие заниматься маслоделанием и обработкой земли в самом штате называются *тирсулия*, мелкие предприниматели – *гаудуха*, рабочие – *камани*, и работники социальных служб – *бьядха*³¹³. Эти наименования при повседневном обсуждении встречаются гораздо чаще, чем термин *паси*, который уходит в сферу правового общения, а также указывает на общность происхождения общин. *Паси* имеют самый низкий показатель

---

³¹¹ People of India: Maharashtra. Vol. XXX, Part 3. Mumbai: Popular Prakashan Pvt., Ltd., 2004. P. 1684.

³¹² People of India: Bihar. Vol. XVI, Part 2. Mumbai: Popular Prakashan Pvt., Ltd., 2005. P. 759-765.

³¹³ People of India: Uttar Pradesh. Vol. XLII, Part 3. Mumbai: Manohar Publishers & Distributers, 2005. P. 1133.

грамотности среди «зарегистрированных» каст штата: 25,14% мужчины и 4,68% женщины³¹⁴.

Дхоби являются очень древней кастой, широко распространенной в северо-западной Индии и встречающейся в таких штатах как Уттар-Прадеш, Пенджаб, Раджастхан, Махараштра, Харьяна, Андхра-Прадеш и Тамилнад. Их основным традиционным занятием является стирка белья. Заметим, что в ортодоксальных кастовых отношениях использование чистой, тщательно отстиранной одежды было прерогативой исключительно высших каст, принадлежавших к варнам брахманов и кшатриев. В связи с этим *дхоби*, несмотря на свой низкий статус, пользовались множеством мелких бытовых привилегий. По этой причине у касты сформировалась корпоративная гордость и нежелание принимать к себе новых членов. Для вступления в нее даже представители изгнанных вышестоящих джати должны проходить достаточно унижительный ритуал инициации, состоящий в поедании используемого при стирке «мыльного» ореха³¹⁵.

Тем не менее, даже получившая широкое распространение «санскритизация» средних слоев штата Уттар-Прадеш не позволяет полностью сформировать рынок таких весьма специфических услуг. Поэтому некоторые общины *дхоби* в последние десятилетия XX в. были вынуждены менять специфику своей деятельности. В большей степени это относится к проживающим в сельской местности. В западной части штата, где деревенские *дхоби* встречаются чаще, эта каста перешла к обработке земли. Примечателен высокий уровень самоорганизации их общин. Даже проживая в деревнях с несколькими кастами, они в течение 1990-х гг. сформировали свои собственные панчаяты и добились политического представительства. Социологические опросы, проводимые в этих районах штата, показывают,

---

³¹⁴ Khatoon F. A Regional Analysis of Literacy and Educational Level of Scheduled Castes in Uttar Pradesh // Journal of Humanities and Social Science. 2013. Vol. 6, Issue 4. P. 8-19.

³¹⁵ Dube S. Untouchable Pasts: Religion, Identity, and Power among a Central Indian Community, 1780-1950. New York: State University of New York Press, 1998. P. 63.

что они фактически пошли по пути «санскритизации», т.к. окружающие их касты более не рассматривают *дохоби* как «неприкасаемых»³¹⁶.

Наиболее любопытной спецификой современных *дохоби* штата Уттар-Прадеш является открыто провозглашенная ими экзогамия, позволяющая заключать браки с представителями других каст. Поэтому их современные готры являются не более чем территориальным делением касты³¹⁷.

Завершая обзор «зарегистрированных» каст штата, необходимо остановиться на *кори*. Эта джати традиционно специализируется на ткачестве хлопчатобумажной ткани. Каста является достаточно крупной и встречается в нескольких штатах: Уттар-Прадеш, Махараштра, Мадхья-Прадеш и Орисса. Ее происхождение весьма туманно и не имеет подтвержденных данных. Однако сами *кори* считают себя потомками брахманов или кшатриев³¹⁸. Большинство членов касты характеризуется минимальным количеством дравидийских черт, поэтому данная версия может иметь под собой реальные основания³¹⁹. Кроме того, заметим, что в Индии ткачи чаще всего являются шудрами³²⁰, т.е. в данном случае, вероятно, имело место понижение в статусе до «неприкасаемых».

В современной Индии традиционное ткачество не позволяет касте полностью удовлетворять свои потребности, поэтому в данном случае мы также встречаем примеры урбанизации *кори*. Тем не менее, в сельской местности они продолжают придерживаться прежних занятий, но не избегают и обработки земли. Главной их проблемой является практически полное отсутствие автоматизированного производства, что делает их труд крайне неэффективным и неконкурентоспособным.

---

³¹⁶ Kumar R. Encyclopedia of Untouchables Ancient, Medieval and Modern. Delhi: Kalpaz Publications, 2008. P. 347-349.

³¹⁷ People of India: Haryana. Vol. XXIII. Mumbai: Manohar Publishers & Distributers, 2005. P. 149-153.

³¹⁸ Kori // People Groups of India. [Режим доступа]: <http://www.peoplegroupsindia.com/profiles/kori/>

³¹⁹ Kumar R. Encyclopedia of Untouchables Ancient, Medieval and Modern. Delhi: Kalpaz Publications, 2008. P. 410.

³²⁰ Sadasivan S.N. A Social History of India. New Delhi: A.P.H. Publishing Corporation, 2000. P. 276.

Интересной особенностью касты *кори* является ее программа саморазвития. Несмотря на то, что уровень грамотности в среднем не превышает 45% у мужчин и 25% у женщин ³²¹, это сообщество оказалось способным преодолеть одно из важнейших препятствий на пути к оптимальному развитию индийских сообществ – неконтролируемый рост численности. С начала 2000-х гг. *кори* перешли к активному планированию семьи, сознательно ограничивая свою рождаемость. В городах все чаще стали встречаться нуклеарные семьи. При этом каста сохраняет свою эндогамность, но готры, составляющие ее, экзогамны по отношению друг к другу. Результатом такой политики стало уменьшение темпов роста численности касты. Если для всего штата характерен рост примерно 20% в течение 2001-2011 гг., то *кори* увеличились только на 5% ³²². Подобная оригинальная стратегия, как вариант «санскритизации», стала приносить первые результаты. Уже в 2006 г. каста *кори* стала демонстрировать очень высокие темпы экономического развития, примерно вдвое опережая аналогичные показатели у *дхоби* ³²³. В этой связи примечательно, что в индийской “Times” в 2011 г. по результатам переписи и комплексного экономического мониторинга прозвучало предложение вычеркнуть касту *кори* из списка «зарегистрированных» и отнести ее даже не к «остальным отстающим» (формальное обозначение шудр), а к «средним» слоям ³²⁴.

---

³²¹ Khatoon F. A Regional Analysis of Literacy and Educational Level of Scheduled Castes in Uttar Pradesh // Journal of Humanities and Social Science. 2013. Vol. 6, Issue 4. P. 6-7.

³²² Uttar Pradesh // Census of India 2011. Provisional Population totals. Government of India. Lucknow: Swastika Pvt., Ltd., 2011. P. 30-33.

³²³ Mohammad N. Socio-Economic Transformation of Scheduled Castes in Uttar Pradesh. New Delhi: Concept Publishing Company, 2006. P. 136.

³²⁴ Tripathi A. UP government has clarified that kori caste is considered as scheduled caste and certificates are being issued to the people belonging to the particular caste. The government spokesman denied allegation of opposition parties that koris have been dropped from the list of scheduled castes // Times of India. Feb, 19, 2011. [Режим доступа]: <http://timesofindia.indiatimes.com/home/UP-government-has-clarified-that-kori-caste-is-considered-as-scheduled-caste-and-certificates-are-being-issued-to-the-people-belonging-to-the-particular-caste-The-government-spokesman-denied-allegation-of-opposition-parties-that-koris-have-been-dropped-from-the-list-of-scheduled-castes-/articleshow/7527196.cms>

Подводя итоги краткому анализу положения «неприкасаемых» каст штата Уттар-Прадеш, необходимо сделать ряд существенных выводов.

Вся совокупность рассматриваемых нами слоев населения не представляет собой жесткой структуры. Несмотря на то, что ряд джати продолжают придерживаться эндогамии, говорить о прежней замкнутости каст достаточно сложно. Особенно далеко процесс размывания кастовых границ зашел в городской среде, что, подтверждается большинством исследователей данной проблемы.

Некогда мощная система «джаджмани» перестает выполнять системообразующую роль для индийского общества. Как мы видим на примере штата Уттар-Прадеш примерно половина представителей тех или иных каст вынуждена искать себе работу вне традиционного хозяйствования. Это означает, что текущее положение вещей, в котором эндогамность большинства каст продолжает оставаться несокрушимой, может оказаться лишь переходным этапом к обществу совершенно иного типа. Ключевую роль в этом процессе, несомненно, играет усиливающаяся урбанизация, а также увеличение степени грамотности (см. Приложение 5).

Любопытной чертой малых «зарегистрированных» каст штата Уттар-Прадеш является их крайне маргинальный характер и слишком малая численность. Фактически мы имеем дело не с настоящими кастами, а с сознательными спекуляциями происхождением небольших общин.

Самой острой проблемой штата, по нашему убеждению, является плохо контролируемая демографическая ситуация и стремительный рост численности населения. Эта тенденция практически полностью нивелирует борьбу за улучшение качества жизни и повышение уровня образованности далитов. С другой стороны, нельзя не отметить, что современный рост численности создает мощный вызов, ломающий систему «джаджмани» и открывающий пространство для действительного построения бескастового общества.

Переходя к анализу ситуации в штате Ассам, мы постараемся проследить, являются ли полученные нами выводы о штате Уттар-Прадеш признаком неких общеиндийских тенденций в развитии социального пространства, или же они остаются не более чем региональной спецификой.

К 2001 г. в Ассаме проживало 26 450 000 человек, среди них далиты составляли 1 826 000, или 6,9%, что является минимальным показателем для Индии. В таком контексте достаточно естественным является и их меньшее кастовое разнообразие. Там зарегистрировано только 17 соответствующих джати. К самым многочисленным из них можно отнести *каибарта* (582 000 человек), *намасудр* (556 000) и *патни* (152 000). Прочие касты насчитывают менее 100 000 человек и, соответственно, не превышают 5% от численности «неприкасаемых» штата. В то же время, в отличие от штата Уттар-Прадеш редко встречаются малые касты: *лалбеги* (552 человека), *махара* (1725 человек), *дугла* (6346 человек)³²⁵.

Каибарта является очень старой кастой и широко распространена не только в Ассаме, но и в Бихаре, Ориссе, а также в Бангладеше. Их традиционным занятием было рыболовство. Заметим, что подобная деятельность, относящаяся к сфере присваивающего хозяйства, в индийском сообществе характерна для отсталых племен, а не каст. Тем не менее, в Бенгалии значительная часть *каибарта* пошла по пути «санскритизации». Получив, в рамках осуществляемой англичанами земельной реформы, небольшие наделы и перейдя к земледелию, с течением времени, утратили свой маргинальный статус. Эта подкаста в настоящее время называется *хеле каибарта*, в то время как сохранившие приверженность традиционному рыболовству – *джеле каибарта*³²⁶. Собственно, последней мы и коснемся.

---

³²⁵ Assam. Data highlights: The Scheduled Castes // Census of India 2001. Government of India. [Режим доступа]: chrome-extension://oemmndcblldboiebfnladdacbfmadadm/http://censusindia.gov.in/Tables_Published/S_CST/dh_sc_assam.pdf

³²⁶ Chakrabarty B. Local Politics and Indian Nationalism: Midnapur (1919-1944). New Delhi: Manohar Publishers, 1997. P. 62-67.

По своей сути данная группа относится скорее к отсталым племенам, основные районы проживания составляющих ее общин находятся в относительно высокой изоляции от прочих сообществ штата. 85% членов касты *каибарта* проживают в сельской местности, в монокастовых деревнях. Причем в силу высокой изолированности они мало контактируют с представителями других каст, особенно с шудрами. Одним из важнейших следствий такого положения является совершенно неопределенный статус *каибарта*. По данным социальных опросов большинство представителей штата Ассам затрудняются с определением их точных позиций в социальной иерархии, что может быть обусловлено их прежним племенным статусом. Кроме того, никакой особой напряженности и преступлений в отношении *каибарта* не фиксируется³²⁷.

Их основной деятельностью продолжает оставаться рыболовство, однако, поставленное на современный лад. Ее осуществляет несколько локальных корпораций, обладающих сетевыми торговыми представительствами. Членами корпораций являются представители касты *каибарта*. В последние несколько десятилетий, в связи со стремительным ростом численности населения Ассама, спрос на продовольствие неуклонно растет и это улучшает экономические позиции сообществ, занятых в сфере его производства³²⁸.

Каибарта отличается высоким уровнем самоорганизации. Поэтому получаемые ими в последнее время дополнительные прибыли от продажи рыбы в основном используются для повышения уровня образования. В 2001 г. среди мужчин касты грамотными являлись 80,5%, среди женщин – 63,3%, что является очень высоким показателем для «зарегистрированных»

---

³²⁷ Mahanta K.C. North-East India: The Horizon of Anthropology. Delhi: Kalpaz Publications, 2008. P. 187.

³²⁸ Niyogi T.K. Fisher Folk of the Sundarbans // In the Lagoons of the Gangetic Delta. New Delhi: Mittal Publications, 2010. P. 213-231.

каст³²⁹. Примечательно, что когнитивная эволюция сообщества сказывается и на происходящей в последнее время трансформации повседневного образа жизни. Преобладающим типом семей становятся нуклеарные, уменьшается рождаемость, равно как и детская смертность. Особенный интерес вызывает трансформация свадебных церемоний. На смену массовому мероприятию с сотнями гостей пришел европейский кулуарный формат торжества³³⁰. Вместе с тем значительно улучшилось питание и, как следствие, антропометрические характеристики членов касты: рост, выносливость, невосприимчивость к заболеваниям³³¹.

Однако *каибарта* продолжает оставаться замкнутой кастой, придерживающейся эндогамии. Исключения делаются только для браков между готрами *джеле* и *хеле* (что даже не вызывает ни у кого особенного недоумения, несмотря на их разный варновый статус), а также в случае выхода девушек замуж за членов вышестоящих каст.

В целом можно сказать, что данная каста является одним из классических примеров сообщества, идеально вписанного в ландшафт своего проживания. Поэтому даже ускорение экономического и социального развития не способны оказаться теми факторами, которые бы вынудили *каибарта* урбанизироваться и прекратить свои традиционные занятия.

Второй по численности среди «зарегистрированных» каст штата Ассам являются *намасудры*. В социокультурном отношении они являются, своего рода, лицом далитов данного региона. Выше в нашей работе мы уже давали краткую характеристику их хозяйственной специализации и социального

---

³²⁹ Assam. Data highlights: The Scheduled Castes // Census of India 2001. Government of India. [Режим доступа]: chrome-extension://oemmndcbldboiebfnladdacbfmadadm/http://censusindia.gov.in/Tables_Published/S_CST/dh_sc_assam.pdf

³³⁰ Sarma C., Irshad Ali A.N.M. The Kaibartas: A Fishing Community of Assam, Their Society and Economy // Journal of Human Ecology. 2005. No. 17 (3). P. 205-209.

³³¹ Basu D., Islam G., Gogoi R., Dey S., Deori J. Child's growth and nutrition status in two communities – Mishing tribe and Kaibarta caste of Assam, India // International Journal of Sociology and Anthropology. 2014. Vol. 6 (2). P. 59-69.

статуса. Поэтому здесь сосредоточимся на анализе изменений, происходящих в этих сферах в последнее время.

В конце XX – начале XXI вв. *намасудры* твердо стали на курс «санскритизации», который был заложен еще в рамках политики Ассоциации Намасудр. Так, в 1960-1970-х гг. они были несомненными лидерами в сфере интеллектуального производства среди «зарегистрированных» каст. *Намасудры* составляли от 80 до 90% всех далитов, работающих в народном образовании, медицине и осуществлявших христианскую миссионерскую деятельность³³². Однако вместе с упадком Республиканской партии Индии, произошедшим в 1980-х гг., они также потеряли лидерские позиции в процессе эмансипации низших каст северо-восточной части Индии. Примечательно, что среди причин начавшегося отставания в развитии стала преждевременная и слишком интенсивная урбанизация касты. В результате миграции в города наиболее активной части *намасудр*, оставшиеся были серьезно потеснены в освоенных ими сферах производства (лодочные перевозки, рыболовство, сельское хозяйство и пр.) более сплоченными общинами *каибарта*³³³. В свою очередь, переселившиеся в города *намасудры* не смогли сформировать там самостоятельного и устойчивого сектора производства и оказались раздавлены усилившейся конкуренцией между работниками сферы услуг³³⁴.

Следствием утраты стабильной хозяйственной ниши стало падение интереса к интеллектуальной деятельности и общее снижение уровня грамотности (см. Приложение 6). В 2001 г. они продемонстрировали низкие

---

³³² Ben Rees D. *Vehicles of Grace & Hope: Welsh Missionaries in India 1800-1970*. New York: William Carey Library, 2002. P. 156.

³³³ Thakar A.V. *Harijans Manufactured in Tea Estates of Assam // Discovery of north-East India: Geography, History, Culture, Religion, Politics, Sociology, Science, Education and Economy. Assam. Vol. 5. Assam – Economy, Society and Culture*. New Delhi: Mittal Publication, 2005. P. 25-30; Sinha A.K., Chakraborty G., Bhattacharya C. and Datta P.S. *Assam // Socio-Economic Profile of Rural India: North-East India (Assam, Manipur, Tripura, Nagaland)*. New Delhi: Concept Publishing Company, 2004. P. 1-70.

³³⁴ Hardiman D., Mukharji P.B. *Medical Marginality in South Asia: Situating Subaltern Therapeutics*. New York: Routledge, 2012. P. 100-101.

показатели грамотности – 70,1% у мужчин и 49,4% у женщин ³³⁵. Заметим, что это соответствует 10-му месту из 17 имеющихся в штате Ассам.

Мы с полным основанием можем утверждать, что пример деградации касты *намасудр* очень показателен, т.к. убедительно демонстрирует высокое значение сохранения узкой хозяйственной специализации в индийском социальном пространстве. Подтверждением этому является и тот факт, что среди урбанизированной части касты была предпринята попытка сформировать новое сообщество, специализирующееся на постиндустриальном информационном производстве. Было даже выбрано новое самоназвание «*намасседж*», в котором не содержалось указывающей на низкий статус приставки «судра». Однако созданный ими электронный ресурс сплотил только 85 человек, причем подавляющее большинство из них оказались успешными мигрантами, уехавшими со своими семьями в крупные мегаполисы, в основном в Калькутту ³³⁶. Таким образом, говорить о возможностях действительной «санскритизации» хотя бы части *намасудр* невозможно.

Последней из крупнейших «зарегистрированных» каст штата Ассам является *патни*. Это очень специфическое сообщество, относящееся к джайнистскому социокультурному ареалу. Они также делятся на крупные эндогамные группы, но не распространяют никаких дискриминирующих практик на находящиеся на более низких социальных позициях. *Патни* штата Ассам потеряли связь с общеиндийским джайнистским сообществом и потому подверглись локальной маргинализации.

Относительно их первоначального статуса не существует никаких достоверных исторических данных. Сами *патни* рассматривают себя как выходцев из кшатриев и по праздникам надевают соответствующие одежды.

---

³³⁵ Assam. Data highlights: The Scheduled Castes // Census of India 2001. Government of India. [Режим доступа]: chrome-extension://oemmndcblldboiebfnladdacbfmadadm/http://censusindia.gov.in/Tables_Published/S_CST/dh_sc_assam.pdf

³³⁶ People list belonging to Namasudra samaj community // Namassej (Namasudra) Samaj. [Режим доступа]: http://namasudra.com/index.php?id=5&no_cache=1

Большинство браков у *патни* заключаются еще в детстве, что также характерно для высших каст и очень редко встречается у низших. Представители прочих каст штата относятся к ним нейтрально или даже положительно. В то же время, брахманы региона крайне негативно воспринимают *патни*, провоцируя конфликты с ними, и всячески подчеркивают их «неприкасаемый» статус в повседневном общении³³⁷. В пользу поздней маргинализации свидетельствует и отсутствие высокоспециализированного производства, характерного для данной касты. Во второй половине XX в. основными занятиями были выращивание чая, рыболовство и осуществление грузовых перевозок с помощью лодок³³⁸.

Среди важнейших проблем, с которыми сталкивается данная каста необходимо отметить крайне неустойчивое положение в системе регионального производства. Не обладая никакой монополией, они в каждом из направлений своего хозяйствования находятся в состоянии ожидания глубокого кризиса. Причем, если в сфере рыболовства или речного транспорта они имеют мощных конкурентов в лице более многочисленных *намасудр* и *каибарта*, то добиться приоритета в производстве чая им мешает отсутствие собственности на обрабатываемую землю³³⁹. Уровень грамотности *патни* достаточно высокий – 81,5% мужчин и 69,9% женщин³⁴⁰.

Необходимо отметить, что политика саморазвития касты осуществляется достаточно специфическим образом – через сферу политического представительства. К концу XX в. *патни* стали одним из заметных элементов социальной базы новой политической партии, отстаивающей интересы низов – Бахуджан Самадж. Учитывая, что данная

---

³³⁷ Mukherjee R. The Dynamics of a Rural Society. Delhi: Popular Prakashan, 1957. P. 117.

³³⁸ Hazarica B.K. Core Problems of the Scheduled Castes of Assam. Dispur: Assam Institute of Research for Tribals and Scheduled Castes, 1995. P. 21.

³³⁹ Singh S.N. Socio-Economic and Political Problems of Tea Garden Workers: A Study of Assam. New Delhi: Mittal Publications, 2006. P. 88, 110.

³⁴⁰ Assam. Data highlights: The Scheduled Castes // Census of India 2001. Government of India. [Режим доступа]: [chrome-extension://oemmndcbldboiebfnladdacbfmadadm/http://censusindia.gov.in/Tables_Published/S_CST/dh_sc_assam.pdf](http://censusindia.gov.in/Tables_Published/S_CST/dh_sc_assam.pdf)

партия делает ставку на интеграцию «зарегистрированных» и «остальных отсталых» каст, *патни* имеют непропорционально большое для своей численности количество политиков – до 20% от регионального представительства Бахуджан Самадж³⁴¹.

Следуя выбранной нами схеме анализа кастовой системы региона, перейдем к рассмотрению малых джати штата Ассам.

Каста *дугла* или *дхоли* является классическим примером малых «неприкасаемых» джати. Эта общность специализируется на игре на музыкальных инструментах и рассказах историй местного фольклора в публичных местах³⁴². Важнейшей чертой, характеризующей позиции *дугла* в штате Ассам, является их очень низкая позиция в местной социальной иерархии³⁴³. Низкий уровень грамотности *дугла/дхоли*, вне всяких сомнений, указывает на это – 64,3% мужчин и 40,3% женщин³⁴⁴. Подобная ситуация характерна для классических индуистских представлений о месте уличных музыкантов и сказителей в системе социального производства. Выше мы упоминали о наличии в штате Уттар-Прадеш некоторых готр *дхоли*. Заметим, что данная каста относится к так называемой группе каст *дом*, специализирующихся на самых различных случайных заработках и ведущих кочевой образ жизни³⁴⁵. Наиболее знаменитые представители *дома* широко известны в Европе под именем цыган. Образ жизни последних как нельзя лучше характеризует специфику социально-экономического развития аналогичных каст Индии для отечественной аудитории.

---

³⁴¹ Das S. Impact of democratic politics on caste with special reference to the Patnis or Cachar // Journal of Humanities and Social Science. 2014. Vol. 19, Issue 1. P. 19-23.

³⁴² Blunt E.A.H. The Caste System of Northern India. Delhi: ISHA Books, 2010. P. 141.

³⁴³ Neuman D.M. The Life of Music in North India. Chicago: University of Chicago Press, 1990. P. 243.

³⁴⁴ Assam. Data highlights: The Scheduled Castes // Census of India 2001. Government of India. [Режим доступа]: [chrome-extension://oemmndcbldboiebfnladdacbfmadadm/http://censusindia.gov.in/Tables_Published/S_CST/dh_sc_assam.pdf](http://censusindia.gov.in/Tables_Published/S_CST/dh_sc_assam.pdf)

³⁴⁵ People of India: Uttar Pradesh. Vol. XLII, Part 3. Mumbai: Manohar Publishers & Distributers, 2005. P. 1483.

Ассамская каста *махара* имеет спорное происхождение. Существуют свидетельства как маргинализации брахманов-саньяси ³⁴⁶, так и миграции части касты *махар* из Махараштры ³⁴⁷. Веским аргументом в пользу последней версии являются генетические исследования, доказавшие родство *махаров* Махараштры и *махара* Ассама ³⁴⁸.

В настоящее время данная каста практически полностью идентична по своему положению касте *дугла*, отличаясь лишь большей степенью урбанизации и несколько лучшим экономическим положением. Принципиально интересным для нас является их модель «санскритизации», связанная не с поиском и установлением контактов с *махарами*, а заключающаяся в безуспешных попытках обоснования своего особого статуса через практику саньяси.

Последней «зарегистрированной» джати, на которой мы остановимся в рамках рассмотрения каст штата Ассам, является *лалбеги*. Они также относятся к мигрантам, однако еще времен Могольской империи, что сделало их в глазах окружающих практически автохтонным населением. Изначально они были одной из готр касты *бханги* (уборщиков мусора из Пенджаба и Раджастхана), но из-за участия в борьбе с моголами бежали на северо-восток, где приняли новое самоназвание по имени своего лидера – Лал Гуру ³⁴⁹.

В первые годы независимого существования Индии *лалбеги* осуществили массовый переход в ислам. Однако это никак не способствовало улучшению их социального положения. Мусульманские готры, мигрировавшие в соседний Бангладеш, столкнулись там с еще более жесткой дискриминацией. Единственным улучшением их экономического положения

---

³⁴⁶ Neog M. Early History of the Vaisnava Faith and Movement in Assam: Sankaradeva and His Time. Delhi: Motilal Banarsidas, 1985. P. 154.

³⁴⁷ Sadasivan S.N. A Social History of India. Sadasivan S.N. A Social History of India. New Delhi: A.P.H. Publishing Corporation, 2000. P. 276.

³⁴⁸ Lefevre-Witier P., Vergnes H. Genetic Structure in Ideles // Evolutionary Models and Studies in Human Diversity. Chicago: Adline Publishing Company, 1978. P. 255-278.

³⁴⁹ Hassan S.S. The Castes and Tribes of H.E.H. the Nizam's Domination. Delhi: Asian Educational Services, 1920. P. 380.

стало расширение практики «джаджмани» за счет вовлечения исламских общин³⁵⁰.

Современные *лалбеги* находятся на самом дне ассамского общества. Причем их характеризует крайняя открытость, позволяющая абсолютно любому человеку стать членом общины, что вкупе с крайней малочисленностью (552 человека) говорит нам о том, что фактически мы имеем дело с деструкцией этой общности³⁵¹.

Завершая анализ «зарегистрированных» каст штата Ассам, необходимо остановиться на их наиболее характерных чертах.

Во-первых, местные далиты отличаются очень высокой грамотностью среди соответствующих каст в Индии. Так, одна из джати *бриттиал баниа* даже бьет государственный рекорд, достигая среднего уровня в 81% и 88,6% среди мужчин³⁵².

Во-вторых, географические и климатические особенности штата наложили свой отпечаток на портрет «типичного» далита региона. В основной массе, местные «зарегистрированные» касты остаются плотно интегрированными в традиционные сектора хозяйствования. Успешность высокоспециализированной традиционной хозяйственной деятельности здесь является неременным условием успешного развития.

В-третьих, малые касты так же, как и в Уттар-Прадеше, являются маргинальными группами, не играющими важной роли в жизни региона. Несмотря на то, что Ассам со средних веков служил пристанищем для беженцев всех мастей, здесь также, как и везде, пришлые группы немедленно подвергались понижению в статусе.

---

³⁵⁰ Mukherjee R. The Dinamics of a Rural Society. Delhi: Popular Prakashan, 1957. P. 115.

³⁵¹ Sachchidananda. People at the Bottom: A Portrait of the Scavengers. New Delhi: Concept Publishing Company, 2001. P. 210.

³⁵² Assam. Data highlights: The Scheduled Castes // Census of India 2001. Government of India. [Режим доступа]: [chrome-extension://oemmndcblldboiebfnladdacbfmadadm/http://censusindia.gov.in/Tables_Published/S_CST/dh_sc_assam.pdf](http://censusindia.gov.in/Tables_Published/S_CST/dh_sc_assam.pdf)

В-четвертых, для далитов штата Ассам не характерна строгая эндогамия, а также следование требованиям ортодоксального индуизма относительно разводов, повторных и детских браков. Причем такую ситуацию нельзя объяснить наличием мощной городской культуры индустриального и постиндустриального типа. Скорее подобное пренебрежение нормами индуизма основывается на периферийности региона и высоком влиянии буддистских и иных религиозно-философских школ реформистского характера.

Следующим штатом, который мы рассмотрим, является Тамилнад, широко известный своими сепаратистскими настроениями и высокой долей дравидийского населения.

По причине особенной многочисленности коренного, неиндоевропейского населения в 2001 г. в штате Тамилнад существовало 76 «зарегистрированных» каст³⁵³, насчитывавших 11 856 000 человек из 62 406 000 проживающих в штате, или 19%, что являлось достаточно высоким показателем для Индии³⁵⁴.

Подавляющая часть далитов (93,5%) относится к дравидийским сообществам, что, несомненно, определяет специфику социокультурного устройства региона. Заметим, что среди так называемых «передовых» каст представители автохтонного населения составляют всего около 13%³⁵⁵.

Крупнейшей «неприкасаемой» кастой штата являются *палланы* (2 272 000 человек или 19,2% от численности «зарегистрированных» каст), *парайяры* или *парии* (1 861 000 или 15,7%) и *чаккилианы* (777 000 или

---

³⁵³ List of Communities. Tamil Nadu Public Service Commission. [Режим доступа]: <http://www.tnpsc.gov.in/communities-list.html#sc>

³⁵⁴ Tamil Nadu. Data Highlights: The Scheduled Castes // Census of India 2001. Government of India. [Режим доступа]: chrome-extension://oemmnadbldboiebfnladdacbfmadadm/http://censusindia.gov.in/Tables_Published/S_CST/dh_sc_tamilnadu.pdf

³⁵⁵ Kanthimathi S., Vijaya M., Ramesh A. Genetic study of Dravidian castes of Tamil Nadu // Journal of Genetics. Indian Academy of Science. 2011. Vol. 87, No. 2. P. 175-179.

6,6%)³⁵⁶. Прочие касты зачастую насчитывают менее 2000 членов. Среди самых незначительных сообществ можно отметить *айанавар* (1364 человек), *бхаратар* (792) и *каккалан* (687)³⁵⁷.

При рассмотрении особенностей социальной иерархии и эволюции социальных позиций в штате Тамилнад остановимся на указанных кастах. Однако вначале отметим некоторые социокультурные аспекты, которые отличают дравидийские автохтонные джати.

Во-первых, они зачастую игнорируют ряд священных запретов, характерных для индуизма, а также почитают «маргинальных» божеств индийского пантеона. Во-вторых, несмотря на то, что касты отличаются друг от друга и всячески культивируют свою идентичность, практически все они экзогамны. Браки между представителями низших дравидийских каст являются обычной практикой. В подобных случаях семья переходит в касту мужа. В-третьих, дравидийские касты, даже занимающие низшие позиции в регионе, стремятся ограничить свои контакты с вышестоящими джати, пришедшими с севера. Нарушающих такой порядок вполне могут изгнать из своей общины³⁵⁸.

Каста *палланов* занимает высшую позицию среди «неприкасаемых» джати. Это обусловлено тем, что, будучи автохтонным населением региона, они издревле занимались земледелием, обладали правом общинной собственности и имели в своем распоряжении средства производства³⁵⁹. Примечательно, что *палланы* резко изменили стратегию своего саморазвития

---

³⁵⁶ Tamil Nadu. Data Highlights: The Scheduled Castes // Census of India 2001. Government of India. [Режим доступа]: chrome-extension://oemmndcbldboiebfnladdacbfmadadm/http://censusindia.gov.in/Tables_Published/S_CST/dh_sc_tamilnadu.pdf

³⁵⁷ Tamil Nadu. Data Highlights: The Scheduled Castes // Census of India 2001. Government of India. [Режим доступа]: chrome-extension://oemmndcbldboiebfnladdacbfmadadm/http://censusindia.gov.in/Tables_Published/S_CST/dh_sc_tamilnadu.pdf

³⁵⁸ Caldwell R.A Comparative Grammar of the Dravidian or South-Indian Family of Languages. London: Harrison and Sons, 1856.

³⁵⁹ Muhaiyaddeen M.R.B. The Divine Luminous Wisdom: That Dispels the Darkness. Philadelphia: The Fellowship Press, 1972. P. 169.

в 1980-е гг. Если ранее они стремились активно участвовать в политической жизни страны, то к концу правления Индиры Ганди их характеризовало желание сосредоточиться на решении практических социальных и экономических проблем. С этого времени начинают функционировать запреты на употребление в пищу говядины и заключение браков с другими «неприкасаемыми» региона. Очевидно, что подобные культурные новации стали частью курса на классическую «санскритизацию», ориентированную на развитие в рамках ортодоксальных индуистских социальных представлений. В 1983 г. был зафиксирован первый случай, когда для обработки земли *палланов* были наняты представители касты *чаккилианов* – важный момент с точки зрения конструирования системы «джаджмани» при занятии в ней позиций заказчика услуг, занимающего более высокое место в иерархии ³⁶⁰.

Тем не менее, поскольку каста является многочисленной, далеко не все ее готры имели возможность пойти по пути «санскритизации». К тому же уровень грамотности касты в 2001 г. не соответствовал уровню развития «средних» или даже «отсталых» каст – 65% (см. Приложение 7) ³⁶¹. Поэтому в первое десятилетие нового столетия между семью основными готрами разгорелась серьезная дискуссия о путях изменения своего статуса ³⁶². Результатом дискуссии стал выход из нее трех наиболее успешных готр – *мупан*, *каалади* и *маннади*. Последняя поменяла свой статус не просто на «отстающую», а на «развитую среди отстающих» каст, т.е. «чистых» *шудр* ³⁶³.

---

³⁶⁰ Moose D. *The Saint in the Banyan Tree: Christianity and Caste Society in India*. Los Angeles: University of California Press, 2012. P. 312.

³⁶¹ Tamil Nadu. Data Highlights: The Scheduled Castes // Census of India 2001. Government of India. [Режим доступа]: chrome-extension://oemmndcblldboiebfnladdacbfmadadm/http://censusindia.gov.in/Tables_Published/S_CST/dh_sc_tamilnadu.pdf

³⁶² Kumar R. *Encyclopedia of Untouchables Ancient, Medieval and Modern*. Delhi: Kalpaz Publications, 2008. P. 390.

³⁶³ List of Communities. Tamil Nadu Public Service Commission. [Режим доступа]: <http://www.tnpsc.gov.in/communities-list.html#sc>

Таким образом, на примере касты *палланов* мы видим, как экономические возможности саморазвития сообщества в современной Индии легко позволяют идти путем «санскритизации» и улучшать свои социальные позиции. С другой стороны, невозможно не заметить того, что при этом джати вынуждены разрывать устоявшиеся связи и противопоставлять себя тем, кто занимал идентичные позиции. При этом возрастает степень отчужденности между различными общинами, что создает основания для дальнейшего развития кастеизма в современной Индии, еще более устойчивого, т.к. теперь он базируется к тому же на разнице социокультурного и экономического развития.

Выше мы уже характеризовали касту *парайар* или *париев* и ее роль в борьбе далитов за свои права. Собственно, во второй половине XX в. она продолжала оставаться самой политически активной среди «зарегистрированных» каст штата Тамилнад. При этом *парайары* продолжают противопоставлять себя индуистскому сообществу, игнорируя многие традиционные культурные установки. Значительная часть касты приняла христианство ³⁶⁴. Последнее обстоятельство позволило им существенно улучшить свой образовательный уровень (65,9% - самый высокий показатель среди далитов штата) ³⁶⁵ благодаря широкому распространению сети миссионерских школ ³⁶⁶.

Однако экономическое положение *парайаров* остается тяжелым. Большая часть касты продолжает проживать в сельской местности, не обладая собственностью на землю и работая в качестве батраков или домашних слуг в крупных хозяйствах. На них продолжают распространяться не только нормы «джаджмани», но и ряд архаичных никак не оплачиваемых

---

³⁶⁴ Gorringe H. Becoming a Dalit Panther: Caste-Based Activism in South India // Ethnic Activism and Civil Society in South Asia. New Delhi: SAGE Publications, 2009. P. 145-174.

³⁶⁵ Tamil Nadu. Data Highlights: The Scheduled Castes // Census of India 2001. Government of India. [Режим доступа]: chrome-extension://oemmndcbldboiebfnladdacbfmadadm/http://censusindia.gov.in/Tables_Published/S_CST/dh_sc_tamilnadu.pdf

³⁶⁶ Moose D. Dalit Christian Activism in Contemporary Tamil Nadu // Ethnic Activism and Civil Society in South Asia. New Delhi: SAGE Publications, 2009. P. 175-214.

дискриминирующих обязанностей, например, погребение покойников всех прочих каст ³⁶⁷.

Таким образом, пример *парайар* доказывает, что общественно-политическая активность сама по себе не является основанием для улучшения качества жизни ³⁶⁸. Поэтому перспективы действительного улучшения жизни этого сообщества нам представляются достаточно туманными.

Каста *чаккилиан* занимает тождественную *парайарам* ступень в социальной иерархии штата. Основным занятием остается кожевенное ремесленное производство, регламентируемое системой «джаджмани» ³⁶⁹. Поскольку более 80% членов касты проживают в сельской местности и вынуждены соблюдать различные дискриминирующие обычаи (запрет на бытовые контакты и употребление воды из одного источника с вышестоящими, право представителей кшатриев на половую близость с женщинами *чаккилиан* и т.д.) ³⁷⁰, им крайне затруднительно перейти к капиталистическим отношениям и организовать товарное производство. Как и в Средние века, изделия, изготавливаемые кастой, реализуются на рынке через посредников – касту торговцев *кавалаи* ³⁷¹.

В первой половине XX в. *чаккилианы* пытались пойти по пути «санскритизации». Основной упор они сделали на переход в христианство. И это принесло им определенные дивиденды. Так, существенно повысился уровень грамотности. Однако в независимой Индии большинство

---

³⁶⁷ Alex G., Heidemann F. Tamil Nadu: Inequality and status // The Modern Anthropology of India: Ethnography, Themes and Theory. New York: Routledge, 2013. P. 260-275.

³⁶⁸ Statistical Report on General Election, 2006 to Legislative Assembly of Tamil Nadu. Election Commission of India. New Delhi, 2006. [Режим доступа]: chrome-extension://oemmndcbldboiebfnladdacbfmadadm/http://eci.nic.in/eci_main/StatisticalReports/S_E_2006/StatReport_TN_2006.pdf

³⁶⁹ Ramaswamy V. Historical Dictionary of the Tamils. Lanham: Scarecrow Press, Inc., 2007. P. 41.

³⁷⁰ Kumar R. Encyclopedia of Untouchables Ancient, Medieval and Modern. Delhi: Kalpaz Publications, 2008. P. 401.

³⁷¹ Athreya V.B., Djurfeldt G., Lindberg S. Barriers broken: production relations and agrarian change in Tamil Nadu. New Delhi: SAGE Publications, 1990. P. 146.

христианских миссий свернули свою деятельность, оставив свою паству на произвол судьбы. Следствием этого стал рост насилия со стороны индуистских фундаменталистов, видевших в христианах пособников тамильского сепаратизма ³⁷². В настоящее время нарастают тенденции по углублению маргинализации *чаккилиан*. Так, если в 1991 г. не занятых в сфере традиционного производства было около 18%, то в 2001 г. их доля возросла до 53%. Разумеется, часть из них сумела переехать в города и приобрести привилегированную работу. Однако такие составляют только 2% от численности касты ³⁷³. Прочие деградируют до статуса батраков или прислуги в домашних хозяйствах.

В целом, каста *чаккилиан* представляет собой типичный пример одного из многочисленных далитских сообществ Индии, не способных осуществить успешное саморазвитие. Имевшийся в начале прошлого века расчет на внешние факторы (христианские миссии, амбедкаристские партии и т.п.) провалился, а объективный уровень экономического, социального и культурного развития не позволяет им самостоятельно выработать стратегию эмансипации.

Каста *айанавар* больше распространены в соседней Керале (11 823) ³⁷⁴, откуда одна из готр мигрировала в начале XX в. в Тамилнад. Их основным родом деятельности в родном регионе была сезонная арендная обработка земли и прислуживание в частных домовладениях. Однако на новом месте эта каста проживает преимущественно в городах и работает в качестве учителей в школах для «зарегистрированных» каст и администраторов в иностранных компаниях. Сообщество отличается в целом вестернизированным образом жизни, но продолжает поддерживать связи с керальскими готрами. *Айанавар* отличает и очень высокий уровень

---

³⁷² Kumar N.K. Global Encyclopaedia of the South Indian Dalit's Ethnography. New Delhi: Global Vision Publishing House, 2006. P. 659.

³⁷³ Kumar R. Encyclopedia of Untouchables Ancient, Medieval and Modern. Delhi: Kalpaz Publications, 2008. P. 400.

³⁷⁴ Bhatt S.C., Bharagva G.K. Land and People of Indian States and Union Territories: In 36 Volumes. Kerala. Vol. 14. Delhi: Kalpaz Publications, 2006. P. 68.

грамотности – 88,19%³⁷⁵. Характерным показателем интегрированности столь малого сообщества в современный постиндустриальный мир является наличие у него своего сайта, содержащего любопытные исторические заметки об их истории, обычаях, религиозных воззрениях и т.д.³⁷⁶

С одной стороны, *айанавар*, как и большинство других малых каст отличает внешнее для региона их проживания происхождение и маргинальный статус. С другой стороны, они, несомненно, представляют собой исключение из правил, т.к. уровень их жизни вообще не соответствует «неприкасаемым» джати. Собственно, по этой причине социальные опросы показывают, что ни одна из каст, с которыми контактируют *айанавары*, не относит их к низшим³⁷⁷. Однако очевидная связь с керальскими готрами и малая численность, не позволяют им полноценно участвовать в общественной жизни региона.

Следующей малочисленной кастой, рассматриваемой нами в рамках данного исследования, являются *бхаратары* или *параваны*. Это очень интересное микросообщество, на примере своей истории продемонстрировавшее удивительную способность к адаптации при условии сохранения своей идентичности. Их традиционными занятиями являлись добыча жемчуга и рыболовство. Однако с приходом европейцев каста быстро заняла узкоспециализированную нишу лоцманов, что обеспечило ей относительно безбедное существование³⁷⁸. *Бхаратары* первыми полностью приняли христианство и отличаются от многих сообществ Тамилнада исключительно европейскими именами. Более того, всеми волнами европейских колонизаторов (португальцами, голландцами, французами и англичанами) они воспринимались как представители средних слоев

---

³⁷⁵ Singh K. S., Thirumalai R., Manoharan S. People of India: Tamil Nadu. New Delhi: Anthropological Survey of India, 1997. P. 187.

³⁷⁶ Thiruvithamkoor Ayyanavar. The Dalit Community of South India. [Режим доступа]: <http://ayyanavar.org/index.php/home>

³⁷⁷ Singh K.S. People of India: The Scheduled Castes. Vol. 2. New Delhi: Anthropological Survey of India, 1993. P. 57.

³⁷⁸ Zupanov I.G. Missionary Tropics: The Catholic Frontier in India (16th-17th Centuries). Michigan: The University of Michigan Press, 2005. P. 275.

общества. В то же время, местное индуистское население продолжало считать их «неприкасаемыми»³⁷⁹.

С обретением страной независимости *бхаратары* были отнесены к «зарегистрированным» кастам. Однако в Керале и Карнатике они относятся к «отстающим», а некоторые готры даже к «средним» кастам³⁸⁰.

В современной экономике региона каста занимает любопытное положение, т.к. благодаря сложившимся контактам с европейцами может осуществлять сбыт продуктов своего труда непосредственно на запад, минуя посредничество определенных местных торговых слоев. Поэтому качество жизни членов общины находится на приемлемом уровне, а грамотность составляет рекордные 95,3%³⁸¹.

Бхаратары являют собой любопытный пример эндогамного сообщества, обладающего всеми чертами касты, но по своему положению, выходящему за рамки кастовой системы. Такое положение является следствием сочетания двух факторов: 1) особенности традиционного производства, хорошо защищенного от конкуренции по причине высочайшей специализации, 2) последовательного многовекового социокультурного воздействия со стороны европейской цивилизации.

Последняя малая каста, которую мы затронем в обзоре социального пространства штата Тамилнад, – это *каккалан*. Она является типичным примером принудительной маргинализации. В раннее средневековье это сообщество относилось к варне кшатриев и именовалось *курава*. Однако в результате военного поражения они потеряли свой привилегированный статус и были приравнены к «неприкасаемым»³⁸². Поскольку они не имели отношения ни к одному из сложившихся секторов производства, то основной

---

³⁷⁹ Guha S. *Beyond Caste: Identity and Power in South Asia, Past and Present*. Leiden: Brill, 2013. P. 30.

³⁸⁰ Sadasivan S.N. *A Social History of India*. New Delhi: A.P.H. Publishing Corporation, 2000. P. 357.

³⁸¹ Bhatt S.C., Bharagva G.K. *Land and People of Indian States and Union Territories: In 36 Volumes. Kerala. Vol. 14*. Delhi: Kalpaz Publications, 2006. P. 69.

³⁸² Kumar N.K. *Global Encyclopaedia of the South Indian Dalit's Ethnography*. New Delhi: Global Vision Publishing House, 2006. P. 352.

их деятельностью стали игра на музыкальных инструментах, уличные театральные представления, гадания. На женскую часть касты была распространена практика девадаси. При этом некоторые обычаи касты указывают на ее прежний высокий статус – многоженство, договорные браки, осуществляемые в детском возрасте, запрет на повторный выход замуж для вдов и т.д.³⁸³.

Современное социально-экономическое положение касты остается крайне плохим. Она по-прежнему занимает низкие позиции в штате. Важнейшей проблемой на пути их эмансипации, по нашему мнению, стоит крайняя малочисленность в штате, а также приверженность к кочевому образу жизни, обусловленному перманентному снижению спроса на их услуги, возникающему с течением времени. Так, уровень грамотности среди *каккалан* штата Керала достигает 89,75%³⁸⁴, тогда как в штате Тамилнад только 53%³⁸⁵. В последнее время отмечается тенденция к дальнейшей маргинализации тамильских *каккалан*, распространению среди них криминальных сообществ, наркомании и пр. асоциальных черт³⁸⁶.

Таким образом, данная каста хорошо демонстрирует значение объективной ценности производственной специализации далитских джати. Как мы видим, если труд сообщества является маргинальным по своему содержанию, у касты оказывается крайне мало оснований для эмансипации, т.к. при переходе к капиталистическим отношениям она ничего не может предложить для рынка.

---

³⁸³ Kumar S.S. Kerala. People of India. Vol. 27. New Delhi: Anthropological Survey of India, 2002. P. 534, 698.

³⁸⁴ Bhatt S.C., Bharagva G.K. Land and People of Indian States and Union Territories: In 36 Volumes. Kerala. Vol. 14. Delhi: Kalpaz Publications, 2006. P. 70.

³⁸⁵ Tamil Nadu. Data Highlights: The Scheduled Castes // Census of India 2001. Government of India. [Режим доступа]: chrome-extension://oemmndcbldboiebfnladdacbfmadadm/http://censusindia.gov.in/Tables_Published/S_CST/dh_sc_tamilnadu.pdf

³⁸⁶ Rosso R., Chakravarty K.K. Nomads of South Asia. Anthology of 400 Nomadic Groups and Gypsies in India. [Режим доступа]: <http://xoomer.virgilio.it/bргуиз/asianomads/Jangama.doc>

Завершая обзор «зарегистрированных» каст штата Тамилнад, следует остановиться на некоторых чертах, характерных для социального пространства данного региона.

Прежде всего, обращает на себя внимание высокая доля автохтонного населения среди дискриминируемых сообществ, что, несомненно, свидетельствует о складывании местной кастовой системы в результате завоевания. Причем эта особенность несет в себе, как положительные, так и негативные последствия. Очевидным отрицательным следствием завоевания местного населения является социокультурный, этнический и лингвистический разрыв с большей частью элит. С другой стороны, поскольку местные «неприкасаемые» по большей части являются обычным сельскохозяйственным населением, а не маргинальными группами, слабо влияющими на валовый продукт региона, то они имеют больше объективных оснований для улучшения своей жизни.

Подведем итоги анализу социокультурного развития далитских каст выбранных нами штатов Индии. Сначала обозначим общие тенденции, характерные для всех рассмотренных нами сообществ.

1. В условиях современной высококонкурентной, ориентированной на рынок экономики, происходит деструкция системы «дзаджмани». Различные далитские касты вторгаются в традиционные сферы производства друг друга. Возрастает значение интеллектуального развития общин и их способности к инновациям в трудовой деятельности. Положительную роль в успешном саморазвитии сообществ играет сотрудничество городских и сельских готр в рамках одной касты.
2. Институт эндогамных браков постепенно размывается. От уровня индивидуальных нарушений экзогамия постепенно превращается в стандартную практику у некоторых каст. Проблема определения социальной позиции семьи решается ее поглощением кастой мужа.

3. Представления о ритуальной «чистоте» и месте касты в социальной иерархии региона претерпевают существенные изменения. На смену происхождению и истории джати приходит ее текущий уровень культурного, экономического и социального развития.
4. Широкое распространение получили спекуляции своим происхождением, осуществляемые отдельными общинами с целью получения социальных льгот и квот, распространяемых на «зарегистрированные» касты. Подобные сообщества отличаются крайней малочисленностью, принципиально исключающей возможность их существования в качестве традиционной касты.

Отметим выводы, характеризующие локальную специфику рассмотренных нами каст.

1. В наихудшем положении находятся далитские касты штата Уттар-Прадеш. Их высокая численность и неконтролируемая рождаемость являются важнейшим препятствием на пути успешной «санскритизации», т.к. сильно тормозят переориентацию на стандарт жизни общества модерна и постмодерна. Тот факт, что далиты штата составляют значительный социальный слой, приводит к высокой конкуренции между отдельными кастами, поддерживающими свое состояние на границе бедности и нищеты. В совокупности с низким уровнем грамотности это практически полностью исключает возможность успешной «санскритизации».
2. Самый высокий уровень грамотности и материального благосостояния демонстрируют далиты Ассама. Их отличает достаточно скептическое отношение к эндогамии и гибкость в трактовке понятия «ритуальной чистоты». Ограниченное количество сфер производственной деятельности, доступной для «неприкасаемых» обусловило высокую конкуренцию между ними, в которой особую роль играет ориентация на инновации и культурное саморазвитие.

3. Пространство социальных низов штата Тамилнад характеризует значительный культурный разрыв с индуистскими элитами. Этот барьер, с одной стороны, существенно препятствует успешной «санскритизации», с другой стороны, способствует формированию устойчивой локальной идентичности. Кроме того, «неприкасаемые» данного региона, в отличие от большинства других штатов, являются обычным аграрным населением, и потому их социально-экономическое положение представляется нам более устойчивым.

2.4. Новейшие тенденции социокультурного развития «зарегистрированных» каст и племен в XXI в.

В заключительной части исследования следует остановиться на новейших тенденциях развития «неприкасаемых», которые появились во второй половине XX в. и становятся все более актуальными в новом столетии. Эти тенденции связаны с массовой урбанизацией и продолжающейся вестернизацией различных сторон жизни индийского общества. Учитывая низкую скорость социальных изменений, характерную для Индии, мы можем предположить, что они будут оставаться актуальными как минимум первую половину XXI в.

Начнем анализ с рассмотрения ключевых проблем, которые формируются или уже находятся в достаточно зрелом состоянии и детерминируют собой специфику социального пространства индийских низов.

Первой и наиболее значимой, а также легко фиксируемой трудностью является крайне низкий уровень жизни далитов. Однако эта проблема не является исключительной спецификой «зарегистрированных» каст и характерна для широких слоев населения, особенно проживающих в сельских областях (см. Приложение 8). Впрочем, по данным Мирового Банка и Резервного Банка Индии в 2005 г. ниже черты бедности (доход менее 1,25

доллара в день на человека) проживало 37,2%³⁸⁷ населения, в 2012 г. – 21,9%³⁸⁸, а в 2014 г. – всего 11,8%³⁸⁹. Даже с учетом инфляции и реальной покупательной способности населения реальное количество населения, живущего ниже черты бедности, в 2014 г. составило не более 22%³⁹⁰.

Это свидетельствует о том, что Индийское правительство взяло твердый курс на улучшение качества жизни низов. Конечно, большую роль в этом играет та благоприятная внешнеэкономическая ситуация, которая сложилась вокруг страны и способствует увеличению потока инвестиций. Тем не менее, нельзя не отрицать мощного субъективного фактора, заключающегося в осознании остроты проблемы элитами и готовности заниматься ее реальным решением, а не имитацией.

Ключевым шагом в направлении улучшения жизни низших слоев общества стал Национальный Акт, Гарантирующий Трудоустройство Бедным 2005 г. Важнейшим положением данного документа является гарантия 100-дневного трудоустройства в течение экономического года для любого желающего³⁹¹. В 2014 г. уже прозвучало предложение об увеличении предоставляемого срока работы до 150 дней³⁹².

Мы делаем особый акцент на данной мере, т.к., по нашему мнению, она способна сыграть положительную роль. На основании анализа социальных ниш далитов различных штатов, кастовая система в настоящий момент недостаточно эффективно реализует функцию гарантии трудоустройства и

---

³⁸⁷ Table 162: Number and Percentage of Population Below poverty Line // Reserve Bank of India. [Режим доступа]: <http://www.rbi.org.in/scripts/PublicationsView.aspx?id=15283>

³⁸⁸ Table 162: Number and Percentage of Population Below poverty Line (Concl.) // Reserve Bank of India. [Режим доступа]: <http://www.rbi.org.in/scripts/PublicationsView.aspx?id=15283>

³⁸⁹ Dijkstra S., Kenny C., Sandefur J. Global Absolute Poverty Fell by Almost Half on Tuesday // Center for Global Development. [Режим доступа]: <http://www.cgdev.org/blog/global-absolute-poverty-fell-almost-half-tuesday>

³⁹⁰ Donnan S. World Bank eyes biggest global poverty line increase in decades // Financial Times. Global Economy. 09. 05. 2014 г. [Режим доступа]: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/091808e0-d6da-11e3-b95e-00144feabdc0.html#axzz3428XGIDO>

³⁹¹ The National Rural Employment Guarantee Act, 2005 // Ministry of Rural development. The Gazette of India: Extraordinary. New Delhi: Government of India Press, 2005. P.1.

³⁹² Proposal for 150 days of work under MGNREGA // MGNREGA. [Режим доступа]: <http://www.mgnrega.in/2014/03/proposal-for-150-days-of-work-under.html>

некого минимума потребляемого продукта для своих членов. В таком контексте принятие на себя государством роли гаранта социально-экономического страхования способно нанести мощный удар по кастеизму при условии дальнейшего развития капиталистических отношений и сохранении благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры в Индии.

С проблемой низкого уровня жизни «неприкасаемых» тесно связана проблема сохранения экономической эффективности каст. Если в традиционном обществе любая джати, даже занимающая самые низкие позиции в сообществе региона, гарантировала своим членам определенный минимум, то в современных условиях увеличивается зависимость эффективности традиционного производства от его рыночной рентабельности. Так, например, в пенджабском округе Армистар из 94 деревень к 2002 г. 15 были вынуждены отказаться от практики «джаджмани» и перейти к рентабельному производству пользующихся спросом культур (хлопка, чая и т.д.). Причем изменили характер своей занятости не только земледельцы деревень, но и представители других каст, от брахманов до местных далитов. Следствием этого стала утрата кастовой системой мощного экономического рычага давления на общественную жизнь низов. В результате, современные панчаяты практически не играют никакой роли в жизни индийской глубинки. Межкастовая напряженность, поддерживавшаяся системой «джаджмани» уступает место капиталистической конкуренции, ломающей кастовые барьеры³⁹³.

Разумеется, данная тенденция имела под собой глубокие основания, заложенные еще в период британского правления. Однако резкое снижение экономической автаркичности системы «джаджмани» произошло только в самом конце XX в. и в настоящее время формирует мощное направление дальнейшего развития «зарегистрированных» каст. Проиллюстрируем данный тезис статистическим материалом: по данным индийского социолога

---

³⁹³ Singh R.B. Scheduled Castes Welfare: Myth or Reality. New Delhi: Efficient Offset Printers, 2003. P. 80-81.

Судипты Рай, традиционные профессии, характерные для каст, были способны обеспечить занятость 92% своих членов в 1960-1970 гг., 85% - в 1970-1980 гг., 75% - в 1980-1990 гг. и только 60% - в 1990-2000 гг.³⁹⁴

Еще одной примечательной чертой становится изменение отношения самих членов «зарегистрированных» каст к соотношению экономической рентабельности их занятости и ее социального статуса. Интересно будет привести пример пенджабских *чандалов*, переехавших из сельской местности в города и устроившихся там на работу в городских коммунальных службах (т.е. по сути продолживших придерживаться своего традиционного занятия мусорщиков). До 1990 г. 68% работающих представителей местных общин желали изменить свой статус и пойти путем «санскритизации», стремились овладеть техническим образованием и устроиться на промышленные предприятия. Однако из-за дороговизны городской жизни количество желающих изменить характер своей деятельности стремительно уменьшился. Данные социологических опросов показали, что около 80% респондентов были согласны и далее терпеть свой низкий социальный статус при условии сохранения работы³⁹⁵.

Таким образом, можно говорить о том, что в современной Индии экономическое благосостояние постепенно становится более важным, чем социальный статус. Возникает соблазн сравнить процесс размывания кастовой идентичности в деревне с европейским «огораживанием», приведшим к формированию многочисленной свободной рабочей силы, ставшей социальной базой построения нового массового и бессловного общества. Однако существенным препятствием на пути «европейского сценария» является сохранение кастовой обособленности в городах. Причем эта отчужденность проявляется как в четко фиксируемом территориальном

---

³⁹⁴ Mukherjee A. Perspectives of the Silent Majority: Air Pollution, Livelihood and Food Security. New Delhi: Ashgate Publishing Limited, 2002. P. 151-152.

³⁹⁵ Desphande A. Social justice through affirmative action in India: an assessment // Capitalism on Trial: Explorations in the Tradition of Thomas E. Weisskopf. Northampton: Edward Elgar Publishing Limited, 2013. P. 266-285.

разграничении мест проживания сходных по своим социальным позициям каст ³⁹⁶, так и в приоритетах, отдаваемых представителям высших каст при устройстве на квалифицированную работу ³⁹⁷.

Еще одной проблемой, остающейся актуальной в новом столетии, является конфликт между далитами и шудрами. Разумеется, уровень насилия в первом десятилетии XXI в. значительно ниже, чем в 1980-е гг., но продолжает быть достаточно высоким. Кроме того, для современной Индии характерны его неожиданные и резкие всплески.

Так, например, в 2005 г. было совершено 669 убийств, 1172 изнасилования, 258 случаев похищения детей и 3847 человек получили тяжкие телесные повреждения по причине кастовой неприязни ³⁹⁸. Примечательным является практически полное отсутствие пострадавших со стороны «остальных отсталых каст», т.е. это свидетельствует о том, что далиты по-прежнему боятся оказывать сопротивление своим обидчикам.

В 2006 г. произошло очередное преступление, которое многими исследователями считается показательным в том отношении, что свидетельствует о сохранении остроты проблемы насилия в отношении «зарегистрированных» каст в новом столетии. 29 сентября, в деревне Мохадди Талук, Бхабрадского округа Махараштры была убита целая семья далитов (мать, дочь и два сына). Преступление было совершено соседями, представителями каст *кунабис* и *каллар* (оба сообщества относятся к варне шудр). Основным мотивом стало получение детьми зарезервированных за ними мест в местном институте, что является достаточно распространенной причиной подобных убийств. Однако исключительность случая обеспечило участие в преступлении представителей местной полиции и даже одного

---

³⁹⁶ Ram N. Atrocities and Segregation in an Urban Social Structure // Life as a Dalit: Views from the Bottom on Caste in India. New Delhi: SAGE Publications India Pvt., Ltd., 2013. P. 35-52.

³⁹⁷ Urban India 2011: Evidence. New Delhi: Indian Institute for Human Settlements, 2011. P. 50.

³⁹⁸ Manchanda R. The No Nonsense Guide to Minority Rights in South Asia. New Delhi: SAGE Publications Pvt., Ltd., 2009. P. 194.

сельского депутата от «остальных отстающих каст»³⁹⁹. Это свидетельствует о том, что достижения внутренней политики конца XX в. носят несколько поверхностный характер и в значительной степени детерминируются мощью пенитенциарной системы. На уровне социокультурных кодов многие законодательные положения недостаточно эффективно закреплены в сознании и поведении масс и продолжают нарушаться. С другой стороны, данный вопиющий случай не остался без последствий, вызвав волнения и демонстрации местных далитов, требовавших и добившихся правосудия⁴⁰⁰. Это, в свою очередь, свидетельствует о росте самосознания далитов и их готовности отстаивать свои права.

Впрочем, исследователи проблемы насилия в отношении далитов отмечают, что в последнее время все более распространенным типом преступлений становится изнасилование. Этому имеется несколько объяснений. Во-первых, изнасилования мягче преследуются законом, чем убийства. В некоторых случаях (особенно в регионах с распространенной практикой девадаси) вообще остаются без внимания. Во-вторых, многие мужчины далиты, руководствуясь стереотипами патриархального мышления, склонны считать виноватыми в подобных инцидентах самих женщин. В-третьих, жертвы достаточно редко составляют заявления в отделения полиции, боясь навлечь на себя порицание со стороны традиционного общества⁴⁰¹.

---

³⁹⁹ Harriss J. How far have India's economic reforms been 'guided by compassion and justice'? Social policy in neoliberal era // *Understanding India's New Political Economy: A Great Transformation?* New York: Routledge, 2011. P. 127-149.

⁴⁰⁰ Kolkata Police Sub-Inspector Exam., 2007: *General Studies and Arithmetic* // *Pratiyogita Darpan*. Issue 29, 2008. P. 876-882.

⁴⁰¹ Gangoli G. *Indian Feminism: Law, Patriarchies and Violence in India*. Hampshire: Ashgate Publishing Limited, 2007. P. 90-94; Patil S. Dalit women and the field of Caste – Gendered Culture of Crime // *First International Conference of the South Asia Society of Criminology and Victimology (SASCV)*. 15-17 January 2011. Manonmaniam Sundaranar University. Jaipur. – 2011. P. 295-297; Human Rights Watch. *Hidden Apartheid. Caste Discrimination against India's "Untouchables"*. Shadow Report to the UN Committee on the Elimination of Racial Discrimination. New York: Center for Human Rights and Global Justice, 2007. P. 24-25.

Еще одной новой тенденцией в конфликте между «неприкасаемыми» и шудрами становится изменение социального портрета, осуществляющей агрессию стороны. В последнее время к прямому насилию склонны прибегать представители низших шудрянских каст, мало отличающиеся по уровню жизни от далитов. Подобная практика дискриминации способствует улучшению их социального самоощущения, дает им основания считать себя стоящими на значимых позициях в обществе, а также страхует их от сращивания с «неприкасаемыми» в глазах остальных социальных групп каждого конкретного региона⁴⁰². Как отмечает далитский социолог Чандра Бхан Прасад: «В современной Индии постоянное насилие и дискриминация далитов представителями низших джати из сообщества «остальных отстающих каст» становится единственным залогом сохранения их идентичности и препятствием на пути усиливающейся маргинализации, основной причиной которой является невостребованность их труда на рынке страны»⁴⁰³.

С 2009 г. была обнаружена зафиксирована новая форма дискриминации далитов, не подпадающая под уголовную ответственность и, тем не менее, достаточно эффективная. Таковой стал бойкот повседневных контактов: самовольное отключение источников электропитания, игнорирование общения, прекращение обслуживания в общественных заведениях. Причем подобная дискриминация имеет конкретную цель. Чаще всего расторжение помолвки жениха-далита с невестой-шудрянкой, получение квотированных рабочих или студенческих мест, прекращение отправления далитскими общинами некоторых ритуалов, характерных для высшестоящих джати⁴⁰⁴. Иначе говоря, «бытовой бойкот» становится одной из форм противодействия стихийной «санскритизации». Особенно эффективен он в отношении

---

⁴⁰² Jayal N.G. *Citizenship and Its Discontents: An Indian History*. Cambridge: Harvard University Press, 2013. P. 274-276.

⁴⁰³ Prasad C.B. *Dalit Phobia: Why Do They Hate Us?* New Delhi: Vitasta Pub., 2006. P. 89.

⁴⁰⁴ Waghmore S. *Civility Against Caste: Dalit Politics and Citizenship in Western India*. New Delhi: SAGE Publications, 2013. P. 81-82.

немногочисленных «зарегистрированных» джати, не способных к формированию самодостаточной инфраструктуры.

Таким образом, мы видим, что конфликт между далитами и шудрами, несомненно, претерпел существенные изменения. Уменьшилось количество убийств на кастовой почве. В то же время индийскому правительству не удалось устранить саму причину подобного противостояния. Жесткие законодательные нормы не решили проблему, а лишь способствовали видоизменению насилия. Последнее ищет новые, более мягкие формы, но продолжает базироваться на массовой неприязни крупных социальных пластов индийского общества друг к другу. Еще одной примечательной чертой дискриминации далитов становится ее целерациональный характер, явная направленность на противодействие процессам «санскритизации». Это свидетельствует о качественной эволюции противостояния, что обуславливает достаточно пессимистичный взгляд прогноз на перспективы решения данной проблемы.

Основным способом социально-экономического саморазвития далитов в современной Индии продолжает оставаться изменение общиной своей позиции в локальной общественной иерархии. Причем, наиболее действенным механизмом, как и прежде, является «санскритизация», т.е. имитация в повседневной практике жизненного уклада вышестоящих джати. В условиях роста капиталистических отношений подобное подражание, само по себе, играет все меньшую роль, однако даже чисто экономически детерминированная положительная мобильность неуклонно сопровождается соответствующими внешними проявлениями. Несомненно, некоторые элементы «санскритизации» проявляют себя как маркеры принадлежности к индуистской элите. В частности, образование, здоровое питание, следование нормам гигиены (см. Приложение 9). Однако в современной Индии «санскритизация» приобретает и ряд новых черт, несвойственных для традиционного общества.

Еще в 1966 г. известный индийский социолог М.Н. Шринивас в своей работе «Социальное изменение в современной Индии» отметил, что «санскритизация» в конце XX в. по ряду ключевых черт стала практически полным аналогом вестернизации. Как отмечал автор, традиционно для повышения своего статуса до уровня «дважды рожденных» джати необходимо было, прежде всего, соблюдать соответствующие религиозные нормы. Во второй половине XX в. ситуация изменилась, и положительная групповая социальная мобильность в Индии стала связываться с западными стандартами жизни⁴⁰⁵.

С течением времени разница между «санскритизацией» и вестернизацией стала ощущаться все сильнее. Заметим, что Шринивас подчеркивал присутствие некоторых отличий между традиционной индуистской социальной технологией и модернизацией по западному образцу, в частности, в вопросе ценностных оснований общественной жизни⁴⁰⁶.

В целом, вестернизация оказалась процессом, охватившим практически все индийское общество. Ее идеалы – секуляризованное сознание, либеральные ценности, качественная жизнь в той или иной степени распространились к концу XX в. повсеместно. С другой стороны, «санскритизация» стала, своего рода, частным случаем модернизации. А если быть более точным, то успех «санскритизации» оказался в прямой зависимости от двух факторов: 1) опережение джати своих конкурентов в процессе вестернизации и 2) интеграция в индуистское социокультурное пространство в качестве «чистой» касты. К XXI в. оказалось, что если в первом пункте «санскритизация» полностью копирует вестернизацию, то во

---

⁴⁰⁵ Srinivas M.N. Social Change in Modern India. Los Angeles: University of California Press, 1966. P. 2.

⁴⁰⁶ Srinivas M.N. Social Change in Modern India. Los Angeles: University of California Press, 1966. P. 51.

втором может прямо противоречить ей ⁴⁰⁷. Так, широко известно, что даже в деловых центрах крупных индийских мегаполисов работники сетевых компаний продолжают неукоснительно придерживаться правил поведения «чистых» каст: приносить с собой на работу еду из дома, отдавать белье в прачечные с ручным трудом, избегать пользования общественными умывальниками и т.д.

В начале XXI в. «санскритизация» способна приобрести новые черты. Индийский исследователь Р.К. Шарма отмечает, что на рубеже веков содержание этого процесса несколько изменилось. Дело в том, что классическая «санскритизация» предполагала долгую и упорную работу над повышением своего статуса, результатом которой являлся не простой рост в иерархии региона, а обмен позициями с проигрывающими в этой конкурентной борьбе джати (см. Приложение 10). В современной же Индии пространство, на котором может осуществляться данный процесс, четко разделилось на две части – городскую и сельскую среду. Для первой более характерны динамические изменения. И в данном случае большее значение приобрели элементы вестернизации ⁴⁰⁸. Следствием этого является все возрастающая разница между урбанизированным и аграрным населением, даже относящимся к одним и тем же кастам.

В данном контексте ключевой проблемой далитов XXI в. становится обеспечение себе условий, как для успешной вестернизации, так и для традиционной «санскритизации». Очевидно, что основным условием этого способно стать наличие свободного канала, связывающего их городские и сельские джати. Причем в современных условиях поиск оптимального решения в формировании подобных социальных связей все сильнее упирается в фактор времени. Обусловлено это тем, что структура индийской экономики приближается к такому состоянию, при котором для соблюдения

---

⁴⁰⁷ Jayapalan N. *Indian Society and Social Institutions*. New Delhi: Atlantic Publishers and Distributors, 2001. P. 436-437.

⁴⁰⁸ Sharma R.K. *Indian Society, Institutions and Change*. New Delhi: Atlantic Publishers and Distributors, 2004. P. 338-340.

производственного баланса правительство будет вынуждено пойти на непопулярные меры по торможению стремительно развертывающейся урбанизации. Это, в свою очередь, может уничтожить один из путей саморазвития далитов⁴⁰⁹.

По указанным выше причинам миграция из сельских областей становится альтернативой «санскритизации», хотя она и основывается на сходном социальном механизме отказа от прежних норм повседневной жизни, характерных для низких позиций в общественной иерархии региона. Основным отличием в данном случае выступает пространство трансформации. В случае традиционной «санскритизации» оно лежит, скорее, в плоскости идеальных конструкций. При миграции – основывается на изменении материального базиса и ломке старых хозяйственных связей.

В настоящее время миграция далитов из сельской местности осуществляется двумя основными путями – посредством урбанизации, а также благодаря эмиграции в страны запада. Рассмотрим особенности каждого из них.

Массовый переезд жителей сельской местности в города активизировался и стал обычным явлением с середины XX в. Причем, в его развитии можно выделить три основных этапа, связанных с: 1) созданием крупной промышленности в 1950-е гг., 2) ростом малого индустриального производства и легкой промышленности в 1960-е гг. и 3) развитием сферы сервиса и мелкой торговли, пришедшемся на 1980-е гг. В начале нового столетия доминирующей причиной урбанизации становится расширение сети транснациональных производств, предоставляющих многочисленные рабочие места, требующие невысокой профессиональной квалификации и потому идеально подходящие для представителей низших каст, чье

---

⁴⁰⁹ Levin N.R. The Changing Social Structure in Contemporary India // Contemporary India: Economy, Society, Politics. New Delhi: Dorling Kindersley (India) Pvt., Ltd., 2009. P. 107-120; Paswan S., Jaideva P. Encyclopaedia of Dalits in India: Human Rights. Delhi: Kalpaz Publications, 2003. P. 23-24.

выживание в сельском секторе экономики более не гарантируется системой «джаджмани»⁴¹⁰.

Традиционной чертой миграции, направленной в города, отличающей ее от аналогичных процессов Европы и Америки, является сохранение кастовых связей между группами переселенцев и остающимися на прежнем месте жительства. Причем эти контакты имеют еще и важное экономическое значение. Так, например, в штате Уттар-Прадеш в 2004 г. до 25% доходов, полученных домохозяйствами «неприкасаемых» джати были обеспечены суммами, присылаемыми их родственниками, работающими в городах⁴¹¹. Однако, далеко не все домохозяйства имеют подобных «резидентов», поэтому такая финансовая поддержка приводит к заметному расслоению внутри джати.

Специфической чертой урбанизации низших каст в Индии является ее обратимый характер. Во-первых, переезжающие в города далиты крайне редко интегрируются в классическую городскую среду, теряя свою кастовую идентичность. Напротив, наиболее типичным сценарием является формирование ими трущоб на окраинах города и экстраполяция туда своих традиционных отношений. В этом пространстве исследователи отмечают наличие организуемой на месте системы «квази-джаджмани», имеющей малое отношение к традиционным индуистским нормам, но детерминированной хозяйственными позициями участников в системе локального производства товаров и услуг⁴¹². Во-вторых, достаточно распространенной в XXI в. становится сезонная миграция. Она имеет ряд несомненных достоинств. Так, приезжающие на сезон муссонов из сельской глубинки далиты проходят упрощенную процедуру регистрации, а также не

---

⁴¹⁰ Kanjamala A. Social Analysis of Migration in India // Migration and Mission in India. Delhi: Ishvani Kedra, 2007. P. 1-27.

⁴¹¹ Lokshin M., Bontch-Osmolovsky M. and Glinskaya E. Work-Related Migration and Poverty Reduction in Uttar Pradesh // Migration and Poverty: Toward Better Opportunities for the Poor. Washington: World Bank Publications, 2011. P. 35-66.

⁴¹² Joseph M.T. Migration and Identity Formation: A Case Study of Dalit Assertion in Aurangbad, Maharashtra // Migration and Mission in India. Delhi: Ishvani Kedra, 2007. P. 95-124.

теряют связь со своим традиционным производством и способны вернуться к нему в любой момент. Особенно распространена подобная практика в сильно зависящих от циклических климатических изменений регионах. Например, в Западной Бенгалии в такую сезонную миграцию ежегодно оказываются вовлечены около 500 000 шудр и далитов⁴¹³. Ее популярность объясняется еще и тем, что высокие цены в городах снижают покупательную способность неквалифицированных работников. Поэтому если они тратят большую часть своих доходов в сельской местности, по месту постоянного проживания, то они могут значительно улучшить благосостояние семей.

Как мы упоминали, урбанизация низших каст в Индии носит частичный и обратимый характер. Однако и в данном случае встречаются исключения. Так, каста *махаров* вступила в XXI в. в качестве практически полностью (на 80-85%) урбанизированной. Это стало следствием достаточно ранней интеграции в колониальные институты, во второй половине XIX в., а также быстрого роста социального самосознания, проявившегося уже в первой половине XX в. Столь стремительные темпы урбанизации традиционной аграрной касты примечательны уже сами по себе. К этому можно добавить, что каста *махаров* долгое время находилась во главе процесса борьбы «неприкасаемых» против кастовой дискриминации. Это дает основание полагать, что произошедшие с ней изменения являются не просто локальной «санскритизацией», а одним из наиболее вероятных сценариев дальнейшего развития далитских джати. В среде самой касты все очевиднее становится расслоение по уровню экономического развития и поселенческой принадлежности. Фактически, речь идет уже о разделении на три устойчивые группы: 1) жителей центральных районов города, 2) обитателей периферии и трущоб, 3) сельское население. Причем контакты между ними становятся все менее. Хотя на индивидуальном уровне единство идентичности сохраняется и наиболее успешные выходцы из деревень

---

⁴¹³ Ghosh N., Goswami A. Sustainability Science for Social, Economic and Environmental Development. Hershey: IGI Global, 2014. P. 44-45.

вполне могут вписаться в локальные социальные группы *махаров*, проживающих в бизнес-сити⁴¹⁴.

Таким образом, на примере *махаров* отчетливо видны три основные тенденции в развитии «зарегистрированных» каст, сопровождающие их урбанизацию: 1) потеря жесткой хозяйственной специализации и интеграция в капиталистическую систему отношений, 2) «санскритизация» наиболее успешных джати, имеющих доступ к благам, характерным для высокого уровня жизни, 3) расслоение далитских каст по степени саморазвития в контексте вестернизации.

Переезд на постоянное место жительства за границу в страны Запада является еще одним эффективным способом улучшения своего социально-экономического положения для далитов. Однако на пути этой стратегии стоит очевидная проблема в виде необходимости наличия у мигранта соответствующих индивидуальных навыков – знания языка, актуальности профессии и достаточно высокого уровня компетентности в ней, наличие стартового капитала, необходимого для обустройства на новом месте и т.д. Многие из этих трудностей решаются диаспорой.

Сами далитские диаспоры можно очень четко разделить на два типа, соответствующие двум волнам их распространения по миру. К первым относятся «неприкасаемые», покинувшие Индию в период английского колониального управления. В основном это сообщества, специализирующиеся на работе в промышленности и обладающие невысокой профессиональной квалификацией. Главными местами их проживания стали бывшие британские колонии или доминионы – Малайзия, Южная Африка, страны Юго-Восточной Азии. Формирование диаспор этого типа завершилось к 1960-м гг. Поэтому за более чем полувековую историю своего существования они достаточно хорошо адаптировались к местным реалиям.

---

⁴¹⁴ Joseph M.T. Migration and Identity Formation: A Case Study of Dalit Assertion in Aurangbad, Maharashtra // Migration and Mission in India. Delhi: Ishvani Kedra, 2007. P. 95-124.

В подавляющем большинстве случаев социальные пространства, в которых они оказались, в общих чертах напоминают кастовую систему, т.к. формируются из профессионально специализированных хозяйственных ниш, распределенных между различными диаспорами. Однако при этом исследователи отмечают, что внутренние основания кастеизма, как это ни парадоксально, оказались значительно размытыми. Часто встречаются смешанные браки, диаспоры редко формируют жесткие иерархические связи и, естественно, цены на продукты их труда определяются рыночной конъюнктурой. Для далитов-эмигрантов «первой волны» характерно обрубание своих связей с Индией и прекращение контактов со своими кастами. Можно сказать, что переезд в страны запада в рамках колониальной системы отношений стал самым радикальным способом ухода от кастеизма через отрицание самой сути индуистского социального пространства. В этом контексте далеко не случайно подавляющее большинство подобных диаспор в конфессиональном отношении являются христианами, буддистами или сикхами⁴¹⁵.

Второй тип диаспор представляют собой сообщества, сформировавшиеся в 1980-е – 1990-е гг. и продолжающие динамично развиваться в настоящий момент. Основным местом их проживания выступают страны с высоким уровнем жизни – государства Европы (особенно часто Великобритания) и Северной Америки. По ряду важных признаков они кардинально отличаются от предшественников. Прежде всего, иной характер носит занятость далитов. Для колониальной и постколониальной миграций «неприкасаемых» была характерна ориентация на работу в промышленности. Так, например, в 1971-1975 гг. среди переехавших в Северную Америку далитов 57,8% составляли женщины и дети, не готовые или не способные к работе. Среди трудоспособных членов

---

⁴¹⁵ Kumar V. Understanding Exclusion and Assertion of Dalits in India // Globalisation, Governance Reforms and Development in India. New Delhi: SAGE Publications, 2007. P. 302-331; Ghosh P. Partition and the South Asian Diaspora: Extending the Subcontinent. New Delhi: Routledge, 2007. P. 167.

семей лидировали низкоквалифицированные промышленные рабочие – 14%, а сразу за ними шли промышленные рабочие, имеющие среднюю квалификацию – 11,1% ⁴¹⁶. Среди способных и готовых работать далитов, ориентированных на промышленное производство было почти 60%.

В начале 2000-х гг. ситуация меняется. В 2001-2005 гг. среди переехавших в Северную Америку выходцев из «зарегистрированных» каст, не способные или не готовые к труду составляли уже 64,8%. А среди трудоспособных произошла кардинальная смена ориентиров. Промышленные рабочие низкой квалификации составляли только 4,1%, средней квалификации – 2,1%. Лидировали же люди, не имеющие четких предпочтений и рассчитывающие найти работу контекстно, в зависимости от капиталистической конъюнктуры – 20,2% ⁴¹⁷.

Это свидетельствует о том, что современные далиты-эмигранты не держатся за определенный тип занятости, как это было раньше, и не боятся конкуренции в капиталистических отношениях. Объясняется такая ситуация достаточно просто. Если для эмиграции периода колониализма было характерно перемещение далитов из сельской глубинки, то в современных условиях большую часть эмигрантов составляют урбанизированные далиты, имеющие представления о западном образе жизни и уже пошедшие по пути «санскритизации».

С другой стороны, новые «неприкасаемые» диаспоры за рубежом столкнулись с вызовом со стороны кастовой системы, состоящим в том, что по причине достаточно массовой миграции и компактного проживания переселенцев значительно интенсифицировалось взаимодействие между представителями различных каст. Однако такая ситуация не привела к формированию однозначного сценария поведения эмигрантов. Так, в Великобритании, особенно среди сикхов, встречаются многочисленные

---

⁴¹⁶ Jain R.K. Issues Expectations and Solutions // Globalisation, Governance Reforms and Development in India. New Delhi: SAGE Publications, 2007. P. 375-398.

⁴¹⁷ Jain R.K. Issues Expectations and Solutions // Globalisation, Governance Reforms and Development in India. New Delhi: SAGE Publications, 2007. P. 375-398.

примеры дискриминации, причем в самых различных сферах деятельности, от низкоквалифицированного труда до сферы высшего образования⁴¹⁸. В то же время, в Малайзии, проживающие еще с первой половины XX в. *джаты* («неприкасаемая» каста, занимавшаяся земледелием и потому находившаяся на вершине далитской иерархии) довольно часто вступают в брак с нижестоящими и позднее прибывшими на место жительства *чамарами*. Причем, примерно в одинаковой гендерной пропорции, т.е. для женщин-*джатов* не считается позором выход замуж за *чамара*⁴¹⁹.

Еще одной отличительной чертой новых мигрантов является сохранение ими связей со своими джати, оставшимися в Индии. Более того, эти контакты демонстрируют тенденцию к институционализации. Так, в 2001 г. в Дурбане, на конференции, посвященной борьбе против расизма, экстремизма и прочих форм насилия и дискриминации состоялась первая встреча заграничных диаспор из «зарегистрированных» каст. Результатом их диалога стала стратегия оказания помощи в развитии индийским далитам⁴²⁰. Любопытным выводом, сделанным участниками конференции, стало обнаружение новых угроз со стороны кастеизма в отношении незащищенных «неприкасаемых» сообществ. Наиболее важной из них является сознательная консервация мировыми элитами архаичных форм социального пространства, крайне выгодных при управлении новым глобализирующимся социумом. По мнению экспертов, страны «золотого миллиарда» способны сохранять свое главенствующее положение посредством углубления специализации труда в

---

⁴¹⁸ См. например: Cohen N. The secret scandal of Britain's caste system // The guardian. 26.06.2011. [Режим доступа]: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2011/jun/26/nick-cohen-trevor-phillips-caste-discrimination>; Suroor H. Caste discrimination – U.K. dalits win the argument, nearly // The Hindu. 04.09. 2010. [Режим доступа]: http://www.thehindu.com/opinion/columns/Hasan_Suroor/caste-discrimination-uk-dalits-win-the-argument-nearly/article611931.ece; Takhar O.K. Sikh Identity: An Exploration of Groups among Sikhs. New Delhi: Ashgate Publishing Ltd., 2005. P. 115.

⁴¹⁹ Kumar V. Understanding Exclusion and Assertion of Dalits in India // Globalisation, Governance Reforms and Development in India. New Delhi: SAGE Publications, 2007. P. 302-331.

⁴²⁰ Ghosh P. Partition and the South Asian Diaspora: Extending the Subcontinent. New Delhi: Routledge, 2007. P. 170.

региональных и локальных масштабах, что является важнейшим условием образования замкнутых и отчужденных друг от друга сообществ – новых каст, среди которых по очевидной причине нехватки ресурсов будут созданы новые дискриминируемые группы⁴²¹.

На основании подобных умозаключений была предложена идея деструкции подобного мирового порядка и развития коммуникации, сближающей различные группы людей. Видная роль в реализации этого замысла отводится формированию глобального и анархического по своей сути информационного пространства. Причем, далиты и прочие представители дискриминируемых социальных групп должны играть важную роль в формировании ценностей подобного пространства. В связи с этим, а также по более практическим соображениям создания рабочих мест и условий для «санскритизации» членов «зарегистрированных» каст для последних с 2004 г. начала свою работу Далитская Свободная Информационная Сеть (Dalit Freedom Network). Являясь благотворительной организацией в 2012 г. она собрала 2,2 млн. долларов, которые были потрачены на различные гуманитарные программы и подготовку специалистов по программированию среди индийских низов⁴²².

Таким образом, в XXI в. социальное значение эмиграции далитов за рубеж претерпевает существенное изменение. Ранее переселенцы стремились порвать со своим прошлым и уйти от кастовой дискриминации, но при этом стремились сохранить свою идентичность и традиции. Теперь, напротив, далиты, уезжающие за рубеж, фактически, осуществляют еще один из шагов в рамках «санскритизации». Они сохраняют связи со своими общинами и стремятся помогать им. С другой стороны, сама традиционная идентичность

---

⁴²¹ Mutatkar R. State, Civil Society and Justice: The Case of India // Global Civil Society 2011: Globality and the Absence of Justice. New York: PALGRAVE MACMILLAN, 2011. P. 222-232.

⁴²² Dalit Freedom Fund d/b/a Dalit Freedom Network Financial Statements. December 31, 2012 // Dalit Freedom Network. [Режим доступа]: chrome-extension://oemmndcbldboiebfnladdacbfmadadm/http://www.dalitnetwork.org/eeimages/uploads/Dalit_Freedom_Network_FS_2012.pdf

встречает новые мощные вызовы – все реже соблюдаются нормы эндогамии, все чаще профессиональная специализация определяется самим человеком.

Необходимо остановиться на таком важнейшем процессе, как экономическое расслоение некогда достаточно гомогенных каст. Заметим, что в той или иной степени оно наблюдалось всегда. Выше мы приводили примеры значительных различий в качестве жизни представителей «неприкасаемых». Однако в подавляющем большинстве случаев разницу можно было фиксировать лишь при сравнении различных «зарегистрированных» каст, занимающих отличающиеся друг от друга позиции в локальном социальном пространстве. В настоящее время мы видим появление экономического расслоения в рамках одной касты. В качестве наиболее яркого примера можно снова привести касту *махаров*, среди которых можно встретить как ведущих совершенно нищенский образ жизни, так и первого индийского миллионера-далита Раджеша Сарайю. Последний является директором транснациональной компании, учредителем культурного центра «Санскрити» и обладателем состояния в 400 миллионов долларов. Однако по причине сохранения настороженного отношения к своему происхождению свой бизнес он вынужден был развивать на территории Украины⁴²³.

Разумеется, пример касты *махаров* не может быть показательным хотя бы по той причине, что данное сообщество пошло по пути саморазвития и интеграции в капиталистические отношения очень рано, обгоняя даже некоторые вышестоящие джати. Поэтому экономическое расслоение, имеющее в своем основании глубокую «санскритизацию», достаточно естественный феномен даже для жесткой кастовой системы. Гораздо

---

⁴²³ См. например: Nirmal R. Rajesh Saraiya, India's first Dalit billionaire // One India News. 29.05.2011. [Режим доступа]: <http://news.oneindia.in/2011/05/29/rajesh-saraiya-is-indias-first-dalit-billionaire-aid0155.html>; Karunakaran N. Dalit Entrepreneurs celebrate the launch of Dicci's Mumbai chapter// The Economic Times. 30.05.2011. [Режим доступа]: http://articles.economicstimes.indiatimes.com/2011-05-30/news/29598786_1_dalit-capitalism-caste-prejudices-dalit-entrepreneurs

большой интерес для нас представляет комплекс новых причин, порождающих подобные процессы в иных сообществах.

Исследователи данной проблемы выделяют три основных условия, которые могут приводить в современных условиях к расслоению «зарегистрированных» каст.

Первая и наиболее типичная ситуация – переселение некоторых готр одной джати из сельской местности в крупный город. Сопутствующее этому изменение качества жизни мы описывали выше и потому здесь останавливаться на этом вопросе не будем.

Вторая причина экономического расслоения «зарегистрированных» каст связана с уменьшением значения панчаятов в регулировании хозяйственных отношений в индийской деревне, деградацией системы «дждаджмани» и проникновением рынка в традиционное аграрное производство. В контексте сказанного представляет интерес описание социально-экономических трансформаций, происходящих в Уттар-Прадеше, сделанное Судха Паем. Рассматривая жизнь сельских общин Меерутского округа, он заметил, что на выборах в панчаяты в 2000 г. многие кандидаты от «зарегистрированных» каст получили голоса от представителей иных джати (в том числе и от *раджпутов* и брахманов), что было крайне нехарактерно для индийской глубинки. Когда же исследователь решил разобраться с причинами подобного, то выяснилось, что транскастовая поддержка была обеспечена кандидатам, которые были известны округе организацией крупных фермерских хозяйств, ориентированных на товарное производство. Это позволило ему сделать вывод о фактическом изменении функций панчаятов. Если ранее они стояли на страже кастеизма и реализовывали элитарную позицию, то теперь они превращаются в органы самоуправления, лоббирующие определенные экономические интересы ⁴²⁴.

---

⁴²⁴ Pai S. Social Capital, Panchayats and Grassroots Democracy: The Politics of Dalit Assertion in Two Districts of Uttar Pradesh // Interrogating Social Capital: The Indian Experience. New Delhi: SAGE Publications Ltd., 2004. P. 35-70.

Мы становимся свидетелями совершенно новой тенденции в жизни наиболее отсталой части индийского общества – сельских жителей, занимающихся традиционным производством. Суть же подобной новации заключается в появлении инициативных далитов, которые в процессе своей деятельности разрушают устоявшиеся нормы кастеизма и не встречают особенного сопротивления со стороны представителей других каст.

Третьей причиной расслоения далитов является общий характер экономического развития региона. Причем, чтобы выступать в качестве интересующего нас фактора, штат должен обладать хозяйственными нишами, слабо закрепленными за определенными кастами, и способными служить социальным лифтом для инициативных представителей низших каст. Однако по вопросу о том, что детерминирует подобную конъюнктуру, среди исследователей имеется существенное разногласие.

Так, Шарад Чари апеллирует к климатическому фактору. По его мнению, в штатах с сезонным (прерываемым муссонами) земледелием далитские касты не обеспечивают себе базового минимума продуктов и потому даже самые успешные из них не способны к формированию первоначального капитала и переходу к деловой активности⁴²⁵.

Иного взгляда на ситуацию придерживается Сухадео Торат, который полагает, что благоприятная для экономической инициативы далитов конъюнктура появляется там, где представители высших каст перестают контролировать производственный процесс. Поэтому, например, в мегаполисах, где финансирование основных отраслей крупного и транснационального производства осуществляется международными сетевыми компаниями, кастеизм является препятствием на пути капиталистической выгоды и его редукция дает шанс для развития выходцев из далитских каст. В свою очередь, в сельской местности степень благоприятствования инициативам «зарегистрированных» общин зависит от

---

⁴²⁵ Chari S. Fraternal Capital: Peasant-workers, Self-made Men, and Globalization in Provincial India. Stanford: Stanford University Press, 2004. P. 301.

кастовой ангажированности панчаятов. А социальный состав последних напрямую зависит от уровня вестернизации местных «дважды рожденных». Если они изначально обладали неплохим экономическим потенциалом, то во второй половине XX в., скорее всего, значительная часть их общин переехала в города. Соответственно, оставшиеся теряют способность оказывать давление на активность далитов. Таким образом, по мнению Тората, чем лучше экономически развит штат, тем выше степень расслоения местных низов⁴²⁶.

Однако некоторые выводы, сделанные нами выше, при рассмотрении специфики социальных позиций далитов различных штатов, позволяют нам сделать собственное заключение о наличии еще одного фактора экономической диверсификации «зарегистрированных» каст. Таким условием является численность и степень маргинальности касты. Собственно, все приведенные нами примеры экономического и политического успеха относятся к выходцам из крупных джати, занятых реальным производством. Объясняется это достаточно просто. Поскольку в Индии продолжают существовать определенные стереотипы восприятия различных каст, то крайне сложно сформировать деловые контакты для людей, которых воспринимают как потенциальных преступников. На основании этого можно сделать вывод, что чем дальше будет заходить саморазвитие отдельных далитских кланов, тем глубже будет степень маргинализации прочих низших каст, особенно малых, и тем более туманной представляется перспектива решения проблемы неравномерности развития индийского общества.

При рассмотрении новейших проблем и тенденций в развитии «зарегистрированных» каст нами были сделаны следующие выводы:

1. Качество жизни далитов медленно, но неуклонно улучшается.

Причем, это происходит на фоне плохо контролируемой

---

⁴²⁶ Thorat S. Dalits in India: Search for Common Destiny. New Delhi: SAGE Publications Ltd., 2009. P. 96.

демографической ситуации, характеризующейся стремительным ростом населения. Возрастающая численность становится как ценным экономическим ресурсом, так и усиливающимся риском в случае ухудшения международной конъюнктуры и потери Индией ряда внешнеэкономических контактов.

2. Каста утрачивает роль гаранта трудовой занятости своих членов. Это достаточно неоднозначная тенденция, которую можно трактовать с диаметрально противоположных позиций. Такая трансформация, несомненно, служит основанием для преодоления социокультурных барьеров и построения нового гомогенного общества. В то же время, данный процесс является следствием интеграции Индии в систему глобальных связей, где деятельность отсталых сообществ может оказаться невостребованной.
3. Резко увеличивается значение постоянного места проживания общины. Фактически, в современной Индии принадлежность к городскому или сельскому социокультурному пространству играет большую роль, чем кастовая принадлежность. Мы впервые сталкиваемся с примерами интегрированных корпораций, достаточно обособленных друг от друга по поселенческому признаку и при этом состоящих из представителей разных каст.
4. Возрастает экономическое и, как следствие, культурное расслоение далитов. При этом происходит постепенное сращивание наиболее успешных выходцев из низов с представителями привилегированных каст в общественных сферах жизни. Сохранение тесных связей между успешными индивидуумами, и джати из которых они происходят, способствует развитию последних. С другой стороны, малые касты, занимающиеся крайне специализированной экзотической

и мало рентабельной деятельностью, усиливают степень своей маргинализации и усугубляют проблему неравномерности социокультурного развития страны.

5. Существенно видоизменяются технологии социокультурного саморазвития. Классические формы «санскритизации», сливаясь с вестернизацией, порождают причудливый синтез традиционных ценностей, стереотипов и установок, с одной стороны, и объективных когнитивных и технологических потребностей современного глобального мира, с другой стороны.

Заключение

Изучение «неприкасаемых» каст Индии играет особую роль в современных культурологических исследованиях, поскольку проблема расконсервации архаичных социальных групп и устранения неравномерностей социокультурного развития актуальна не только для Индии. Она актуальна для многих крупных многонациональных государств и остро обозначилась в современной глобальной культурной ситуации.

Исследование показало, что «неприкасаемые» касты Индии оказались крайне устойчивым продуктом социальной дискриминации, характерным для традиционного эндогамного общества. Их эволюция в определенной степени стала отражением тех трансформаций, которым подвергаются отсталые сообщества в процессе модернизации и интеграции в систему глобальных связей. В рамках проведенного нами исследования был получен ряд выводов, характеризующих основные вопросы генезиса, развития и путей включения «неприкасаемых» каст в жизнь современного общества.

Сам феномен «неприкасаемости» достаточно характерен для жестко структурированных обществ с сословно-кастовой иерархией и широко представлен в мире. Однако только в Индии данные этнокультурные сообщества просуществовали рекордное историческое время, что объясняется спецификой индийской кастовой системы. Причины этого следует искать в таких историко-культурных факторах, как: 1) узкая хозяйственная специализация натурального производства сельскохозяйственных общин, продукты труда которых распределяются в рамках иерархически организованной системы социального диалога (система «джаджмани»), затрудняющая возможность выхода отдельных общин из своего локального социального пространства; 2) идеолого-мировоззренческий и религиозный контекст, сконструировавший архетипы сознания индийцев, воспринимающих социальное неравенство и дискриминацию, как естественное проявление многообразия мира;

3) многочисленные иностранные завоевания, повлиявшие на гибкость кастовой системы, выработавшие в ней способность к быстрой адаптации к меняющемуся политическому и экономическому контексту, при сохранении религиозно детерминированных социокультурных норм и установок.

Происхождение собственно «неприкасаемых» каст не было однозначным и линейным процессом. Фактически, мы можем говорить о синтезе трех мощнейших тенденций в истории древней Индии, сформировавших комплекс причин генезиса далитов. Во-первых, большую роль сыграла архаичная родовая практика повседневной дискриминации, распространявшаяся древними завоевателями – индоариями на покоренное дравидийское население. Во-вторых, не меньшее значение приобрело институциональное оформление стихийно сложившихся форм эксплуатации и отчуждения низших слоев со стороны «чистых» каст. В-третьих, индуистские религиозные и политические элиты способствовали формированию широкого маргинального слоя в контексте торжества культурной и социально-политической реакции брахманизма на буддистский период истории страны.

Дальнейшая эволюция «неприкасаемых» в раннее средневековье происходила в рамках общего развития кастовой системы Индии. Резкое углубление специализации социокультурных позиций в локальных иерархических системах и закрепление за отдельными общинами узких хозяйственных ниш, привели «неприкасаемых» к трансформации от аморфного маргинального пласта дискриминируемого населения к классическим эндогамным общинам - «джати». В средние века завершилось формирование специфического социокультурного диалога, базировавшегося на жестком определении ролей тех или иных общин в хозяйственном производстве и социальной практике. Сформировавшаяся в результате система взаимоотношений каст оказалась очень устойчивым в историческом отношении продуктом, т.к. основывалась на единстве понимания социальных, экономических, политических, религиозных и культурных норм

всеми основными этнокастовыми сообществами. При этом данная система сохраняла многочисленные локальные вариации, что стало дополнительным основанием для ее устойчивости и адаптивности. В силу указанных причин, классическая форма кастовой системы просуществовала без существенных изменений на всем протяжении господства системы традиционных отношений.

Принципиально новым этапом в истории далитов стало начало комплексной модернизации страны, начавшейся в период британского правления. Развитие капиталистических отношений стали серьезным вызовом для традиционной кастовой системы вообще и феномена «неприкасаемости» в частности. Начался процесс ломки традиционных форм хозяйствования, социального диалога, социально-правовых практик. Урбанизация и индустриализация привели к становлению городской культуры западного типа, поддерживающей активную коммуникацию между различными общественными слоями, в которой затруднялось соблюдение кастовых барьеров. В результате был создан ряд объективных предпосылок для эмансипации «неприкасаемых». Особенно ярко эти тенденции нашли отражение в становлении новой формы положительной социальной мобильности – «санскритизации» (длительной имитации норм жизни высшестоящих каст, с целью постепенного изменения отношения к общине со стороны других джати и последующем повышении в локальной иерархии) и трансформации самосознания низших каст, вовлеченных в сферу колониальных отношений.

Однако, несмотря на ряд объективных предпосылок к преодолению архаичных форм социальной организации, специфика индийских городов с ярко выраженной пространственной сегрегацией тех или иных социальных групп и сохранение влияния религиозных институтов на жизнь общества позволили кастовой системе выжить и адаптироваться к новым реалиям. Тем не менее, развитие капитализма оказало существенное влияние на «неприкасаемых», т.к. способствовала быстрому и интенсивному

социокультурному развитию их отдельных представителей, сформировавших впоследствии активное элитарное ядро, эволюционировавшее в полноценный социальный субъект.

В процессе становления далитских элит мы можем четко выделить два этапа, характеризующих основные векторы их социокультурной трансформации. Так для конца XIX в. был характерен поиск общей для всех «неприкасаемых» идентичности в мировоззренчески-философской сфере и кардинальный пересмотр социально ориентированных норм индуизма, вкуче с ранними попытками реконструкции исторической памяти низших каст, сформированных на базе дравидийского автохтонного этнического субстрата.

В первой половине XX в. возросла роль конкретных лидеров, которые реализовывали себя в политической борьбе за права «неприкасаемых». Важнейшим достижением этого этапа стал опыт межкастового диалога, а также формирование единого активно коммуницирующего социально-политического пространства низших каст. Тем не менее, формирование единой идентичности провалилось в силу значительной разницы в развитии самих «неприкасаемых» и наметившемуся в этот период их дальнейшему размежеванию на классические касты и маргинализирующиеся асоциальные сообщества.

Социокультурное развитие «зарегистрированных» каст во второй половине XX в. пошло по пути их постепенной адаптации к реалиям общества модерна. Одной из наиболее острых проблем этого процесса стала специфическая социально-политическая конъюнктура, сложившаяся в независимой Индии, где государственная политика стимулирования развития далитов посредством распространения на них практики льгот, привела к росту насилия в их отношении со стороны бедного большинства, относящегося к шудрянским кастам. Выстраивание диалога далитов с шудрами стало краеугольным камнем внутренней политики Индии и к началу XXI в. принесло определенные положительные результаты.

Оценка эффективности эмансипации «неприкасаемых» показала, что наиболее успешными оказались те далитские сообщества, которые сумели приобрести ряд черт, обеспечивающих их востребованность в современном обществе, таких как качественное образование, динамичный ритм жизни, хорошее качество культуры повседневности, быт и гигиена, приближенные к западным стандартам и пр. В то же время, в современной Индии в качестве маркеров высокого положения в социальной иерархии продолжают функционировать некоторые архаичные практики, прямо или косвенно стимулирующие сохранение системы «джаджмани», что обуславливает двойственность процессов положительной социальной мобильности. Фактически, речь идет о переплетении и взаимном проникновении вестернизации и «санскритизации».

Немалую роль в развитии далитов на современном этапе играет экономическая самостоятельность их общин. Поскольку с развитием капиталистических, глобально ориентированных отношений, система «джаджмани» перестает функционировать как базовая модель распределения продуктов производства, то и устоявшаяся специализация каст подвергается деконструкции. При этом сам принцип существования касты, как высокоспециализированной в хозяйственном отношении общины, сохраняется (т.к. это снижает себестоимость производства), но традиционная иерархия и система товарообмена более не гарантируют джати их выживание. Последние вынуждены вступать в жесткую конкуренцию между собой. Успешность последней зависит от множества факторов, в том числе от уровня социокультурного развития и наличия необходимых связей с городскими общинами и политическими партиями.

Таким образом, к началу XXI в. модернизация значительно повлияла на жизнь «неприкасаемых» каст. Классическая кастовая система получила ряд жестких ударов и, прежде всего, в ментальном отношении, т.к. кардинальные социальные трансформации XX в. поставили под сомнение ряд традиционных установок и воззрений на сущность касты и ее культурную

обусловленность. Прежний незыблемый авторитет религиозных и военных элит, который поддерживал существование кастовой системы, в настоящее время сменяется достаточно размытым доминированием экономически успешных общин, что открывает широкие возможности по улучшению своего положения для отдельных джати, готовых идти по пути комплексного саморазвития.

Всеобщая бедность значительной части населения страны, безработица в нетрадиционных отраслях производства и многонациональность общества открывают широкие возможности для нового этапа развития жестких эндогамных социальных систем. Более того, указанные факторы вкупе с избыточным населением Индии создают основания для ужесточения дискриминации определенных групп населения. Традиционные социокультурные установки продемонстрировали свою невероятную живучесть и показали, что наличие дискриминируемых социальных позиций и самого феномена «неприкасаемости» является неотъемлемой чертой индийской цивилизации и того оригинального синтеза культурных, социальных, религиозных, экономических и политических связей, определяющих ее сущность. Тем не менее, нам представляется, что модернизация «неприкасаемых» сообществ и их включенность в активную жизнь всего общества может быть успешной, если основывается не только на положительных переменах в экономической и политической сферах. Социокультурные изменения, связанные с восприятием далитов другими кастами, способны существенно изменить формы их социального бытия и улучшить место и роль этих слоев в жизни индийского общества.

Источники и литература

Источники

Опубликованные документы и материалы

- 1.1. Артхашастра или наука политики. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. – Т. III. – 793 с.
- 1.2. Законы Ману / Пер. С.Д. Эльманович. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1960. – 359 с.
- 1.3. Конституция Индии // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония, Индия. – М.: Изд-во Волтерс Клувер, 2006. С. 422–574.
- 1.4. Balakrishna, V.G. FreedommovementinAndhraPradesh / V.G. Balakrishna // PressInformationBureau, GovernmentofIndia. [Режим доступа]: // <http://pib.nic.in/feature/feyr98/fe0798/PIBF0707982.html>
- 1.5. Being Neutral is Our Biggest Crime: Government, Vigilante and Naxalite Abuses in India's Chhattisgarh State. – New York: Human Rights Watch, 2008. – 182 p.
- 1.6. Country Briefing: India // Oxford Poverty and Human Development Initiative (OPHI). – 2010. [Режим доступа]: // <chrome-extension://oemmndcbldboiebfnladdacbfdmadadm/http://www.ophi.org.uk/wp-content/uploads/Country-Brief-India.pdf>
- 1.7. Dalit Freedom Fund d/b/a Dalit Freedom Network Financial Statements. December 31, 2012 // Dalit Freedom Network. [Режим доступа]: // chrome-extension://oemmndcbldboiebfnladdacbfdmadadm/http://www.dalitnetwork.org/eeimages/uploads/Dalit_Freedom_Network_FS_2012.pdf
- 1.8. Dijkstra, S., Kenny, C., Sandefur, J. Global Absolute Poverty Fell by Almost Half on Tuesday / S. Dijkstra, C. Kenny, J. Sanderfur // Center for

- Global Development. [Режим доступа]: // <http://www.cgdev.org/blog/global-absolute-poverty-fell-almost-half-tuesday>
- 1.9. Gazetteer for the Haidarabad assigned districts, commonly called Berar. Bombay: Education society's press, Byculla, 1870. – 282 p.
  - 1.10. Haryana Land Records Manual. – Delhi: Land Records Deptt, 1990. – 538 p.
  - 1.11. Hazarica B.K. Core Problems of the Scheduled Castes of Assam / B.K. Hazarica. – Dispur: Assam Institute of Research for Tribals and Scheduled Castes, 1995. – 159 p.
  - 1.12. Hidden Apartheid: Caste Discrimination against India's "Untouchables". – Human Rights Watch short reports, Asia. – Vol. 19. – No. 1. – New York: New York University School of Law, 2007. – 112 p.
  - 1.13. Hidden Apartheid: Caste Discrimination against India's "Untouchables". – Human Rights Watch short reports, Asia. – Shadow Report to the UN Committee on the Elimination of Racial Discrimination. – Vol. 19. – No. 3. – New York: Center for Human Rights and Global Justice, 2007. – 118 p.
  - 1.14. Jhumaria Parmer // People Groups of India. [Режим доступа]: // <http://www.peoplesgroupsindia.com/tag/jhumaria-parmer/>
  - 1.15. Kolkata Police Sub-Inspector Exam., 2007: General Studies and Arithmetic // Pratiyogita Darpan. – Issue 29. – 2008. – P. 876-882.
  - 1.16. Kori // People Groups of India. [Режим доступа]: // <http://www.peoplesgroupsindia.com/profiles/kori/>
  - 1.17. List of Communities. Tamil Nadu Public Service Commission. [Режим доступа]: // <http://www.tnpsc.gov.in/communities-list.html#sc>
  - 1.18. National Commission for Scheduled Castes and Tribes (Present Organization Chart) // Government of India. [Режим доступа]: // <chrome-extension://oemmnadbldboiebfnladdacbfmadadm/http://ncst.nic.in/writereaddata/mainlinkfile/organizationalChart.pdf>
  - 1.19. National Commission for Scheduled Castes and Tribes // Government of India. [Режим доступа]: // <http://ncst.nic.in/index.asp?langid=1>

- 1.20. Papers Relating to the Application of the Principle of Dyarchy to the Government of India: To which are Appended the Report of the Joint Select Committee and the Government of India Act, 1919. – London: Clarendon Press, 1920. – 606 p.
- 1.21. Pasi // People Groups of India. [Режим доступа]: // <http://www.peoplegroupsindia.com/profiles/pasi/>
- 1.22. People list belonging to Namasudra samaj community // Namassej (Namasudra) Samaj. [Режим доступа]: // http://namasudra.com/index.php?id=5&no_cache=1
- 1.23. People of India: Bihar. – Vol. XVI. – Part 2. – Mumbai: Popular Prakashan Pvt., Ltd., 2005. – 1624 p.
- 1.24. People of India: Haryana. – Vol. XXIII. – Mumbai: Manohar Publishers & Distributers, 2005. – 1542 p.
- 1.25. People of India: Maharashtra. – Vol. XXX. – Part 1. – Mumbai: Popular Press, 2004. – 2130 p.
- 1.26. People of India: Maharashtra. – Vol. XXX. – Part 3. – Mumbai: Popular Prakashan Pvt., Ltd., 2004. – 1864 p.
- 1.27. People of India: Rajasthan. – Vol. XXXVIII. – Part 2. – Mumbai: Manohar Publishers & Distributers, 2005. – 1068 p.
- 1.28. People of India: Tamil Nadu. – Vol. XXVI. – Part 2. – New Delhi: Anthropological Survey of India, 1997. – 1348 p.
- 1.29. People of India: Uttar Pradesh. – Vol. XLII. – Part 3. – Mumbai: Manohar Publishers & Distributers, 2005. – 1624 p.
- 1.30. Planning Commission. Government of India. Geographical and Historical Features // Kerala Development Report. – New Delhi: Academic Foundations, 2008. – 476 p.
- 1.31. Poona Pact // A Dalit Media. – Dr. Babasaheb Ambedkar and his People site [Режим доступа]: // <http://www.ambedkar.org/impdocs/poonapact.htm>

- 1.32. Proposal for 150 days of work under MGNREGA // MGNREGA. [Режим доступа]: // <http://www.mgnrega.in/2014/03/proposal-for-150-days-of-work-under.html>
- 1.33. Report of the Commissioner for Scheduled Castes and Tribes // Commission for Scheduled Castes and Scheduled Tribes. – Part 2. – Government of India Press, 1962. – 84 p.
- 1.34. Report of the Commission for Scheduled Castes and Scheduled Tribes // Commission for Scheduled Castes and Scheduled Tribes. Government of India Press, 1986. – 448 p.
- 1.35. Rig-Veda Sanhita: A collection of ancient Hindu hymns. – London: Wm.H. Allen and Co., 1857. – 526 p.
- 1.36. Rose, A. A Glossary of the Tribes and Castes of Punjab and North West Frontier Province / A. Rose. – Vol. II. – New Delhi: General books LCC, 2010. – 923 p.
- 1.37. The Laws of Manu / Ed. by F.M. Muller. – Richmond: Curzon Press Ltd., 2001. – 400 p.
- 1.38. Towards freedom: documents on the movement for independence in India, 1946 / Ed. by S. Sarkar. – Part 2. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 518 p.
- 1.39. Some Facts of Constituent Assembly // Parliament of India. National Informatics Centre. [Режим доступа]: // <http://parliamentofindia.nic.in/ls/debates/facts.htm>
- 1.40. Simon Commission Report on India. – Delhi: Swati Publications, 1930. – 301 p.
- 1.41. Steinberg, D. Indian Constitutional Round Table Conferences / D. Steinberg. – London 1930-1933. [Режим доступа]: // http://www.houseofdavid.ca/round_tab.htm
- 1.42. The National Rural Employment Guarantee Act, 2005 // Ministry of Rural development. The Gazette of India: Extraordinary. – New Delhi: Government of India Press, 2005. – 36 p.

- 1.43. The Protection of Civil Rights Act, 1955 // Constitutional Safeguards for Weaker Sections and the Minorities in India. – New York: Concept Publishing Company, 1999. – P. 123-140.
- 1.44. Thiruvithamkoor Ayyanavar. The Dalit Community of South India. [Режим доступа]: [//http://ayyanavar.org/index.php/home](http://ayyanavar.org/index.php/home)
- 1.45. Upadhyay, S.B. Meaning of Work in Dalit Autobiographies / S.B. Upadhyay // SAGE Biographical Research. – Vol. III: Other Forms of Life Writing – Letters, Diaries and Auto/Biography. – New Delhi: SAGE Publications Ltd., 2012. – P. 255-282.
- 1.46. Working Group on the Development of Scheduled Castes, 1980- Report // Committes & Commissions in India. – 1980. – New Delhi: Concept Publishing Company, 1994. – P. 291 – 359.

Статистические сборники

- 2.1. Assam. Data highlights: The Scheduled Castes // Census of India 2001. – Government of India. [Режим доступа]: chrome-extension://oemmnndcbldboiebfnladdacbfmadadm/http://censusindia.gov.in/Tables_Published/SCST/dh_sc_assam.pdf
- 2.2. Das. S. Impact of democratic politics on caste with special reference to the Patnis or Cachar / S. Das // Journal of Humanities and Social Science. – 2014. – Vol. 19, - Issue 1. P. 19-23.
- 2.3. Population, Poverty and Environment in North-East India. – New Delhi: Concept Publishing Company, 2000. – 412 p.
- 2.4. Rajasthan. Data Highlights: The Sheduled Tribes. Census of India 2001. // Office of the Registrar General, India. [Режим доступа]: [// http://censusindia.gov.in/Tables_Published/SCST/dh_st_rajasthan.pdf](http://censusindia.gov.in/Tables_Published/SCST/dh_st_rajasthan.pdf)
- 2.5. Statistical Report on General Election, 2006 to Legislative Assembly of Tamil Nadu. Election Comission of India. – New Delhi. – 2006. [Режим доступа]: [//chrome-](chrome-extension://oemmnndcbldboiebfnladdacbfmadadm/http://censusindia.gov.in/Tables_Published/SCST/dh_st_tamilnadu.pdf)

- extension://oemmndcbldboiebfnladdacbfdmadadm/http://eci.nic.in/eci_main/StatisticalReports/SE_2006/StatReport_TN_2006.pdf
- 2.6. Statistics of Uttar Pradesh // Census of India 2001. – Uttar Pradesh Government. [Режим доступа]: // <http://upgov.nic.in/upstateglance.aspx>
  - 2.7. Table 162: Number and Percentage of Population Below poverty Line // Reserve Bank of India. [Режим доступа]: // <http://www.rbi.org.in/scripts/PublicationsView.aspx?id=15283>
  - 2.8. Tables // Census of India 2001. – India Government. [Режим доступа]: // http://censusindia.gov.in/Tables_Published/SCST/scst_main.html
  - 2.9. Tamil Nadu. Data Highlights: The Scheduled Castes // Census of India 2001. Government of India. [Режим доступа]: // chrome-extension://oemmndcbldboiebfnladdacbfdmadadm/http://censusindia.gov.in/Tables_Published/SCST/dh_sc_tamilnadu.pdf
  - 2.10. Urban India 2011: Evidence. – New Delhi: Indian Institute for Human Settlements, 2011. – 59 p.
  - 2.11. Uttar Pradesh // Census of India 2011. Provisional Population totals. – Government of India. – Lucknow: Swastika Pvt., Ltd., 2011. – P. 30-33.
  - 2.12. Uttar Pradesh. Data Highlights: The Scheduled Castes // Census of India 2001. Government of India. [Режим доступа]: // chrome-extension://oemmndcbldboiebfnladdacbfdmadadm/http://censusindia.gov.in/Tables_Published/SCST/dh_sc_up.pdf

Периодическая печать

- 3.1. Индийские мужчины - прачки // Общество. – 08.01.2013. – Pixa News. [Режим доступа]: // <http://pixanews.com/society/indijskie-muzhchiny-prachki.html>
- 3.2. Cohen, N. The secret scandal of Britain's caste system / N. Cohen // The guardian. 26.06.2011. [Режим доступа]: //

<http://www.theguardian.com/commentisfree/2011/jun/26/nick-cohen-trevor-phillips-caste-discrimination>

- 3.3. Donnan, S. World Bank eyes biggest global poverty line increase in decades / S. Donnan // Financial Times. Global Economy.09.05.2014 [Режим доступа]: // <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/091808e0-d6da-11e3-b95e-00144feabdc0.html#axzz3428XGIDO>
- 3.4. Karunakaran, N. Dalit Entrepreneurs celebrate the launch of Dicci's Mumbai chapter / N. Karunakaran // The Economic Times. – 30.05.2011. [Режим доступа]: // http://articles.economictimes.indiatimes.com/2011-05-30/news/29598786_1_dalit-capitalism-caste-prejudices-dalit-entrepreneurs
- 3.5. Nirmal R. Rajesh Saraiya, India's first Dalit billionaire // One India News. – 29.05.2011. [Режим доступа]: // <http://news.oneindia.in/2011/05/29/rajesh-saraiya-is-indias-first-dalit-billionaire-aid0155.html>
- 3.6. Suroor, H. Caste discrimination – U.K. dalits win the argument, nearly / H. Suroor // The Hindu. – 04.09.2010. [Режим доступа]: // http://www.thehindu.com/opinion/columns/Hasan_Suroor/caste-discrimination-uk-dalits-win-the-argument-nearly/article611931.ece
- 3.7. Tripathi, A. UP government has clarified that kori caste is considered as scheduled caste and certificates are being issued to the people belonging to the particular caste. The government spokesman denied allegation of opposition parties that koris have been dropped from the list of scheduled castes / A. Tripathi // Times of India. 19.02.2011. [Режим доступа]: // <http://timesofindia.indiatimes.com/home/UP-government-has-clarified-that-kori-caste-is-considered-as-scheduled-caste-and-certificates-are-being-issued-to-the-people-belonging-to-the-particular-caste-The-government-spokesman-denied-allegation-of-opposition-parties-that-koris-have-been-dropped-from-the-list-of-scheduled-castes-/articleshow/7527196.cms>

Мемуары

- 4.1. Неру, Дж. Автобиография / Дж. Неру. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 653 с.
- 4.2. Ambedkar, B.R. WaitingforaVisa / B.R. Ambedkar // siteofColumbiaUniversity. [Режим доступа]: // http://www.columbia.edu/itc/mealac/pritchett/00ambedkar/txt_ambedkar_waiting.html
- 4.3. Gandhi, M. Hind Swaraj and Other Writings / M. Gandhi. – New York: Cambridge University Press, 1997. – 208p.
- 4.4. Narayana, G. Govind Narayan's Mumbai: An Urban Biography from 1863 / G. Narayana. – New York: Anthem Press, 2009. – 385 p.

Литература

Монографии и статьи

- 1.1. Андросов, В.П. Будда Шакьямуни и индийский буддизм / В.П. Андросов. – М.: Восточная литература, 2001. – 508 с.
- 1.2. Антонова, К.А., Бонгард-Левин, Г.М., Котовский, Г.Г. История Индии. Краткий очерк / К.А. Антонова, Г.М. Бонгард – Левин, Г.Г. Котовский. – М.: Наука, 1973. – 479 с.
- 1.3. Ашрафян К.З. Аграрный строй Северной Индии: XIII – серединаXVIIIв. / К.З. Ашрафян. – М.: Наука, 1965. – 328 с.
- 1.4. Ашрафян, К.З. Проблемы развития феодализма в Индии / К.З. Ашрафян // Народы Азии и Африки. – 1969. – № 4. – С. 66-75.
- 1.5. Бонгард-Левин, Г.М. Индия эпохи Маурьев / Г.М. Бонгард-Левин. – М.: Наука, 1973. – 406 с.
- 1.6. Бонгард-Левин, Г.М., Ильин, Г.Ф. Индия в древности / Г.М. Бонгард-Левин, Г.Ф. Ильин. – М.: Наука, 1985. – 756 с.
- 1.7. Гараджа, В.И. Социология религии / В.И. Гараджа. – М.: ИНФРА, 2005. – 348 с.

- 1.8. Глушкова И.П. Индийское паломничество. Метафора движения и движение метафоры / И.П. Глушкова. – М.: Научный мир, 2000. – 264 с.
- 1.9. Глушкова И.П. Подвижность и подвижничество / И.П. Глушкова. – М.: Наталис, 2008. – 512 с.
- 1.10. Гусева, Н.Р. Раджастханцы. Народ и проблемы / Н.Р. Гусева. – М.: Наука, 1989. – 230 с.
- 1.11. Данге, Ш.Ш. Индия от первобытного коммунизма до разложения рабовладельческого строя / Ш.Ш. Данге. – М.: Наука, 1975. – 312 с.
- 1.12. Дьяконов, И.М. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей / И.М. Дьяконов // ВДИ. – 1963. – №1. – С. 16-34.
- 1.13. Ильин, Г.Ф. Основные проблемы рабства в древней Индии / Г.Ф. Ильин // История и культура древней Индии. – М.: Наука, 1963. С. 120-147.
- 1.14. Ким, Г.Ф. Зарубежный Восток и современность: основные закономерности и специфика развития освободившихся стран / Г.Ф. Ким. – Т. 2. – М.: Наука, 1974. – 284 с.
- 1.15. Котовский, Г.Г. Социально-экономическое содержание проблемы «неприкасаемых» / Г.Г. Котовский // Ученые записки Института Востоковедения АН СССР. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. – Т. V. – С. 75-152.
- 1.16. Кудрявцев, М.К. Кастовая система в Индии / М.К. Кудрявцев. – М.: Наука, 1992. – 264 с.
- 1.17. Куценков, А.А. Эволюция индийской касты / А.А. Куценков. – М.: Наука, 1983. – 325 с.
- 1.18. Медведев, Е.М. Karma kara и Bhrtaka. К проблеме формирования низших каст / Е.М. Медведев // Касты в Индии. – М.: Наука, 1965. – С. 133-150.
- 1.19. Медведев, Е.М. О самоуправлении североиндийских городов раннего средневековья / Е.М. Медведев // Индийская культура и буддизм. – М.: Восточная литература, 1972. – С. 103-114.

- 1.20. Медведев, Е.М. Эволюция формы индийских дарственных грамот и их происхождение / Е.М. Медведев // История и культура древней Индии. – М.: Наука, 1963. – С. 177-188.
- 1.21. Осипов, А.М., Рейснер, И.М. Народное восстание в Индии, 1857-1859: сборник статей к столетию восстания / А.М. Осипов, И.М. Рейснер. – М.: Восточная литература, 1957. – 326 с.
- 1.22. Петрова И.А. Культурные революции XX века: Разрыв с традиционной культурой или ее продолжение? / И.А. Петрова // Вестник ВолГУ. Серия 7, Философские науки и культурология. – 2014. № 1 (21). – С. 13-20.
- 1.23. Петрова И.А., Кибасова Г.П., Жура В.В. Этногенез и социогенез: проблемы взаимодействия. / И.А. Петрова, Г.П. Кибасова, В.В. Жура // Вестник ВолГУ. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. – 2012. № 2. – С. 11-16.
- 1.24. Рейснер, И.М. Восстания джатов в области Агра - Дели в конце XVII – начале XVIII в. / И.М. Рейснер // Ученые записки Института Востоковедения АН СССР. – Т. XVIII. – М.: Восточная литература, 1957. – С. 3-25.
- 1.25. Соснина, Н.Н. Использование английскими колонизаторами кастовой системы / Н.Н. Соснина // Касты в Индии. – М.: Наука, 1965. – С. 296-321.
- 1.26. Ульяновский, Р.А. Актуальные проблемы национально-освободительной борьбы в Индии / Р.А. Ульяновский // Народы Азии и Африки. – М.: Изд-во академии Наук СССР, 1969. – С. 3-15.
- 1.27. Успенская, Е.Н. Антропология индийской касты / Е.Н. Успенская. – СПб.: Наука, 2010. – 557 с.
- 1.28. Чанана, Д.Р. Рабство в древней Индии по палийским и санскритским источникам / Д.Р. Чанана. – М.: Прогресс, 1964. – 240 с.
- 1.29. Эдвардс, М. Древняя Индия / М. Эдвардс. – М.: Центрполиграф, 2005. – 224 с.

- 1.30. Abbas, H., Kumar, R., Alam, M.A. Indian Government and Politics / H. Abbas, R. Kumar, M.A. Alam. - New Delhi: Dorling Kindersley (India) Pvt. Ltd., 2011. – 352 p.
- 1.31. Adeney, K., Wyatt, A. Contemporary India / K. Adeney, A. Wyatt. – New Delhi: Palgrave MacMillan, 2010. – 304 p.
- 1.32. Agarwal, S. K. Towards Improving Governance / S.K. Agarwal. – New Delhi: Darya Ganj, 2008. – 266 p.
- 1.33. Agrawal, L.M.G. Freedom fighters of India / L.M.G. Agrawal. – Delhi: ISHA Books, 2008. – 1192 p.
- 1.34. Agrawal, S.P., Aggarwal, J.C. Information India 1992-93: Global View / S.P. Agrawal, J.C. Aggarwal. – New Delhi: Concept Publishing Company, 1994. – 656 p.
- 1.35. Agrawala, V.S. India as it known to Panini / V.S. Agrawala. – Delhi: Lucknow, 1953. – 475 p.
- 1.36. Ahmad, M.H. Political history and institutions of the early Turkish empire of Delhi (1206-1290) / M.H. Ahmad. – Lahore: University of Punjab, 1949. – 417 p.
- 1.37. Alex, G., Heidemann, F. Tamil Nadu: Inequality and status / G. Alex, F. Heidemann // The Modern Anthropology of India: Ethnography, Themes and Theory. – New York: Routledge, 2013. – P. 260-275.
- 1.38. Alexander, K.C. Social Mobility in Kerala; Modernity and Identity in Conflict / K.C. Alexander. – Poona: Clive Bingley, 1979. – 320 p.
- 1.39. Alter, A. Dhol Sagar: Aspects of Drum Knowledge amongst Musicians in Garhwal, North India. [Режим доступа]: // chrome-extension://oemmndcbldboiebfnladdacbfdmadadm/http://himalaya.socanth.cam.ac.uk/collections/journals/ebhr/pdf/EBHR_24_03.pdf
- 1.40. Ambedkar, B.R. Castes in India: Their Mechanism, Genesis and Development / B.R. Ambedkar // Paper presented at an Anthropology Seminar taught by Dr. A. A. Goldenweizer. Columbia University, 9 th May 1916. [Режим доступа]: //

http://www.columbia.edu/itc/mealac/pritchett/00ambedkar/txt_ambedkar_castes.html

- 1.41. Ambedkar, B.R. *Pakistan or the Partition of India* / B.R. Ambedkar. – Bombay: Thackers Publishers, 1946. – 481 p.
- 1.42. Ambedkar, B.R. *The Annihilation of Caste* / B.R. Ambedkar. – Mumbai: Critical Quest, 2007. – 135 p.
- 1.43. Ambedkar, B.R. *The Buddha and His Dhamma: Critical Edition* / B.R. Ambedkar. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 325 p.
- 1.44. Ambedkar, B.R. *Who were Shudras?: How They Came to be the Fourth Varna in the Indo-Aryan Society* / B.R. Ambedkar. – Delhi: Thackers Pub., 1970. – 268 p.
- 1.45. Ambedkar, M. *The Architect of Modern India – Dr. Bhimrao Ambedkar* / M. Ambedkar. – New Delhi: Diamond Pocket Books Ltd., 2005. – 152 p.
- 1.46. Arnold, D. *Gandhi: Profiles in Power* / D. Arnold. – Harlow: Pearson Education Ltd., 2001. – 275 p.
- 1.47. Arora, N.D. *Political Science for Civil Services Main Examination* / N.D. Arora. – New Delhi: Tata McGraw Hill Education Pvt. Ltd., 2010. – 48.12 p.
- 1.48. Athreya, V.B., Djurfeldt, G., Lindberg, S. *Barriers broken: production relations and agrarian change in Tamil Nadu* / V.B. Athreya, G. Djurfeldt, S. Lindberg. – New Delhi: SAGE Publications, 1990. – 336 p.
- 1.49. Audinarayana, N. *Socio-Cultural Dimensions of Marriage in Rural India* / N. Audinarayana. – New Delhi: Mittal Publications, 1990. – 272 p.
- 1.50. Bailey, F.G. *Caste and the Economic Frontier. A Village in Highland Orissa* / F.G. Bailey. – Manchester: Manchester University Press, 1957. – 292 p.
- 1.51. Bailey, F.G. *Closed Stratification in India* / F.G. Bailey // *European Journal of Sociology*. – 1963. – No. 4. – P. 107-124.
- 1.52. Bajpal, P., Bhandari, L., Sinha, A. *Social and Economic Profile of India* P. Bajpal, L. Bhandari, A. Sinha. – New Delhi: Indicus Analytics, 2005. – 173 p.

- 1.53. Bakshi, S.R. Nationalism and British Raj / S.R. Bakshi. – New Delhi: Atlantic Publishers and Distributers, 1988. – 170 p.
- 1.54. Ballhatchet, K. Caste, Class and Catholicism in India: 1789-1914 / K. Ballhatchet. – Richmond: Curzon Press, 1998. – 175 p.
- 1.55. Bandyopadhyay, S. Caste, Culture and Hegemony: Social Dominance in Colonial Bengal / S. Bandyopadhyay. – New Delhi: Sage Publications India Pvt. Ltd., 2004. – 252 p.
- 1.56. Basu, D., Islam, G., Gogoi, R., Dey, S., Deori, J. Child's growth and nutrition status in two communities – Mishing tribe and Kaibarta caste of Assam, India / D. Basu, G. Islam, R. Gogoi, S. Dey, J. Deori // International Journal of Sociology and Anthropology. – 2014. – Vol. 6(2). – P. 59-69.
- 1.57. Basu, R.S. Nandanar's children: the Pariyans' tryst with destiny, Tamil Nadu 1850 – 1956 / R.S. Basu. – New Delhi: SAGE Publications Ltd., 2011. – 424 p.
- 1.58. Bayly, S. Caste, Society and Politics in India from the Eighteenth Century to the Modern Age S. Bayly. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 421 p.
- 1.59. Behar, A.A Ground Reality to Assess the Realization of Economic, Social and Cultural Rights in India / A.A. Behar // Human Rights and Budgets in India. – New Delhi: Human Rights Law Network, 2009. – P. 597-702.
- 1.60. Ben Rees, D. Vehicles of Grace & Hope: Welsh Missionaries in India 1800-1970 / D. Ben Rees. – New York: William Carey Library, 2002. – 259 p.
- 1.61. Bhakti Religion in North India: Community Identity and Political Action / ed. by D.N. Lorenzen. – New York: State University of New York Press, 1995. – 331 p.
- 1.62. Bharathi, T. A History of Telugu Dalit Literature / T. Bharathi. – Delhi: Kalpaz Publications, 2008. – 282 p.
- 1.63. Bharatya, S. Dalit and Minority Empowerment / S. Bharatya. – New Delhi: Rajkamal Prakashan Pvt. Ltd., 2008. – 467 p.

- 1.64. Bhatt, S.C., Bharagva G.K. Land and People of Indian States and Union Territories: In 36 Volumes / S.C. Bhatt. – Kerala. – Vol. 14. Delhi: Kalpaz Publications, 2006. – 438 p.
- 1.65. Bhattacharya, J.N. Hindu Castes and Sects / J.N. Bhattacharya. – Calcutta: Thacker, Spink and Company, 1896. – 522 p.
- 1.66. Biswas, S.K. Nine Decades of Marxism in the Land of Brahmanism / S.K. Biswas. – Calicut: Other Books, 2008. – 173 p.
- 1.67. Blunt, E.A. Nomads in India / E.A. Blunt. – Delhi: Anthropological survey of India, 1982. – 332 p.
- 1.68. Blunt, E.A. The Caste System of Northern India with Special Reference to the United Provinces of Agra and Oudh / E.A. Blunt. – London: Oxford Univ. Press, 1931. – 286 p.
- 1.69. Boesche, R. The First Great Political Realist: Kautilya and his Arthashastra / R. Boesche. – Lanham: Lexington Books, 2002. – 142 p.
- 1.70. Bose, N.K. The Structure of Hindu society / N.K. Bose. – New Delhi: Orient Longman Ltd, 1994. – 171 p.
- 1.71. Busi, S.N. Mahatma Gandhi and Babasaheb Ambedkar: Crusaders Against Caste and Untouchability / S.N. Busi. – Hyderabad: Saroja Publications, 1997. – 622 p.
- 1.72. Caldwell, R. A Comparative Grammar of the Dravidian or South-Indian Family of Languages / R. Caldwell. – London: Harrison and Sons, 1856. – 528 p.
- 1.73. Castellino, J., Redondo E.D. Minority Rights in Asia: A Comparative legal Analysis / J. Castellino. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 256 p.
- 1.74. Chakrabarti, D.K. Mahajanapada States of early historic India / D.K. Chakrabarti // A comparative study of thirty city-state cultures. – Copenhagen: Copenhagen Police Centre, 2003. – P. 374-392.
- 1.75. Chakrabarty, B. Local Politics and Indian Nationalism: Midnapur (1919-1944) / B. Chakrabarty. – New Delhi: Manohar Publishers, 1997. – 223 p.

- 1.76. Chakrabarty, B. *Social and Political Thought of Mahatma Gandhi* / B. Chakrabarty. – New York: Routledge, 2006. – 208 p.
- 1.77. Chakrabarty, B., Kujur, R.K. *Maoism in India: Reincarnation of Ultra-Left Wing Extremism in the Twenty-First Century* / B. Chakrabarty, R.K. Kujur. – New York: Routledge, 2010. – 264 p.
- 1.78. Chakraborti, U. *Gendering Caste: Through a Feminist Lens* / U. Chakraborti. – Calcutta: Bhakti and Sen, 2003. – 183 p.
- 1.79. Chandra, K. *Why Ethnic Parties Succeed Patronage and Ethnic Head Counts in India* / K. Chandra. – New York: Cambridge University Press, 2004. – 368 p.
- 1.80. Chandra, R. *Identity and Genesis of Caste System in India* / R. Chandra. – New Delhi: Kalpaz Publications, 2005. – 300 p.
- 1.81. Chandra, R., Mitra, S. *Dalit Identity in the new millennium: Jagjivan Ram and His Times* / R. Chandra, S. Mitra. – Vol. 5. – New Delhi: Commonwealth Publ., 2003. – 313 p.
- 1.82. Chari, S. *Fraternal Capital: Peasant-workers, Self-made Men, and Globalization in Provincial India* / S. Chari. – Stanford: Stanford University Press, 2004. – 379 p.
- 1.83. Chauhan, D.S. *Trends of Urbanization in Agra* / D.S. Chauhan. – Bombay: Allied Publishers, 1966. – 459 p.
- 1.84. Chawla, A. *Devadasis – sinners or sinned against?* / A. Chawla // Samarth Bharat, 2002. [Режим доступа]: // <http://www.samarthbharat.com>
- 1.85. Chentharassery, T.H.P. *Ayyankali – Biography* / T.H.P. Chentharassery. – Vengannor: Trivandrum Press, 1987. – 148 p.
- 1.86. Ciotti, M. *Retro-Modern India: Forging the Low-Caste Self* / N. Ciotti. – New Delhi: Routledge, 2010. – 312 p.
- 1.87. Ciotti, M. *Uttar Pradesh: Untouchability and Politics* / M. Ciotti // *The Modern Anthropology of India*. – New York: Routledge, 2013. – P. 286-309.

- 1.88. Culture, Society and Sexuality / Ed. by R. Parker, P. Aggleton. – London: UCL Press, 1999.
- 1.89. Dalmia, V., Sadana, R. Cambridge Companion to Modern Indian Culture / V. Dalmia, R. Sadana. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 291 p.
- 1.90. Das, K.C. Global Encyclopedia of West India Dalit's Ethnography / K.C. Das. – New Delhi: Global Vision Publishing House, 2008. – 392 p.
- 1.91. Das, K.C. Indian Dalits: Voices, Visions and Politics / K.C. Das. – Delhi: Global Vision Publishing House, 2004. – 295 p.
- 1.92. Das, R. Jayaprakash Narayan: His Life and Mission / R. Das. – New Delhi: Sarup & Sons, 2007. – 323 p.
- 1.93. Dasgupta, A.K. A history of Indian economic thought / A.K. Dasgupta. – London: Routledge, 1993. – 224 p.
- 1.94. Datta, A. Refuges and Borders in South Asia: The Great Exodus of 1971 / A. Datta. – New York: Routledge, 2013. – 229 p.
- 1.95. Desai, P.B. Size and Sex Composition of Population in India: 1901-1961 / P.B. Desai. – New Delhi: Asia Publishing House, 1969. – 263 p.
- 1.96. Desphande, A. Social justice through affirmative action in India: an assessment / A. Desphande // Capitalism on Trial: Explorations in the Tradition of Thomas E. Weisskopf. – Northampton: Edward Elgar Publishing Limited, 2013. – P. 266-285.
- 1.97. Development of Marathwada: A Perspective. – Delhi: Swami Ramanand Teerth Research Institute, 1999. – 196 p.
- 1.98. Devi, A.L. Rural Women: Management in Farm and House / A.L. Devi. – New Delhi: Northern Book Centre, 1988. – 180 p.
- 1.99. Drekmeier, C. Kingship and community in early India / C. Drekmeier. – Stanford: Stanford university press, 1962. – 369 p.
- 1.100. Dube, S. Untouchable Past: Religion, Identity, and Power among a Central Indian Community, 1780-1950 / S. Dube. – New York: State University of New York Press, 1998. – 308 p.

- 1.101. Duckers, P. *The British-Indian Army 1860-1914* / P. Duckers. – London: Shire Publications Ltd., 2003. – 56 p.
- 1.102. Dumont, L. *Homo Hierarchicus: the caste system and its implications* / L. Dumont. – Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 386 p.
- 1.103. Dutt, N.K. *Origin and growth of caste in India* / N.K. Dutt. – London: K. Paul, Trench, Trubner & Company, Limited, 1931. – 328 p.
- 1.104. Eaton, R.M. *The rise of Islam and the Bengal Frontier, 1204-1760* / R.M. Eaton. – Los Angeles: University of California, 1993. – 359 p.
- 1.105. Eliot, H.M. *The History of India, as told by its own historians. The Muhammad period* / H.M. Eliot. – London: Trubner and Co., 1869. – 575 p.
- 1.106. Elphinstone, M. *The History of India: the Hindu and Mahometan periods* / M. Elphinstone. – London: John Murray, 1866. – 716 p.
- 1.107. Elst, K. *Update on the Aryan Invasion Debate* / K. Elst. – New Delhi: Aditya Prakashan, 1999. – 342 p.
- 1.108. Emeneau, M.B. *A Century of Toda Studies: Review of the Toda of South India* / M.B. Emeneau // *Journal of American Oriental Society*. – 1988. – No. 108. – P. 605-609.
- 1.109. Fay, P.W. *The Forgotten Army: India's Armed Struggle for Independence 1942-1945* / P.W. Fay. – East Lansing: University of Michigan Press, 1993. – 573 p.
- 1.110. Forbes, A.K., Mala R. *Hindoo annals of the province of Goozerat in Western India* / A.K. Forbes. – Vol. 2. – London: Richardson Brothers, 23, Cornhill, 1856. – 461 p.
- 1.111. Gandhi, R. *Gandhi: The man, His People, and the Empire* / R. Gandhi. – New Delhi: Penguin Books India, 2007. – 738 p.
- 1.112. Gangoli, G. *Indian Feminism: Law, Patriarchies and Violence in India* / G. Gangoli. – Hampshire: Ashgate Publishing Limited, 2007. – 162 p.
- 1.113. Ganguly, D. *Caste, Colonialism and Counter-Modernity: Notes on a postcolonial hermeneutics of caste* / D. Ganguly. – New York: Taylor & Francis Group, 2005. – 304 p.

- 1.114. Ganguly, S., Mukherji, R. India Since 1980 / S. Ganguly, R. Mukherji. – New York: Cambridge University Press, 2011. – 155 p.
- 1.115. Genetic Evidence on the Origins of Indian Caste Populations // Genome Research. [Режим доступа]: // <http://genome.cshlp.org/content/11/6/994>
- 1.116. Ghaus, A. Muslim Caste in Uttar Pradesh: A Study of Culture Contact / A. Ghaus // Eastern Anthropologist. – 1960. – No. 13. – P. 66-80.
- 1.117. Ghosh, A. Dalits and peasants: the emerging caste-class dynamics / A. Ghosh. – Delhi: Gyan Sagar publications, 1999. – 373 p.
- 1.118. Ghosh, K. Rival Faiths, China's India Policy and the Religious Card in Sikkim / K. Ghosh // Separatism in North-East India: Role of Religion, Language and Script. – New Delhi: Suruchi Prakashan, 2008. – P. 62-80.
- 1.119. Ghosh, N., Goswami A. Sustainability Science for Social, Economic and Environmental Development / N. Ghosh, A. Goswami. – Hershey: IGI Global, 2014. – 324 p.
- 1.120. Ghosh, P. Partition and the South Asian Diaspora: Extending the Subcontinent / P. Ghosh. – New Delhi: Routledge, 2007. – 308 p.
- 1.121. Gist, N.P., Wright, R.D. Marginality and Identity: Anglo-Indians as a Racially-Mixed Minority in India / N.P. Gist, R.D. Wright. – Leiden: E.J. Brill. Publ., 1973. – 161 p.
- 1.122. Gorringe, H. Becoming a Dalit Panther: Caste-Based Activism in South India / H. Gorringe // Ethnic Activism and Civil Society in South Asia. – New Delhi: SAGE Publications, 2009. – P. 145-174.
- 1.123. Gorringe, H. Untouchables Citizens: Dalit Movements and Democratisation in Tamil Nadu / H. Gorringe. – New Delhi: SAGE Publications, 2005. – 397 p.
- 1.124. Guha, R. Makers of Modern India / R. Guha. – Cambridge: Harvard University Press, 2011. – 500 p.
- 1.125. Guha, S. Beyond Caste: Identity and Power in South Asia, Past and Present / S. Guha. – Leiden: Brill, 2013. – 256 p.

- 1.126. Gupta, R.K., Bakshi, S.R. Studies in Indian History: Rajasthan Through the Ages: The Heritage of Rajputs / R.K. Gupta, S.R. Bakshi. – New Delhi: Sarup and Sons, 2008. – Vol. 2. – 259 p.
- 1.127. Halbar, B.G. Lamani economy and society in change / B.G. Halbar. – Delhi: Oscar Publications, 1986. – 270 p.
- 1.128. Hardgrave, R.L. The Nadars of Tamilnad: The Political Culture of a Community in Change / R.L. Hardgrave. – Los Angeles: University of California Press, 1969. – 314 p.
- 1.129. Hardiman, D., Mukharji, P.B. Medical Marginality in South Asia: Situating Subaltern Therapeutics / D. Hardiman, P.B. Mukharji. – New York: Routledge, 2012. – 216 p.
- 1.130. Harriss, J. How far have India's economic reforms been 'guided by compassion and justice'? Social policy in neoliberal era / J. Harris // Understanding India's New Political Economy: A Great Transformation? – New York: Routledge, 2011. – P. 127-149.
- 1.131. Harriss-White, B. India Working: Essays on Society and Economy / B. Harris-White. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 316 p.
- 1.132. Hasan, A., Das, J.C. People of India. Uttar Pradesh / A. Hasan, J.C. Das. – Vol. XLII. – New Delhi: Manohar publications, 2005. – 1624 p.
- 1.133. Hassan, S.S. ul. The Castes and Tribes of H.E.H. the Nizam's Domination / S.S. ul Hassan. – Delhi: Asian Educational Services, 1920. – 399 p.
- 1.134. Hebbar, N.H. Caste and Karma / N.H. Hebbar. – New Delhi: Aditya Prakashan, 2002. – 313 p.
- 1.135. Imtiaz, A. Caste and social stratification among the Muslims / A. Imtiaz. – Delhi: Manohar Book Service, 1973. – 256 p.
- 1.136. Jaffrelot, C. Dr. Ambedkar and Untouchability: Analysing and Fighting Caste / C. Jaffrelot. – London: Hurst & Co. Publishers Ltd., 2005. – 205 p.
- 1.137. Jaffrelot, C. India's Silent Revolution: The Rise of the Lower Castes in North India / C. Jaffrelot. – London: C. Hurst & Co. Ltd., 2003. – 505 p.

- 1.138. Jain, K.C. Lord Mahavira and his times. – Delhi: Motilal Banarsidass, 1991. – 406 p.
- 1.139. Jain, R.K. Issues Expectations and Solutions / R.K. Jain // Globalisation, Governance Reforms and Development in India. – New Delhi: SAGE Publications, 2007. – P. 375-398.
- 1.140. Jayal, N.G. Citizenship and Its Discontents: An Indian History / N.G. Jayal. – Cambridge: Harvard University Press, 2013. – 354 p.
- 1.141. Jayapalan, N. Economic History of India: ancient to present day / N. Jayapalan. – Delhi: Nice Printing Press, 2008. – 360 p.
- 1.142. Jayapalan, N. Indian Society and Social Institutions / N. Jayapalan. – New Delhi: Atlantic Publishers and Distributors, 2001. – 590 p.
- 1.143. Joseph, M.T. Migration and Identity Formation: A Case Study of Dalit Assertion in Aurangbad, Maharashtra / M.T. Joseph // Migration and Mission in India. – Delhi: Ishvani Kedra, 2007. – P. 95-124.
- 1.144. Joshi, L.M. Studies in the Buddhistic Culture of India / L.M. Joshi. – Delhi: Motilal Banarsidass, 1967. – 497 p.
- 1.145. Jurewicz J. The Rigveda, “small scale” societies and rebirth eschatology / J. Jurewicz // The Oxford Centre for Buddhist Studies. [Режим доступа]: // <http://www.ocbs.org/images/documents/rebirth.pdf>
- 1.146. Kadam, K.N. Dr. Babasaheb Ambedkar and the Significance of His Movement / K.N. Kadam. – Bombay: Popular Prakashan Pvt. Ltd., 1991. – 156 p.
- 1.147. Kanjamala, A. Social Analysis of Migration in India / A. Kanjamala // Migration and Mission in India. – Delhi: Ishvani Kedra, 2007. – P. 1-27.
- 1.148. Kanthimathi, S., Vijaya, M., Ramesh A. Genetic study of Dravidian castes of Tamil Nadu / S. Kanthimathi, M. Vijaya // Journal of Genetics. – Indian Academy of Science. – 2011. – Vol. 87. – No. 2. – P. 175-179.
- 1.149. Kaur, R. Religion, Violence and Political Mobilisation in South Asia / R. Kaur. – New Delhi: Sage Publications India Pvt., Ltd., 2005. – 228 p.

- 1.150. Keane, D. Caste-based Discrimination in International Human Rights Law / D. Keane. – Chippenham, Wiltshire: Antony Rowe Ltd., 2007. – 322 p.
- 1.151. Keer, D. Dr. Ambedkar: Life and Mission / D. Keer. – Mumbai: Popular Prakashan Pvt. Ltd., 1990. – 532 p.
- 1.152. Kenoyer, J.M. Ancient cities of the Indus valley civilization / J.M. Kenoyer – Islamabad: American institute of Pakistan studies, 1998. – 260 p.
- 1.153. Khan, S.A. Lahore Resolution: Arguments for and against: history and criticism / S.A. Khan. – New York: Royal Book Co., 1988. – 148 p.
- 1.154. Khatoon, F. A Regional Analysis of Literacy and Educational Level of Scheduled Castes in Uttar Pradesh / F. Khatoon // Journal of Humanities and Social Science. – 2013. – Vol. 6. – Issue 4. – P. 4-19.
- 1.155. Kita, V. Towards a non-Brahmin Millennium: From IyotheeThass to Periyar / V. Kita. – Delhi: Samya, 1998. – 556 p.
- 1.156. Kohli, A. The Success of Indian's Democracy / A. Kohli. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 298 p.
- 1.157. Kshirasagara R.K. Dalit Movement in India and its Leaders, 1857–1956 / R.K. Kshirasagara. – New Delhi: M.D. Publications Pvt. Ltd., 1994. – 459 p.
- 1.158. Kulke, E. The Parsees in India: A minority as agent of social change / E. Kulke. – New Delhi: Vikas Pub., 1978. – 300 p.
- 1.159. Kulke, H., Rothermund, D. A history of India / H. Kulke, D. Rothermund. – New York: Routledge, 2004. – 432 p.
- 1.160. Kumar, J. D. Law, Police and Weaker Sections / J.D. Kumar // Policing India in the New Millennium. – Mumbai: Allied Publishers Pvt. Ltd., 2002. – P. 419-458.
- 1.161. Kumar, N.K. Global Encyclopedia of the South Indian Dalit's Ethnography / N.K. Kumar. – New Delhi: Global Vision Publishing House, 2006. – 911 p.
- 1.162. Kumar, R. Encyclopedia of Untouchables Ancient, Medieval and Modern / R. Kumar. – Delhi: Kalpaz Publications, 2008. – 505 p.
- 1.163. Kumar, S.S. Kerala. People of India / S.S. Kumar. – Vol. 27. – New Delhi: Anthropological Survey of India, 2002. – 278 p.

- 1.164. Kumar, V. India's roaring revolution dalit assertion and new horizons / V. Kumar. – New Delhi: Gagandeep Publications, 2006. – 224 p.
- 1.165. Kumar, V. Understanding Exclusion and Assertion of Dalits in India / V. Kumar // Globalisation, Governance Reforms and Development in India. – New Delhi: SAGE Publications, 2007. – P. 302-331.
- 1.166. Lal, B.B. Some reflections on the structural remains at Kalibangan / B.B. Lal. – Delhi: New Perspectives, 1984. – 271 p.
- 1.167. Lama, G. South Asia / G. Lama. – Vol. 2. – Mexico: El Colegio de Mexico, 1982. – 418 p.
- 1.168. Lawrence, J.G. Cultural Studies: an introduction to global awareness / J.G. Lawrence. – London: Barb House, 2010. – 785 p.
- 1.169. Lefevre-Witier, P., Vergnes, H. Genetic Structure in Ideles / P. Lefevre-Witier, H. Vergnes // Evolutionary Models and Studies in Human Diversity. – Chicago: Adline Publishing Company, 1978. – P. 255-278.
- 1.170. Lelyveld, J. Great soul: Mahatma Gandhi and his struggle with India / J. Lelyveld. – New York: Random House LLC, 2011. – 448 p.
- 1.171. Lerche, J. Politics of the Poor: Agricultural Labourers and Political Transformations in Uttar Pradesh / J. Lerche // Rural Labour Relation in India. – New York: Routledge, 1999. – P. 182-242.
- 1.172. Leslia, J. Authority and Meaning in Indian Religions: Hinduism and the case of Valmiki / J. Leslia. – Bodmin: MPG Books Ltd., 2003. – 241 p.
- 1.173. Levin, N.R. The Changing Social Structure in Contemporary India / N.R. Levin // Contemporary India: Economy, Society, Politics. – New Delhi: Dorling Kindersley (India) Pvt., Ltd., 2009. – P. 107-120.
- 1.174. Lokshin, M., Bontch-Osmolovsky, M., Glinskaya E. Work-Related Migration and Poverty Reduction in Uttar Pradesh / M. Lokshin, M. Bontch-Osmolovsky, E. Glinskaya // Migration and Poverty: Toward Better Opportunities for the Poor. – Washington: World Bank Publications, 2011. – P. 35-66.

- 1.175.Lynch, O.M. The Politics of Untouchability: A Case from Agra / O.M. Lynch // Structure and Change of Indian Society. – Chicago: Aldine Pub. Co., 2007. – P. 209-242.
- 1.176.Madan, G.R. Indian Social Problems / G.R. Madan. – Vol. 2. – Mumbai: Allied Publishers Pvt. Ltd., 2002. – 640 p.
- 1.177.Mahanta, K.C. North-East India: The Horizont of Anthropology / K.C. Mahanta. – Delhi: Kalpaz Publications, 2008. – 328 p.
- 1.178.Manchanda, R. The No Nonsense Guide to Minority Rights in South Asia / R. Manchanda. – New Delhi: SAGE Publications Pvt., Ltd., 2009. – 328 p.
- 1.179.Marbaniang, D. Secularism in India / D. Marbaniang. – 2011. [Режим доступа]: // <http://books.google.ru/books?id=WHQ2M1ILGVcC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>
- 1.180.Markovits, C. Indian Business and the Congress Provincial Governments 1937-1939 / C. Markovits // Power, Profit and Politics. – Vol. 15. – Part 3. – P. 487-526.
- 1.181.Mathur, M.L. Encyclopedia of Backward Castes: Comissions / M.L. Mathur. – Vol. 2. – Delhi: Kalpaz Publications, 2004. – 309 p.
- 1.182.Mendelsohn, O., Vicziany, M. The Untouchables: Subordination, Poverty and the State in Modern India / O. Mendelsohn, M. Vicziany. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 289 p.
- 1.183.Metcalf, T.R. The New Cambridge History of India: Ideologies of the Raj / T.R. Metcalf. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 244 p.
- 1.184.Moffatt, M. An Untouchable Community in South India: Structure and Consensus / M. Moffatt. – Man: New Series, 1980. – Vol. 15. – 323 p.
- 1.185.Mohammad, N. Socio-Economic Transformation of Scheduled Castes in Uttar Pradesh / N. Mohammad. – New Delhi: Concept Publishing Company, 2006. – 188 p.
- 1.186.Mohan, S. Dalit Discourse and the Evolving self: Contest and Strategies / S. Mohan. – Madras: Mahatma Gandhi University Press, 1999. – 254 p.

- 1.187.Mohanadasa, N. Dalit freedom fighters / N. Mohanadasa. – New Delhi: Gyan Publishing House, 2010. – 252 p.
- 1.188.Mohanty, P.K. Encyclopaedia os Scheduled Tribes in India / P.K. Mohanty. – New Delhi: Gyan Publishing House, 2006. – 1528 p.
- 1.189.Moin, A.A. The millennial sovereign: sacred kingships and sainthood in Islam / A.A. Moin. – New York: Columbia University Press, 2012. – 343 p.
- 1.190.Moose, D. Dalit Christian Activism in Contemporary Tamil Nadu / D. Moose // Ethnic Activism and Civil Society in South Asia. – New Delhi: SAGE Publications, 2009. – P. 175-214.
- 1.191.Moose, D. The Saint in the Banyan Tree: Christianity and Caste Society in India / D. Moose. – Los Angeles: University of California Press, 2012. – 408 p.
- 1.192.Mudbirdi, A.G. The Town and the Raj: Urbanization in British India / A.G. Mudbirdi. – New Delhi: Reliance Publishing House/ Reliance Books, 1992. – 173 p.
- 1.193.Muhaiyaddeen, M.R.B. The Divine Luminous Wisdom: That Dispels the Darkness / M.R.B. Muhaiyaddeen. – Philadelphia: The Fellowship Press, 1972. – 308 p.
- 1.194.Mukherjee, A. Perspectives of the Silent Majority: Air Pollution, Livelihood and Food Security / A. Mukherjee. – New Delhi: Ashgate Publishing Limited, 2002. – 440 p.
- 1.195.Mukherjee, R. The Dinamics of a Rural Society / R. Mukherjee. – Delhi: Popular Prakashan, 1957. – 134 p.
- 1.196.Mukhopadhyaya, A. Roots: Genesis of Socio-economic Development of Modern India / A. Mukhopadhyaya. – New Delhi: Voluntary Health Association of India, 2002. – 468 p.
- 1.197.Murrey, M.J. Hindu Eschatology and the Indian Caste System: An Example of Structural Reversal / M.J. Murrey // The Journal of Asian Studies. – 1993. – No. 2. – P. 298-315.

- 1.198. Mutatkar, R. *State, Civil Society and Justice: The Case of India* / R. Mutatkar // *Global Civil Society 2011: Globality and the Absence of Justice*. – New York: PALGRAVE MACMILLAN, 2011. – P. 222-232.
- 1.199. Naidu, A.N. *Famines and Demographic Crisis – Some Aspects of the De-Population of Lower Castes in Madras* / A.N. Naidu // *Dalits and Tribes of India*. – New Delhi: Mittal Publ., 2010. – P. 35-50.
- 1.200. Naik, C.D. *Thoughts and Philosophy of Dr. B.R. Ambedkar* / C.D. Naik. – New Delhi: Sarup & Sons, 2003. – 475 p.
- 1.201. Nair, R.R., Devi, L.S. *Chattampi Swami: An Intellectual Biography* / R.R. Nair, L.S. Devi. – Vengannor: Trivandrum Press, 2010. – 482 p.
- 1.202. Namishray, M.D. *Dalit freedom fighters* / M.D. Namishray. – New Delhi: Gyan Publishing House, 2010. – 252 p.
- 1.203. Narula S. *Broken People: Violence Against India's "Untouchables"* / S. Narula. – New York: Human Rights Watch, 1999. – 291 p.
- 1.204. Neog, M. *Early History of the Vaisnava Faith and Movement in Assam: Sankaradeva and His Time* / M. Neog. – Delhi: Motilal Banarsidas, 1985. – 400 p.
- 1.205. Neuman, D.M. *The Life of Music in North India* / D.M. Neuman. – Chicago: University of Chicago Press, 1990. – 296 p.
- 1.206. Nigam, A. *Secularism, Modernity, Nation: An Epistemology of the Dalit Critique* / A. Nigam // *Economic and Political Weekly*, 2000. – Vol. 35. – No. 48. – P. 2268-2272.
- 1.207. Nisar, M., Kandasamy, M. *Ayyankali – a Dalit Leader of Organic Protest* / M. Nisar, M. Kandasamy. – Calicut: Other Books, 2007. – 101 p.
- 1.208. Niyogi, T.K. *Fisher Folk of the Sundarbans* / T.K. Niyogi // *In the Lagoons of the Gangetic Delta*. – New Delhi: Mittal Publications, 2010. – P. 213-231.
- 1.209. O'Hanlon, R. *Caste, Conflict and Ideology: Mahatma Jotirao Phule and low caste protest in nineteenth-century western India* / R. O'Hanlon. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – 344 p.

- 1.210.Omvedt, G. Dalit Visions: The Anti-Caste Movement and the Construction of an Indian Identity / G. Omvedt. – Hyderabad: Orient Longman Private Ltd., 2006. – 108 p.
- 1.211.Oommen, T.K. Crisis and Contention in Indian Society / T.K. Oommen. – New Delhi: Sage Publications India Pvt. Ltd., 2005. – 244 p.
- 1.212.Pai, S. Development State and the Dalit Question in Madhya Pradesh: Congress Response / S. Pai. – New Delhi: Routledge, 2013. – 552 p.
- 1.213.Pai, S. Social Capital, Panchayats and Grassroots Democracy: The Politics of Dalit Assertion in Two Districts of Uttar Pradesh / S. Pai // Interrogating Social Capital: The Indian Experience. – New Delhi: SAGE Publications Ltd., 2004. – P. 35-70.
- 1.214.Pai, S. Uttar Pradesh: New Patterns of Mobilization in 1990s and beyond / S. Pai // Routledge Handbook of Indian Politics. – New York: Routledge, 2013. – P. 261-270.
- 1.215.Pandey, A. South Asia: Polity, Literacy and Conflict Resolution / A. Pandey. – Delhi: Isha Books, 2005. – 276 p.
- 1.216.Pandey, G. Routine Violence: Nations, Fragments and Histories / G. Pandey. – Stanford: Stanford University Press, 2006. – 228 p.
- 1.217.Parel, A. Gandhi in Independent India / A. Parel // The Cambridge Companion to Gandhi. – New York: Cambridge University Press, 2011. – P. 219-238.
- 1.218.Parmar, H.S. Tribal Development in Himachal Pradesh / H.S. Parmar. – New Delhi: Mittal Publications, 1992. – 178 p.
- 1.219.Paswan, S., Jaideva, P. Encyclopaedia of Dalits in India: Human Rights / S. Paswan, P. Jaideva. – Delhi: Kalpaz Publications, 2003. – 372 p.
- 1.220.Paswan, S., Jaideva, P. Encyclopaedia of Dalits in India: Leaders / S. Paswan, P. Jaideva. – Delhi: Kalpaz Publications, 2005. – 456 p.
- 1.221.Paswan, S., Jaideva, P. Encyclopaedia of Dalits in India: Movements / S. Paswan, P. Jaideva. – Delhi: Kalpaz Publications, 2002. – 332 p.

- 1.222.Paswan, S., Jaideva, P. Encyclopaedia of Dalits in India: Problems and Perspectives / S. Paswan, P. Jaideva. – Delhi: Kalpaz Publications, 2003. – 448 p.
- 1.223.Paterya, R.R. Provincial Legislatures and the National Movement / R.R. Paterya. – New Delhi: Northern Book Centre, 1991. – 262 p.
- 1.224.Patil, S. Dalit women and the field of Caste – Gendered Culture of Crime / S. Patil // First International Conference of the South Asia Society of Criminology and Victimology (SASCV). – 15-17.01.2011. – Manonmaniam Sundaranar University. Jaipur. – 2011. – P. 295-297.
- 1.225.Patterson M.L. Chitpavan Brahman Family Stories: Sources for Study of Social Structure and Social Change in Maharashtra / M.L. Patterson // Structure and Change of Indian Society. – Chicago: Aldine Pub. Co., 2007. – P. 397-412.
- 1.226.Peers, D.M. India under colonial rule: 1700-1885 / D.M. Peers. – Edinburgh: Pearson Education Ltd, 2006. – 192 p.
- 1.227.Prabhash, J. Affirmative action and social change – Social mobility of Dalits / J. Prabhash. – New Delhi: Anmol Publications Ltd., 2001. – 242 p.
- 1.228.Prasad, C.B. Dalit Phobia: Why Do They Hate Us? / C.B. Prasad. – New Delhi: Vitasta Pub., 2006. – 228 p.
- 1.229.Pruthi, R.K. Administrative Management and Planning / R.K. Pruthi. – New Delhi: Discovery Publishing House, 2005. – 304 p.
- 1.230.Pruthi, R.K. Indian Caste System / R.K. Pruthi. – Delhi: Tarun Offset Printers, 2004. – 255 p.
- 1.231.Radha, K.M. Chandragupta Maurya and His Times / K.M. Radha. – Delhi: Motilal Banarsidass, 1988. – 263 p.
- 1.232.Raghavan, G.N.S., Balachandran, G. Forty Years of World's Largest Democracy: A Survey of Indian Elections / G.N.S. Raghavan, G. Balachandran. – New Delhi: Press Trust of India, 1990. – 121 p.

- 1.233.Rahman, M.I. Perceived Reactions of Minorities Towards Police / M.I. Rahman // *Weaker Sections: The Psycho-Social Perspective*. – New Delhi: Gyan Publishing House, 1998. – P. 141-147.
- 1.234.Ram, N. Atrocities and Segregation in an Urban Social Structure / N. Ram // *Life as a Dalit: Views from the Bottom on Caste in India*. – New Delhi: SAGE Publications India Pvt., Ltd., 2013. – P. 35-52.
- 1.235.Raman, R. Development, Democracy and the State: Critiquing the Kerala Model of Development / R. Raman. – New York: Routledge Press, 2010. – 272 p.
- 1.236.Ramaswamy, V. Historical Dictionary of the Tamils / V. Ramaswamy. – Lanham: Scarecrow Press, Inc., 2007. – 448 p.
- 1.237.Rantattani, H. Mappila Muslims: A Study on Society and Anti-Colonial Struggles / H. Rantattani. – Calicut: Other Books, 2007. – 182 p.
- 1.238.Rao, A. The Caste Question: Dalits and the Politics of Modern India / A. Rao. – Los Angeles: University of California Press, 2009. – 392 p.
- 1.239.Rao, H., Babu, M.D. Scheduled Castes and Tribes, Socio-Economic Upliftment Programmes / H. Rao, M.D. Babu. – New Delhi: Ashish Publishing House, 1994. – 150 p.
- 1.240.Rawat, R.S. Reconsidering Untouchability: Chamars and Dalit History in North India / R.S. Rawat. – Indianapolis: Indiana University Press, 2011. – 272 p.
- 1.241.Ray, R, Fainsod Katzenstein, M. Social Movements in India: Poverty, Power and Politics / R. Ray, M. Fainsod Katzenstein. – Oxford: Rowmanand Littlefield Publishers, Inc., 2005. – 311 p.
- 1.242.Ray R. Asian capital in the age of European domination: the rise of Bazaar, 1800-1914 / R. Ray // *Modern Asian Studies*. – 1995. – No. 3. – P. 449-554.
- 1.243.Rose A. The Khokhars and Gakhars in Panjab history / A. Rose // *Indian antiquary*. – Vol. 36. – London: John Murray, 1907. – P. 4-86.
- 1.244.Rosso, R., Chakravarty, K.K. Nomads of South Asia. Anthology of 400 Nomadic Groups and Gypsies in India / R. Rosso, K.K. Chakravarty.

[Режим доступа]: // <http://xoomer.virgilio.it/brguiz/asianomads/Jangama.doc>

- 1.245. Ruegg, D.S. The Meaning of the Term “Gotra” and the Textual History of the ‘Ratnagothravibhaga’ / D.S. Ruegg // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. – London: University of London, 1976. – Vol. 39. – No. 2. – P. 341-363.
- 1.246. Sabhlok, P.K. Glimpses of Vedic Metaphysics / P.K. Sabhlok. [Режим доступа]: // <http://www.sabhlokcity.com/metaphysics/metaphysics.pdf>
- 1.247. Sachchidananda. People at the Bottom: A Portrait of the Scavengers / Sachchidananda. – New Delhi: Concept Publishing Company, 2001. – 226 p.
- 1.248. Sadangi, H.C. Emancipation of Dalits and Freedom Struggle / H.C. Sadangi. – Delhi: ISHA Books, 2008. – 416 p.
- 1.249. Sadasivan, S.N. A Social History of India / S.N. Sadasivan. – New Delhi: A.P.H. Publishing Corporation, 2000. – 799 p.
- 1.250. Satyanarayana, K., Tharu, S. Steel Nibs are sprouting: New Dalit Writing from South India / K. Satyanarayana, S. Taru. – New Delhi: Harper Collins Publishers India, 2009. – 824 p.
- 1.251. Separating the post-Glacial coancestry of European and Asian Y chromosomes haplogroup R1a // European Journal of Human Genetics. – 2009. – No.1. – P. 2-4.
- 1.252. Sermakani, P. Depressed Class Representation in the Central and Provincial Legislature in Tamilnadu / P. Sermakani // History of People and Their Environs. – Chennai: Bharathi Puthakalayam, 2011. – P. 389-401.
- 1.253. Sethi, J.S. Views and reviews / J.S. Sethi. – New Delhi: Sanbun Publishers, 2009. – 284 p.
- 1.254. Sethna, K.D. Problems of Ancient India / K.D. Sethna. – New Delhi: Aditya Prakashan, 2000. – 352 p.
- 1.255. Shah, G. Caste and Democratic Politics in India / G. Shah. – Delhi: Permanent Black, 2003. – 363 p.

- 1.256. Shah, G. Social Backwardness and the Politics of Reservations / G. Shah // Caste and Democratic Politics in India. – Delhi: Permanent Black, 2002. – P. 296-315.
- 1.257. Sharma, A. Religion Studies and Comparative Methodology: the case for reciprocal illumination / A. Sharma. – New York: State University of New York Press, 2005. – 324 p.
- 1.258. Sharma, C., Irshad Ali, A.N.M. The Kaibartas: A Fishing Community of Assam, Their Society and Economy / C. Sharma. A.N.M. Ali Irshad // Journal of Human Ecology. – 2005. – No. 17 (3). – P. 205-209.
- 1.259. Sharma, C.L. Social mobility among Scheduled Castes: An empirical study in an Indian State / C.L. Sharma. – New Delhi: M.D. Publications Pvt., Ltd., 1996. – 146 p.
- 1.260. Sharma, K. Rediscovering Dharavi: Stories from Asia's largest slum / K. Sharma. – London: Penguin Books Ltd., 2000. – 209 p.
- 1.261. Sharma, R. Bhangi, Scavenger in Indian Society: Marginality, Identity and Politicization of the Community / R. Sharma. – New Delhi: M.D. Publications Pvt. Ltd., 1995. – 268 p.
- 1.262. Sharma, R.K. Indian Society, Institutions and Change / R.K. Sharma. – New Delhi: Atlantic Publishers and Distributors, 2004. – 378 p.
- 1.263. Sharma, R.S. Sudras in Ancient India: A Social History of the Lower Order Down to Circa A.D. 600 / R.S. Sharma. – Delhi: Motilal Banarsidass, 1990. – 384 p.
- 1.264. Sheth, N.R. The Social Framework of an Indian Factory / N.R. Sheth. – Manchester: Manchester University Press, 1968. – 220 p.
- 1.265. Shinde, P. K. Dalits and Human Rights: Dalits and Racial Justice / P.K. Shinde. – Delhi: Isha Books, 2005. – 298 p.
- 1.266. Silverberg, J. Social Mobility in the Caste System in India: An Interdisciplinary Symposium / J. Silverberg // The American Journal of Sociology. – 1969. – No. 3. – P. 438-446.

- 1.267. Singh, K.S. People of India: The Scheduled Castes / K.S. Singh. – Vol. 2. – New Delhi: Anthropological Survey of India, 1993. – 256 p.
- 1.268. Singh, M. Anatomy of Integrated Rural Development / M. Singh. – New Delhi: Mittal Publications, 1994. – 143 p.
- 1.269. Singh, M.P., Saxena R. Indian Politics: Constitutional Foundations and Institutional Functioning / M.P. Singh. – New Delhi: PHI Learning Private Limited, 2011. – 377 p.
- 1.270. Singh, R.B. Scheduled Castes Welfare: Myth or Reality R.B. Singh. – New Delhi: Efficient Offset Printers, 2003. – 211 p.
- 1.271. Singh, S.N. Socio-Economic and Political Problems of Tea Garden Workers: A Study of Assam / S.N. Singh. – New Delhi: Mittal Publications, 2006. – 238 p.
- 1.272. Singh, U. History of ancient and early medieval India: From the Stone Age to the 12 century / U. Singh. – Delhi: Person Education, 2008. – 677 p.
- 1.273. Singh, V.P. Caste, class and democracy: changes in a stratification system / V.P. Singh. – Delhi: Manoranjan Mohanty, 2004. – 158 p.
- 1.274. Singhal, C.S. Devolutions of Power, Functions and Finances on Panchayati Raj Institutions in Maharashtra / C.S. Singhal // Dynamics of New Panchayati Raj System in India. – New Delhi: Concept Publishing Company, 2002. – P. 83-97.
- 1.275. Sinha, A.K., Chakraborty, G., Bhattacharya, C., Datta P.S. Assam / A.K. Sinha, G. Chakraborty, C. Bhattacharaya, P.S. Datta // Socio-Economic Profile of Rural India: North-East India (Assam, Manipur, Tripura, Nagaland). – New Delhi: Concept Publishing Company, 2004. – P. 1-70.
- 1.276. Snellman, A. Social hierarchies, prejudice and discrimination / A. Snellman. – Uppsala: University of Uppsala, 2007. – 54 p.
- 1.277. Sponberg, A. A Dhamma Revolution in Contemporary India / A. Sponberg // Engaged Buddhism: Buddhist Liberation Movements in Asia. – New York: State University of New York Press, 1996. – P. 73-91.

- 1.278.Srinivas, M.N. A Note on Sanscritization and Westernization / M.N. Srinivas // Far Eastern Quarterly. – 1956. – No. 15. – P. 481-196.
- 1.279.Srinivas, M.N. Social Change in Modern India / M.N. Srinivas. – Los Angeles: University of California Press, 1966. – 200 p.
- 1.280.Stokes, E. The peasant and the Raj: Studies in agrarian society and peasant rebellion in colonial India / E. Stokes. – Cambridge: Cambridge University Press, 1980. – 320 p.
- 1.281.Surjeet, H. March of the Communist Movement in India / H. Surjeet. – Calcutta: National Book Agency, 1998. – 259 p.
- 1.282.Takhar, O.K. Sikh Identity: An Exploration of Groups among Sikhs / O.K. Takhar. – New Delhi: Ashgate Publishing Ltd., 2005. – 215 p.
- 1.283.Tejani, S. Indian Secularism: A Social and Intellectual History, 1890-1950 / S. Tejani. – Indianapolis: Indiana University Press, 2008. – 302 p.
- 1.284.Templeman, D. The northern Nadars of Tamil Nadu: the Indian caste in the process of change / D. Templeman. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 284 p.
- 1.285.Thakar, A.V. Harijans Manufactured in Tea Estates of Assam / A.V. Thakar // Discovery of north-East India: Geography, History, Culture, Religion, Politics, Sociology, Science, Education and Economy. Assam. – Vol. 5. Assam – Economy, Society and Culture. – New Delhi: Mittal Publication, 2005. – P. 25-30.
- 1.286.Thakar, O.K. Sikh Identity: An Exploration of Groups among Sikhs / O.K. Thakar. – Bodmin: MPG Books Ltd., 2005. – 215 p.
- 1.287.Thapar-Bjorkert, S. Gender and Caste Conflicts in Rural Bihar: Dalit Women as Arm Bearers / S. Thapar-Bjorket // The Situated Politics of Belonging. – New Delhi: Sage Publications Inc., 2006. – P. 127-148.
- 1.288.The Bhangi: A Sweeper Caste: Its socio-economic portrait. – Bombay: Pandit Madan, 1992. – 190 p.
- 1.289.Thapar, R. Early India: From the Origins to Ad 1300 / R. Thapar. – Los Angeles: University of California Press, 2004. – 555 p.

- 1.290. Thorat, S. *Dalits in India: Search for Common Destiny* / S. Thorat. – New Delhi: SAGE Publications Ltd., 2009. – 313 p.
- 1.291. Thorpe, E., Thorpe, S. *Simon Commission (1927)* / E. Thorpe, S. Thorpe // *The Pearson General Studies Manual*. – New Delhi: Saurabh Printers Pvt. Ltd., 2009. – P. 2189-2198.
- 1.292. Tidrick, K. *Gandhi: A Political and Spiritual Life* / K. Tidrick. – New York: I.B. Taurus & Co. Ltd., 2006. – 400 p.
- 1.293. Tomlinson, B.R. *The Economy of Modern India 1860–1970* / B.R. Tomlinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 235 p.
- 1.294. *Untouchable soldiers: The Mahars and the Mazhibis* / ed. by Das B. Delhi: Balaji Offset Printers, 2008. – 51 p.
- 1.295. Vadssery, J.J., Verma, K.K. *Dalit Christians of Bihar and the Demand for Reservation* / J.J. Vadssery, K.K. Verma // *Scheduled Castes Today*. – New Delhi: MD Publications Pvt. Ltd., 1997. – P. 19-28.
- 1.296. Verma, O.P. *Yadavas and their Times* / O.P. Verma. – Nagpur: Vidarbha Samshodhana Mandal, 1938. – 404 p.
- 1.297. Verma, R.B., Verma, H.S., Hasnain, V. *The Indian State and the Women's Problematic: Running with the Hare and Hunting with Hounds* / R.B. Verma, H.S. Verma, V. Hasnain. – New Delhi: Serial Publications, 2008. – 666 p.
- 1.298. Waghmore, S. *Civility Against Caste: Dalit Politics and Citizenship in Western India* / S. Waghmore. – New Delhi: SAGE Publications, 2013. – 276 p.
- 1.299. Wankhede, D.M. *Geographical thoughts of Dr. B.R. Ambedkar* / D.M. Wankhede. – Delhi: Balaji Offset Printers, 2009. – 281 p.
- 1.300. Windmiller, M. *Communism in India* / M. Windmiller. – Los Angeles: University of California Press, 1959. – 603 p.
- 1.301. Wolpert, S. *Gandhi's Passion: The Life and Legacy of Mahatma Gandhi* / S. Wolpert. – New York: Oxford University Press, 2001. – 308 p.

- 1.302. Wyatt, A. Party System Change in South India: Political entrepreneurs, patterns and processes / A. Wyatt. – New York: Routledge, 2010. – 240 p.
- 1.303. Yagati, C.R. Dalits' struggle for identity: Andhra and Hyderabad 1900 – 1950 / C.R. Yagati. – Hyderabad: Kanishka Publishers Distributors, 2003. – 280 p.
- 1.304. Zachariah, K., Ray, R.K. Mind, body and society: life and mentality in colonial Bengal / K. Zachariah, R.K. Ray. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 486 p.
- 1.305. Zelliott, E. Congress and the Untouchables, 1917-1950 / E. Zelliott // Congress and Indian nationalism. – Los Angeles: University of California Press, 1988. – P. 182-197.
- 1.306. Zupanov, I.G. Missionary Tropics: The Catholic Frontier in India (16th-17th Centuries) / I.G. Zupanov. – Michigan: The University of Michigan Press, 2005. – 374 p.

Диссертации, авторефераты диссертаций

- 1.1. Балаболина, А.В. Проблемы кастового строя Индии в освещении отечественной историографии XIX-XX вв. / А.В. Балаболина. – Казань: Изд-во Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. – 333 с.
- 1.2. Петрова, И.А. Особенности цивилизационного развития России в этническом времени / И.А. Петрова. – Волгоград: ВолГУ, 2000. – С. 287-290.
- 1.3. Успенская, Е.Н. Этнокастовые общности в контексте формирования и функционирования индийской традиционной социальной организации / Е.Н. Успенская. – СПб: Изд-во Российской Академии наук, музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 2010. – 345 с.
- 1.4. Шустова, А.М. Философско-религиозная антропология Ауробиндо Гхоша / А.М. Шустова. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2000. – 186 с.

Приложения

Приложение 1

Стереотипы, приписываемые брахманам и хариджанам (по порядку частоты употребления)*

Брахманы		Хариджанамы	
стереотипы, используемые брахманами	стереотипы, используемые хариджанамы	стереотипы, используемые хариджанамы	стереотипы, используемые брахманами
1. Интеллигентные 2. Умные 3. Ученые 4. Религиозные 5. Чистые 6. Квалифицированные 7. Благородные 8. Образованные 9. Эгоистичные 10. Бедные	1. Интеллигентные 2. Умные 3. Бедные 4. Хитрые 5. Эгоистичные 6. Интриганы 7. Ученые 8. Благородные 9. Упорные 10. Религиозные	1. Предприимчивые 2. Бедные 3. Честные 4. Отсталые 5. Необразованные 6. Уважающие себя 7. Нуждающиеся 8. Правдивые 9. Патриотичные	1. Бедные 2. Предприимчивые 3. Грязные 4. Необразованные 5. Отсталые 6. Невежественные 7. Мерзкие 8. Честные 9. Неблагородные (низкие)

* (Куценков А.А. – Эволюция индийской касты, 1983, С. 78)

Межкастовое взаимодействие в деревне Каримпур*

Каста	Статус (варна)	Традиционное занятие	Обслуживается	Обслуживает
1. Брахман	Брахман	Священник и учитель	1-24	1-19
2. Бхат	Приравнивается к брахману	Семейный бард, специалист по генеалогии	1-24	1-19
3. Каястха	Кшатрий	Счетовод, писец	1-24	1-24
4. Сунар	Приравнивается к кшатрию	Золотых дел мастер	1-24	1-24
5. Мали	Шудра	Садовник	1-24	1-24
6. Каччи	»	Овощевод	1-24	1-24
7. Лодха	»	Рисовод	1-24	1-24
8. Бархаи	»	Плотник, одна семья - кузнецы	1-24	1-24
9. Наи	»	Цирюльник	1-24	1-15, 22,23
10. Кахар	»	Водонос	1-24	1-19
11. Гадария	»	Пастух	1-24	1-24
12. Бхарбхунья	»	Сушильщик зерна	1-24	1-24
13. Дарзи	»	Портной	1-24	1-24
14. Кумбхар	»	Горшечник	1-24	1-24
15. Махаджан	»	Торговец	1-24	1-24
16. Тели	»	Маслобойщик	1-24	1-24
17. Дхоби	Вне варновой системы	Прачка	1-24	1-19, 21-24
18. Дханук	»	Плетельщик матов	1-24	1-24
19. Чамар	»	Кожевник	1-24	1-24
20. Бханги	»	Мусорщик и ассенизатор (христ.)	18-24	1-24
21. Факир	»	Нищий (мус.)	4-24	1-16, 21-24
22. Манихар	»	Продавец стеклянных браслетов (мус.)	4-24	1-24
23. Дхуна	»	Чесальщик хлопка (мус.)	4-24	1-24
24. Таваиф	»	Танцовщица (мус.)	4-24	1-16, 21-24

* (Куценков А.А. – Эволюция индийской касты, 1983, С. 108)

Приложение 3

Отношения «джаджмани» между кастами в одной из деревень Уттар-Прадеша*

Касты	Число каст, обслуживаемых ими	Число каст, обслуживающих их
Брахман	9	8
Джат (высшая земледельческая каста)	-	9
Кумхар (гончар)	12	5
Джоби (прачка)	12	6
Чамар (батрак, кожевник)	10	2
Бханги (мусорщик)	12	2

* (Г. Г. Котовский – Касты в Индии. Введение: некоторые аспекты проблем каст. С. 23.)

Приложение 4

Статьи расходов на развитие неприкасаемых *

Образование	92,8
Сельское хозяйство	1,4
Кустарная промышленность	2,0
Здравоохранение	15,1
Улучшение жилищных условий	18,8
Коммуникация	0,3
Кооперация	0,5
Ветеринария	0,08
Пропаганда	4,4
Центры общинного развития	0,4
Помощь добровольным организациям	6,2
Администрация	4,9
Устройство беженцев	0,03
Разное	1,8

*(Т. Ф. Крючкова - Касты Индии. О политике по отношению к неприкасаемым. С. 329)

Приложение 5

Educational levels attained by major SCs of Uttar Pradesh*

Name of SC	Literate without educational level	Below primary	Primary	Middle	Secondary/Higher Secondary etc.	Technical & Non-technical diploma	Graduate and above
All SCs	4,6	33,4	27,1	18,5	13,3	0,1	3,0
Chamar	4,3	32,5	26,9	18,8	14,1	0,1	3,3
Pasi	5,8	37,9	27,0	16,7	10,5	0,0	2,2
Dhobi	4,2	32,1	26,4	19,7	14,3	0,1	3,2
Kori	4,7	31,8	28,7	19,4	12,6	0,1	2,7
Balmiki	4,3	33,2	30,7	20,2	10,2	0,0	1,4

*(Uttar Pradesh. Data Highlights: The Scheduled Castes // Census of India 2001. Government of India)

Приложение 6

Literacy Rate among Major SCs of Assam (7 years and above)*

Name of SC	Total	Male	Female
Castes	66,8	75,7	57,1
Bhuinmali	72,2	79,8	64,0
Brittial Bania	81,0	88,6	73,0
Dhupi	76,0	83,1	68,3
Hira	72,5	82,7	61,8
Jalkeot	69,3	78,9	58,8
Jhalo	52,8	64,3	40,3
Kaibartta	72,1	80,5	63,3
Muchi	47,9	60,4	34,2
Namasudra	60,2	70,1	49,4
Patni	75,9	81,5	69,9
Sutradhar	67,2	76,6	57,2

*(Assam. Data highlights: The Scheduled Castes // Census of India 2001. Government of India)

Educational levels attained by major SCs of Tamil Nadu*

Name of SC	Literate without educational level	Below primary	Primary	Middle	Secondary/Higher Secondary etc.	Technical & Non-technical diploma	Graduate and above
All SCs	9,1	19,9	31,9	18,4	17,4	0,6	2,7
Adi Dravida	6,6	19,0	31,7	19,8	19,2	0,6	3,0
Pallan	10,7	19,3	31,9	17,7	16,5	0,7	3,0
Paraiyan	11,2	19,4	31,3	18,0	16,8	0,6	2,8
Chakkiliyan	12,7	25,7	34,1	15,5	10,8	0,3	0,9
Arunthathiyar	10,5	23,6	34	16,1	13,5	0,5	0,7

*(Tamil Nadu. Data Highlights: The Scheduled Castes // Census of India 2001. Government of India)

NUMBER AND PERCENTAGE OF POPULATION BELOW POVERTY LINE*

Year	State/Union Territory	Rural			Urban			Combined	
		No. of Persons (Thousands)	% of Persons	Poverty line (₹)	No. of Persons (Thousands)	% of Persons	Poverty line (₹)	No. of Persons (Thousands)	% of Persons
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
2004-05 (Based on MRP Consumption)	Andhra Pradesh	18000	32.30	433.43	5500	23.40	563.16	23510	29.60
	Arunachal Pradesh	425	38.93	930.00	66	20.33	1060.00	491	34.67
	Assam	9206	33.89	828.00	921	20.49	1008.00	10127	31.98
	Bihar	32040	34.06	778.00	3775	31.23	923.00	35815	33.74
	Chhattisgarh	8890	44.61	738.00	1522	24.75	849.00	10411	39.93
	Goa	37	6.81	1090.00	38	4.09	1134.00	75	5.09
	Gujarat	7535	21.54	932.00	2688	10.14	1152.00	10223	16.63
	Haryana	1942	11.64	1015.00	941	10.28	1169.00	2883	11.16
	Himachal	529	8.48	913.00	30	4.33	1064.00	559	8.06

	Pradesh						0		
	Jammu & Kashmir	1073	11.54	891.00	253	7.20	988.00	1327	10.35
	Jharkhand	10409	40.84	748.00	2024	24.83	974.00	12433	36.96
	Karnataka	9280	24.53	902.00	3696	15.25	1089.00	12976	20.91
	Kerala	1548	9.14	1018.00	846	4.97	987.00	2395	7.05
	Madhya Pradesh	19095	35.74	771.00	4310	21.00	897.00	23406	31.65
	Maharashtra	15056	24.22	967.00	4736	9.12	1126.00	19792	17.35
	Manipur	745	38.80	1118.00	278	32.59	1170.00	1022	36.89
	Meghalaya	304	12.53	888.00	57	9.26	1154.00	361	11.87
	Mizoram	191	35.43	1066.00	37	6.36	1155.00	227	20.40
	Nagaland	276	19.93	1270.00	100	16.48	1302.00	376	18.88
	Odisha	12614	35.69	695.00	1239	17.29	861.00	13853	32.59
	Punjab	1335	7.66	1054.00	982	9.24	1155.00	2318	8.26
	Rajasthan	8419	16.05	905.00	1873	10.69	1002.00	10292	14.71
	Sikkim	45	9.85	930.00	6	3.66	1226.00	51	8.19
	Tamil Nadu	5923	15.83	880.00	2340	6.54	937.00	8263	11.28
	Tripura	449	16.53	798.00	75	7.42	920.00	524	14.05
	Uttar Pradesh	47935	30.40	768.00	11884	26.06	941.00	59819	29.43
	Uttarakhand	825	11.62	880.00	335	10.48	1082.00	1160	11.26
	West Bengal	14114	22.52	783.00	4383	14.66	981.00	18498	19.98
	Andaman & Nicobar Islands	4	1.57	.	0	0.00	.	4	1.00
	Chandigarh	0	1.64	.	234	22.31	.	235	21.81
	Dadra & Nagar Haveli	115	62.59	.	28	15.38	.	143	39.31
	Daman and Diu	0	0.00	.	26	12.62	.	26	9.86
	Delhi	50	12.92	1145.00	1646	9.84	1134.00	1696	9.91
	Lakshwadeep	0	0.00	.	2	3.44	.	2	2.77
	Puducherry	69	17.06	1301.00	55	6.30	1309.00	124	9.69
	All India	216658	25.70	816.00	53125	13.70	1000.00	269783	21.92

*(Table 162: Number and Percentage of Population Below poverty Line // Reserve Bank of India.Source: Planning Commission, Government of India)

Приложение 9

Ранжированный порядок критериев престижа у сельских и городских жителей *

Критерий престижа	Деревенская выборка		Городская выборка		Усредненная (общеиндийская) шкала		
	Малган	Вадавалли	Пуна	Коимбагур	деревня	город	средняя
Образование	1	2	1	2	1,5	1,5	1,5
Черты характера	2	3	3	4	2,5	3,5	3,0
Должность	3	5	2	6	4,0	4,0	4,0
Доход	4	1	4	1	2,5	2,5	2,5
Каста	5	8	7	9	6,5	8,0	7,3
Жилище	6	4	5	3	5,0	4,0	4,5
Соседство	7	10	6	8	8,5	7,0	7,7
Одежда	8	7	8	5	7,5	6,5	7,0
Пища	9	9	9	10	9,0	9,5	9,3
Средства передвижения	10	6	11	7	8,0	9,0	8,5
Досуг	11	11	10	11	11,0	10,5	10,7

*(Куценков А.А. – Эволюция индийской касты, 1983, С. 225)

Процесс «санскритизации» у некоторых каст Северной Индии*

Каста	Профессия	Заявки на новое название и статус		
		1911 г.	1921 г.	1931 г.
Камар	Кузнецы		кшатрия	брахман
Сонар	Золотых дел мастера и ювелиры	кшатрия-раджпут	кшатрия-раджпут	брахман-вайшья
Сутрадар	Плотники	вайшья	вайшья	брахман
Наи	Цирюльники		тхакур	»
Напит	»	кшатрия	байдия	»
Раваникахар	Водоносы		вайшья	кшатрия
Мочи	Сапожники		байдия-риши	»
Чамар	Дубильщики		»	»
Бхатт	Музыканты	брахма - бхатт	брахма-бхатт	брахма-бхатт-брахман
Чандал	Уборщики нечистот	намашудра	намашудра-брахман	намашудра-брахман
Часикайбарга	Рыбаки	махишья	махишья	махишья-кшатрия
Кхатри	Торговцы		кшатрия	вайшья
Тели	Маслобойщики	ратхот-тели		ратхор-вайшья

*(Куценков А.А. – Эволюция индийской касты, 1983, с. 231)